

Майн Рид Белый вождь

Глава I

Это случилось в глубине Американского континента, более чем за тысячу миль от обоих океанов.

Поднимитесь со мною вон на ту гору и с ее снеговой вершины посмотрите вокруг.

Вот мы уже на самом высоком гребне. Что же мы видим?

На север, пересекая тридцать параллелей, до самых берегов Северного Ледовитого Океана, тянутся горы. Они беспорядочно громоздятся на юге: цепи их то расходятся, то сплетаются в узел. И на западе тоже горы; их неровные очертания четко вырисовываются в небе, а у подножий раскинулись широкие плоскогорья.

А теперь обратимся на восток. Ни одной горной вершины! Ни одной – на сколько хватает глаз и еще на тысячи миль. Вон та темная линия, встающая на горизонте, – это лишь скалистый край другого плоскогорья, такой же прерии, только приподнятой чуть выше над уровнем моря.

Где же мы? На какой вершине? На Сьерра-Бланка, которую охотники называют «Испанский пик». Мы на западной окраине Великих Равнин.

На востоке глаз не встречает никаких признаков цивилизации. Можно ехать целый месяц и все равно не встретить их. На севере, на юге – лишь горы да горы.

Не то на западе. В подзорную трубу вы разглядите вдалеке возделанные поля, протянувшиеся вдоль берегов сверкающей на солнце реки. Это поселения Новой Мексики, оазис, питаемый водами Рио дель Норте. Но события, о которых пойдет речь, развернулись не здесь.

Взгляните снова на восток – и место действия будет перед вами. От подножия горы, на которой мы стоим, простирается далеко на восток плоскогорье. Здесь нет предгорий, оно вплотную подходит к горному кряжу; один шаг – и под ногами у вас уже не ровная земля, а скалистый, поросший сосною склон.

Плоскогорье это не назовешь однообразным. Местами, где разрослась невысокая густая трава, оно ярко-зеленое, но большая часть его бесплодна, точно пустыня Сахара. Вот лежит бурая, выжженная солнцем земля, на которой не видно ни травинки, а там – рыжие пески, а еще дальше все бело, как снег, покрывающий вершину, на которой мы стоим, – это на поверхность проступила соль.

Скудная растительность не одевает землю зеленым нарядом. Листья агавы испещрены багровыми пятнами, тусклая зелень кактусов кажется еще безжизненной оттого, что они сплошь покрыты колючками, Острые листья юкки посерели от пыли и напоминают связки заржавленных штыков; низкорослая, чахлая акация почти не дает тени, и под ней едва могут укрыться большие темные ящерицы и гремучие змеи. То тут, то там одиноко стоит карликовая пальма с голым стволом и пучком листьев на вершине; она придает пейзажу что-то африканское. Глаз всегда быстро устает от картины, где предметы кажутся угловатыми и колючими, а здесь так выглядят не только деревья, но и все растения, и даже у каждой травки свои шипы.

С какой радостью обращаешь взгляд к чудесной долине, уходящей к востоку от подножия горы! Как не похожа она на это бесплодное плоскогорье! Она сплошь устлана ковром яркой зелени, усеянным цветами, которые сверкают всеми красками, словно драгоценные камни. Так и манят к себе теннистые рощи, где сплетают свои ветви тополь, китайское дерево, дуб, ива. Спустимся же под их сень.

Вот мы и у края плоскогорья, а долина все еще далеко внизу, до нее по меньшей мере тысяча футов, но со скалы, которая нависает над нею, можно окинуть взглядом всю ее на многие мили. Она такая же плоская, как и плоскогорье, лежащее выше; и, глядя на нее сверху, представляешь себе, что здесь земная кора раздалась и часть плоскогорья, опустившись вниз, коснулась самых истоков животворной силы земли, которой лишено высокое плоскогорье.

По обе стороны долины, на сколько хватает глаз, протянулись отвесные скалы; они

спускаются крутыми тысячефутовыми уступами и почти неприступны; взобраться на них можно лишь в некоторых местах. Ширина долины десять миль, а каменные стены, ограждающие ее, одинаковой высоты и похожи друг на друга, как близнецы. Мрачные и дикие, нависают они над приветливой, сияющей долиной, и она напоминает прекрасную картину в грубой, топорной раме.

Река делит долину надвое; серебряной змейкой она извивается то вправо, то влево, словно ей любо струиться меж этих ярких и веселых берегов. Бесконечные изгибы, спокойное течение свидетельствуют о том, что ложе ее почти гладкое. Берега ее поросли лесом, но не сплошь: здесь он тянется широкой полосой, там по самому краю берега стоят редкие деревья, едва затеняя реку, а вон виднеется зеленый луг – он сбежал к самой воде.

То тут, то там разбросаны небольшие рощи. Они все разные: одни совсем круглые, другие – продолговатые или овальные, а третьи изогнуты, как рог изобилия. Кое-где деревья растут в одиночку; их пышная крона говорит о том, что природа не пожалела на нее сил. Эта долина наводит на мысль о прекрасном парке, насаженном рукой человека, и деревьев здесь как раз столько, чтобы украсить парк, не скрывая его прелести.

Неужели здесь нет дворца или замка, который дополнил бы картину? Нет, ни дворца, ни какого-либо жилища; ни единый дымок не поднимается к небу. Ни души не видно в этом диком раю. Здесь бродят стада оленей, в тенистых рощах отдыхают величественные лоси, но людей здесь нет. Быть может, нога человека никогда...

Но нет! Наш спутник говорит совсем другое. Слушайте:

«Это долина Сан-Ильдефонсо. Сейчас она необитаема, но было время, когда ее населяли цивилизованные люди. Почти посередине долины там и тут видны какие-то беспорядочные груды. На них буйно разрослись сорные травы, деревья, но взгляните – и вы поймете, что это развалины города.

Да, когда-то на этом месте был большой, богатый город. Здесь стояла крепость, и на башнях ее реял испанский флаг. Была здесь и миссия, основанная отцами иезуитами, а по всей долине, вокруг города, поселились богатые владельцы рудников и асиенд. Всюду деловито сновал народ, всюду кипели страсти – любовь и ненависть, честолюбие, алчность и месть. Сердца, горевшие ими, давно уже перестали биться, и дела, ими порожденные, ни один летописец не запечатлел на бумаге. Они живут лишь в рассказах, в легендах, похожих более на вымысел, чем на быль.

И, однако, этим легендам не больше ста лет. Сто лет назад с вершины этой горы можно было увидеть не только поселение Сан-Ильдефонсо, но и еще множество городов, поселков, деревень, а ныне на их месте не заметишь и следов человеческого жилья. Самые имена этих городов забыты, и их история погребена среди развалин.

Индейцы жестоко отомстили убийцам Монтесумы. Если бы саксы позволили этой войне, этой мести бушевать еще столетие... нет, даже полстолетия, от потомков Кортеса и от его воинов-завоевателей не осталось бы и следа на земле Анаака.

Слушайте же легенду Сан-Ильдефонсо! «

Глава II

Пожалуй, ни в одной стране нет столько религиозных праздников, как в Мексике. Считается, что церковные праздники помогают обратить местное население в христианскую веру, поэтому на мнимосвятой мексиканской земле святцы значительно расширены. Редкая неделя обходится без празднества со всеми его атрибутами: тут и хоругви, и процессии, и священники в торжественном облачении, точно для представления «Писарро», и духовые ружья, и фейерверки, и повсюду обнажают головы и прямо в пыли преклоняют колена простодушные жители. Все вместе это очень напоминает лондонские шествия в память «порохового заговора» и почти столь же благотворно влияет на нравственность населения.

Конечно, святые отцы затевают эти церемонии не просто для развлечения – вовсе нет. У них имеются в запасе разные небольшие молитвы, индульгенции, святая вода, и всем этим они

во время праздников одевают верующих, притом отнюдь не безвозмездно; и когда несчастному грешнику приходит охота покаяться, его основательно обирают, зато ему обещают короткий и легкий путь прямо в рай.

Казалось бы, церемонии эти должны быть исполнены торжественности – ничуть не бывало. Они становятся, в сущности, просто развлечением. Зачастую увидишь коленопреклоненного богомольца, который из всех сил старается унять боевого петуха, спрятанного в складках серапе и порывающегося закукарекать. И это – под священными сводами храма господня!

В дни празднеств богослужения длятся недолго, а затем вступают в свои права азартные игры, скачки, травля медведей собаками, петушинные бои и другие столь же неприхотливые забавы. Среди игроков вы встретите и священника в сутане, который утром читал молитвы, и, если угодно, можете поставить свой доллар или дублон против его монеты.

Один из самых торжественных и пышных праздников в Мексике

– день святого Иоанна. В этот день, особенно в деревнях Новой Мексики, никто не остается дома. Нарядные толпы направляются к какому-нибудь определенному месту, обычно на соседний луг, чтобы полюбоваться самыми разными состязаниями: скачками, погоней за быком, петушиными гонками. В перерывах играют в карты, курят, любезничают с девушками.

В дни празднеств устанавливается некоторое подобие равенства, точно при республике. Богатый и бедный, знать и простонародье – все смешалось в толпе, все развлекаются вместе.

Сегодня день святого Иоанна. На широком зеленом лугу, что раскинулся за окраиной города, собрались жители Сан-Ильдефонсо. Здесь по праздникам всегда происходят игры, и скоро они начнутся. А пока давайте побродим в толпе и посмотрим, из кого она состоит.

Тут представлены все слои общества, вернее – все здешнее общество.

Вот торопливо идут два тучных святых отца из миссии, в сутанах грубой саржи, с четками и крестами, свисающими до колен; у обоих блестят тщательно выбритые тонзуры. Индейцу-апаху не удалось бы пожить у них скальпами.

А вот священник городской церкви в длинной черной сутане, в широкополой шляпе, в черных шелковых чулках и туфлях с пряжками – его сразу заметишь. Он то милостиво улыбается толпе, то метнет в нее хитрый и злобный взгляд черных глаз, то, помогая вновь прибывшей сеньоре занять место, выставит напоказ свои холеные, униженные перстнями пальцы. Поистине они великие дамские угодники, эти непорочные служители мексиканской церкви.

Мы подошли к скамьям, которые поднимаются амфитеатром, в несколько рядов. Посмотрим, кто же здесь расположился. С первого взгляда ясно, что это цвет общества, местная аристократия. И в самом деле, вот богатый негоциант дон Хосе Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя пухлыми, сонными дочерьми. Здесь же супруга алькальда и все его семейство; и сам алькальд со своим украшенным кистями жезлом – знаком его достоинства; и девицы Эчевариа – прелестные создания (как они сами полагают) – в сопровождении брата-щеголя, который отверг национальный костюм ради парижской моды. Здесь и богатый асиендадо сеньор Гомес дель Монте, обладатель бесчисленных стад и обширного поместья в долине; здесь и многие другие землевладельцы со своими женами и дочерьми. И тут же – привлекающая все взоры прекрасная Каталина де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио.

Счастлив будет тот, кто завоюет улыбку Каталины, или, вернее, благосклонность ее отца, ибо это он скажет решающее слово, когда дело дойдет до замужества дочери. Впрочем, ходят слухи, что все уже давно слажено и что удачливый претендент на руку Каталины – капитан Робладо, первое после коменданта лицо в крепостном гарнизоне. А вот и он сам – лихой усач; грудь и спина у него в золотых галунах и шнурах; он свирепо хмурит брови, стоит только кому-нибудь заглядеться на прекрасную Каталину. Но хоть у него и золотые галуны и гордый вид, а этот выбор едва ли свидетельствует о хорошем вкусе Каталины.

Впрочем, ее ли это выбор? Быть может, нет; быть может это выбор дона Амбросио. Честолюбивые мечты завладели им: плебей по рождению, он решил породниться с

благородным идальго. У капитана нет и гроша за душой, если не считать его солдатского жалованья, да и оно уже взято за несколько месяцев вперед, зато он настоящий ачупино – в его жилах течет «голубая» кровь подлинного идальго. В своих честолюбивых мечтах старый скряга неоригинален, их разделяют все выскочки.

Тут же стоит комендант Вискаarra, высокий сорокалетний полковник, весь в галунах, в шляпе с перьями – настоящий павлин.

Это веселый старый холостяк. Он оживленно переговаривается то с отцом иезуитом, то с городским священником, то с алькальдом, а тем временем оглядывает проходящих мимо крестьянских девушек, прибывших на праздник, и глаза его перебегают с одного смазливого личика на другое. Девушки с изумлением смотрят на его ослепительный мундир, а ему, воображающему, что он второй Дон Жуан, в их взглядах чудится восхищение, и он любезно и снисходительно улыбается им в ответ.

Здесь и третий офицер – в крепости их всего три – лейтенант Гарсия. Он красивее старших офицеров, а потому пользуется большим успехом и у простых крестьянских девушек, и у богатых и знатных сеньорит. Я, право, удивлен, что прекрасная Каталина не отдала ему предпочтения. Впрочем, кто поручится, что она этого не сделала? В Мексике женщина умеет хранить тайны своего сердца – их не прочтешь на ее лице, и они не легко слетают с языка.

Не так-то просто сказать, о ком сейчас думает Каталина. В ее годы – а ей двадцать лет – сердце редко бывает свободным. Но кто же он? Робладо? Готов держать пари, что нет. Гарсия? Тут, во всяком случае, можно спорить. Ну, а кроме них, ведь есть и другие – и молодые асиендадо, и служащие на рудниках, и несколько городских щеголей-купцов. Ее выбор мог пасть на кого-нибудь из них. Как знать!

Побродим еще немного в толпе.

Вот солдаты гарнизона; их шпоры позванивают, сабли волочатся по земле, они по-братски смешались с толпой ремесленников в серапе, рудокопов, скотоводов из долины. Они подражают манерам своих офицеров и расхаживают с таким чванным, гордым видом, что сразу понимаешь: военные здесь – власть и сила. Это все уланы – пехота была бы бесполезна в борьбе с индейцами, – и они воображают, что громкий звон шпор и бряцание сабель еще больше возвышают их в глазах окружающих. Вояки бесцеремонно разглядывают девушек, а крестьянским парням не очень это по вкусу, и они ревниво следят за своими невестами и возлюбленными.

Все девушки, и хорошенькие и некрасивые, надели ради праздника свои лучшие, самые яркие наряды. У одних юбки голубые, у других алые, у третьих пурпурные, чаще всего отделанные внизу пышными оборками, отороченными узкой тесьмой. Девушки носят вышитые кофточки с белоснежными оборочками, а поверх с большим изяществом набрасывают иссиня-черные шали, закрывая шею, грудь, плечи, а иногда, из особого кокетства, и лицо. Но еще прежде чем наступит вечер, этот покров будет уже не столь ревниво оберегать стыдливость своих хозяек. Из-за этих живописных складок уже выглядывают на белый свет самые прелестные личики, и по тому, как нежна их не тронутая загаром кожа, можно понять, что они лишь перед самым праздником смыли с лица ягодный сок, который уродовал их последние две недели.

Скотоводы тоже в своих лучших праздничных костюмах: на них бархатные, широкие внизу брюки с бахромой по бокам, ярко начищенные кожаные сапоги, куртки из дубленой овчины или бархатные, пестро расшитые, а под куртками вышитые рубашки, и все они опоясаны ярко-красными шелковыми шарфами. На головах широкополые черные блестящие сомбреро; их тульи повязаны золотой или серебряной тесьмой, концы которой свободно свисают. У некоторых вместо куртки на плечи небрежно наброшено серапе. Все они держат на поводу коней, у всех на ногах шпоры весом в добрых пять фунтов, с колесиками, диаметр которых достигает трех, четырех, а то и пяти дюймов.

Служащие рудников, молодые горожане и мелкие ремесленники одеты почти одинаково; но те, которые принадлежат к сливкам общества, чиновники и коммерсанты, – в куртках из тонкого черного сукна и таких же панталонах своеобразного покроя, не то чтобы европейского,

но что-то вроде этого, нечто среднее между парижской модой и местным национальным костюмом.

А вот совсем другой костюм, его носят многие, очень многие в толпе – мирные индейцы, полуиндусы рудокопы, недавно приобщенные к святой церкви. Их одежда проста: прежде всего тильма – что-то вроде куртки без рукавов; если в мешке из-под кофе вырезать дыру, чтобы проходила голова, а с боков сделать прорезы для рук, это и будет тильма. У этой куртки нет никакого подобия талии, она совершенно бесформенная, держится на плечах и свисает почти до самых бедер. Обычно тильму шьют из грубой шерстяной ткани деревенской выделки; ткань эту называют «герга»; она белесая, и лишь несколько цветных полос украшают ее. Прибавьте к этому штаны из дубленой овчины и грубые сандалии – вот и вся одежда мексиканского мирного индейца. Голова его не покрыта, обнажены и ноги; от колен до щиколоток видна медно-красная кожа.

Сотни краснокожих местных жителей – пеонов, работающих в миссии и на рудниках, – расхаживают взад и вперед, а их жены и дочери сидят на корточках на земле. Перед ними на циновках разложены всевозможные плоды и фрукты, какие только водятся в этом краю: фиги, петахайя, сливы, абрикосы, виноград, арбузы и дыни всех сортов, жареные кедровые орехи, которые приносят сюда горцы. Кое-кто торгует с лотка сладостями, медовым напитком, лимонадом; другие продают небольшие головы жженого сахара или жареные корни агавы. Иные уселись на корточках перед огнем и жарят маисовые лепешки или красный перец или размешивают прессованное какао с сахаром в глиняном горшке, похожем формой на старинную урну. У этих жалких торговцев за несколько мелких монет можно купить порцию густо наперченного тушеного мяса, тарелку маисовой похлебки или чашку маисового напитка. У владельцев других лотков можно купить маленькую дешевую сигару или выпить огненную агвардиенте, доставленную сюда из Таоса или Эль Пасо. Здесь-то больше всего теснятся вечно мучимые жаждой рудокопы и солдаты. Здесь нет палаток, но почти все торговцы пристроили над головой пальмовые циновки, которые, точно огромные зонтики, заслоняют их от солнца.

Надо сказать еще об одной категории присутствующих, о важных лицах на празднике святого Иоанна: это участники состязаний, те, кто будет оспаривать первенство в играх.

Все это молодые люди из самых разных слоев общества, все, разумеется, верхом, и каждый постарался раздобыть себе лучшую лошадь, какую только мог. Все они гарцуют, заставляя своих пестро убранных коней выделять самые неожиданные прыжки и скачки, особенно когда проезжают мимо скамей, занятых юными сеньоритами. Тут и рудокопы, и молодые асиендадо, и скотоводы, и пастухи, и охотники на бизонов, и торговцы, и все они отлично держатся в седле. В Мексике каждый великолепно ездит верхом, даже горожане – прекрасные наездники.

Здесь около сотни юношей, готовых помериться силами, показать себя во всевозможных играх, требующих ловкости в искусстве верховой езды.

Так пусть же начнутся состязания!

Глава III

Состязания начались с «coleo del toros», что означает: погоня за быком. Арена для настоящего боя быков существует только в самых больших городах Мексики; но в каждой, даже самой маленькой деревушке можно видеть гонку за быками, потому что для этой игры только и требуется, что открытое место и самый свирепый бык, какого только можно сыскать. Спорт этот не так возбуждает страсти, как бой быков, потому что он не так опасен для участников. Однако и тут бык нередко поднимает на рога лошадь или калечит всадника, а бывают иногда и смертельные случаи. Иной раз споткнется лошадь, и ее вместе со всадником затопчут те, кто мчался следом; в такой беспорядочной гонке несчастные случаи – дело обычное.

Итак, «coleo» – это состязание в силе, мужестве, ловкости, и выйти победителем стремится каждый юноша в Новой Мексике.

Все приготовления закончились, и глашатай объявил, что состязания сейчас начнутся. Приготовления были просты: толпу оттеснили в сторону, так что быку, выпущенному на свободу, была открыта дорога в прерию. Если б ему не предоставили это преимущество, он мог бы броситься на толпу, а этого следовало опасаться. В страхе перед этим многие женщины взобрались на повозки, которых здесь было множество, так как в них – то многие и прибыли сюда. Сеньоры же и сеньориты, сидевшие на возвышавшихся амфитеатром скамьях, разумеется, чувствовали себя в безопасности.

Соперники уже выстроились в ряд. В этой первой гонке должны участвовать двенадцать человек – юноши из самых разных сословий, которые были или воображали себя первоклассными наездниками. Здесь скотоводы в живописных костюмах, дерзкие погонщики, спустившиеся с гор рудокопы, горожане, землевладельцы из долины, пастухи со скотоводческих ферм, охотники на бизонов, чей дом – бескрайняя прерия. Тут же и несколько улан, жаждущих доказать, что никто не сравнится с ними в искусстве владеть конем.

Дан сигнал, и быка выпускают из соседнего корраля. Было бы безумием приставить к нему пеших погонщиков – его сопровождают пастухи верхом на хороших конях, их лассо обвилились вокруг его рогов; они начеку и, если бык попытается взбунтоваться, тотчас рывком опрокинут его наземь.

С виду бык – злобное чудовище, лоб у него косматый, взгляд свирепый и мрачный. Ясно, что его не придется долго дразнить, чтобы он окончательно рассвирепел, – он уже и сейчас сердито хлещет себя хвостом по бокам, бодает воздух длинными прямыми рогами, отрывисто фыркает и нетерпеливо бьет землю копытом. Как видно, он – один из самых неистовых представителей этой неистовой породы испанских быков.

Зрители не сводят глаз с быка и громко обсуждают его достоинства. Одни находят его слишком жирным, другие утверждают, что он как раз в хорошей форме для гонок: ведь для «soleo» бык должен быть не столько храбрым, сколько быстроногим. Не сойдясь во мнениях, многие заключают пари насчет исхода гонок, спорят о том, сколько времени пройдет от старта до той минуты, когда быка схватят и опрокинут, – этим кончается погоня, это и есть цель игры.

Если принять во внимание, что бык выбран на славу, сильный, быстрый, неистовый, и что преследователь должен справиться с ним голыми руками, даже не прибегая к помощи лассо, – нельзя не признать, что это нелегкая задача. Бык несется во весь опор, почти со скоростью конского галопа. Чтобы при этих условиях опрокинуть его на землю, нужно совершить подвиг, на который способен лишь человек, обладающий недюжинной силой, ловкостью, превосходный наездник. Этот своеобразный подвиг заключается в том, чтобы схватить быка за хвост и одним рывком повалить его.

Быка отвели ярдов на двести от линии всадников и здесь остановили; перед ним расстилалась прерия. Лассо, с помощью которого его удерживали, осторожно снимают, делают два– три выстрела из духового ружья, острые колючки вонзаются в круп быка – и он мчится прочь под громкие крики зрителей.

Миг – и всадники, прищипорив коней, скачут за ним, крича кто во что горазд.

Строй сломан, преследователи рассеялись в беспорядке по всему луку, точно это охота за лисой. С каждой минутой цепь преследователей становится все длиннее; они начинали гонку, выстроившись в один ряд, а сейчас растянулись по одному, по двое на сотни ярдов. И, однако, они продолжают погоню, изо всех сил нахлестывая, прищипоривая и погоняя коней.

Доведенный до бешенства острыми, как стрелы, колючками, вонзившимися ему в бока, напуганный свистом их оперения, бык мчался вперед со всех ног. Даже на самом быстром скакуне не так-то легко было свести на нет фору, которую он получил вначале, и бык опередил всех на добрую милю, прежде чем кто-либо успел приблизиться к нему. Но вот улан на крупной гнедой лошади нагнал его и наконец схватил за хвост. Он дернул раз, другой, надеясь, что одной лишь силы его рук довольно, чтобы опрокинуть животное, но это ему не удалось, – в следующее мгновение бык вырвался, кинулся в сторону и оставил своего преследователя позади.

Теперь быка настигал молодой асиендадо на великолепном коне; но всякий раз, как он

протягивал руку, чтобы ухватить быка за хвост, тот ускользал у него прямо из-под носа. Наконец всаднику все же удалось завладеть хвостом, но бык неожиданно рванулся в сторону, выдернул хвост из рук своего врага и был таков.

Одно из условий «soleo» гласит, что тот из участников, кто раз потерпел неудачу, выходит из игры. Итак, асиендадо и кавалерист теперь уже не участвуют в погоне. Они повернули назад, но не поехали прямо туда, где собрались зрители. Они поехали стороной, подальше, чтобы никто не мог прочесть на их лицах всю глубину их разочарования.

Бык мчался все дальше, нетерпеливые, разгоряченные погоней всадники – за ним. Еще один улан попытался схватить быка и тоже потерпел неудачу, за ним пастух, и еще всадник, и еще – все так же безуспешно, и каждую неудачу толпа встречала вздохом разочарования. Несколько человек вылетели из седла, и зрители громко хохотали над ними. А одна лошадь была тяжело ранена: она оказалась у быка на дороге, и он пропорол ее рогами.

Не прошло и десяти минут, а из двенадцати всадников одиннадцать уже выбыли из игры.

Теперь лишь один продолжает погоню. Бык оказался хоть куда, он завоевал все симпатии, и зрители громко рукоплещут ему.

– Bravo! Брависсимо! – несется со всех сторон.

Теперь все глаза прикованы к разъяренному животному и к его единственному преследователю. Оба они сейчас довольно близко, и их можно хорошо разглядеть – ведь до сих пор бык уходил от погони не напрямик, все дальше в прерию, но бросался то вправо, то влево, и теперь расстояние между ним и толпой не больше, чем тогда, когда его настиг первый кавалерист. Он и сейчас кидается из стороны в сторону, так что оба они – преследователь и преследуемый – хорошо видны со скамей.

Довольно хоть раз взглянуть на этого всадника и коня, чтобы убедиться: здесь нет равных им по красоте. Превзойдут ли они всех также в быстроте и ловкости? Время покажет.

Конь этот – крупный угольно-черный мустанг с длинным, пышным хвостом, суживающимся к концу, точно хвост бегущей лисы. Хоть он и мчится галопом, на ровном фоне луга хорошо видно, какая у него выгнутая шея и великолепная, гордая стать, и зрители раздражаются восторженными криками.

Всаднику лет двадцать или чуть больше, он совсем не похож на своих соперников: у него светлые вьющиеся волосы и белая кожа с нежным румянцем; остальные же все без исключения смуглолицы. На нем праздничный костюм скотовода, богато расшитый и украшенный, а вместо обычного серапе пурпурный плащ, более изящный и нарядный. Длинные полы плаща закинута назад, чтобы руки оставались свободными, и он развевается на ветру и падает мягкими складками, подчеркивая изящество, с которым всадник держится в седле.

Внезапное появление этого великолепного всадника – вначале он держался позади всех, перекинув свой алый плащ через руку, и был незаметен – привлекло общее внимание, и многие спрашивали, кто же он такой.

– Это Карлос, охотник на бизонов! – крикнул один из присутствующих достаточно громко, чтобы его слышали все.

Кое-кому, видимо, это имя было известно, но большинство слышали его впервые. Один из тех, кто знал его, спросил:

– А почему Карлос раньше не вырвался вперед? Ведь он мог бы нагнать быка, если бы захотел.

– Черт побери! Конечно, мог! – отозвался другой. – Это он нарочно держался позади, чтобы дать другим попытать счастья. Он знал, что с этим быком никому не справиться. Смотри-ка!

Без сомнения, говоривший был прав.

С первого взгляда стало ясно, что этот всадник без труда мог настичь быка. Даже и сейчас его лошадь шла спокойным галопом, и хотя ее уши были насторожены, а розовые ноздри раздувались, это было знаком не усталости, но возбуждения погони и недовольства тем, что до сих пор всадник не давал ей воли. И в самом деле, он все еще туго натягивал поводья.

В ту секунду, когда один из собеседников взволнованно воскликнул: «Смотри! »,

поведение всадника вдруг изменилось. Он был примерно в двадцати шагах от своей живой цели и прямо позади нее. Внезапно лошадь рванулась вперед с удвоенной быстротой и в несколько скачков поравнялась с быком. Все видели, как всадник ухватился за длинный вытянутый бычий хвост, низко пригнулся, тотчас же резко выпрямился – и огромный рогатый зверь опрокинулся наземь. Всадник проделал все это с такой легкостью, словно он одолел не быка, а обыкновенную кошку. Зрители разразились громкими криками «viva!». Победитель повернул коня, проехал мимо скамей, скромно раскланиваясь, и скрылся в толпе.

Среди зрителей было немало таких, которым показалось, будто, пока победитель раскланивался, взор его был обращен к прекрасной Каталине де Крусес; а некоторые даже уверяли, что она улыбнулась ему в ответ и, видимо, была польщена. Но это, разумеется, невозможно. Неужели наследница богача дона Амбросио ответит улыбкой на поклон какого-то охотника на бизонов!

Но нашлась среди зрительниц одна, которая и в самом деле улыбнулась ему. Это была белокурая девушка с очень светлой кожей; она стояла в повозке, к которой подъехал победитель. И сейчас, когда они оказались рядом, видно было, что они похожи друг на друга, как две капли воды. В их жилах текла одна кровь, кожа их была одного цвета, они были дети одного народа, а может быть, и одного отца. Да, белокурая девушка была сестрой охотника на бизонов. Она улыбалась, счастливая победой брата.

В глубине этой повозки сидела женщина, чья внешность сразу же останавливала внимание, – старая, с длинными распущенными волосами, белыми как снег. Она не произнесла ни слова, но ее пристальный взгляд, обращенный на Карлоса, горел торжеством. Некоторые смотрели на нее с любопытством, но большинство – со страхом, почти с ужасом. Они кое-что знали о ней и шепотом передавали друг другу странные слухи.

– Она колдунья! – говорили они. – Ворожея!

Люди говорили это потихоньку, вполголоса – из опасения, как бы не услышали Карлос или светловолосая девушка. Ведь это была их мать!

Глава IV

Игры продолжались. Бык, побежденный Карлосом, совсем присмирел и угрюмо бродил по лугу. Он уже не годился для участия во втором туре состязаний, поэтому на него накинули лассо и увели: это приз, его отдадут победителю.

Вывели другого быка и пустили, и новый десяток всадников кинулся за ним по пятам.

На этот раз дичь и ее преследователи были больше под стать друг другу – вернее бык оказался не таким быстроногим: все разом нагнали его и в неудержимой скачке промчались далеко вперед. Совершенно неожиданно бык круто повернул и кинулся назад, прямо к зрителям. Перепуганные крестьянки в повозках, сеньоры и сеньориты на скамьях подняли крик. И неудивительно: еще мгновение – и разъяренный зверь окажется здесь, среди них!

А всадники остались где-то позади. Необходимость на всем скаку повернуть обратно застала их врасплох, и теперь бык далеко опередил их. Даже самые ближние не могли поспеть вовремя.

Все остальные наездники уже спешили. А кто же пеший осмелится преградить дорогу мчащемуся во весь опор разъяренному быку!

Мужчины растерялись; их громкие крики смешались с отчаянными воплями охваченных ужасом женщин. Будут жертвы... может быть, не одна. Никто не мог быть уверен, что его не настигнет смерть.

Повозки, полные перепуганных насмерть женщин, выстроились рядами по обе стороны скамей и тянулись дальше по лугу, образуя нечто вроде полукольца. Вот бык уже в этом полукругу, повозки не дают ему свернуть ни вправо, ни влево и он бешено мчится прямо к скамьям, словно решил прорваться сквозь них. Женщины вскочили и, обезумев от страха, кажется, готовы были прыгнуть прямо на рога чудовища. Ужасная минута!

И в эту минуту перед повозками появился человек, пеший, с лассо в руках. Едва выступив

из толпы, он взметнул над головой лассо. Мгновение – и петля обхватила рога разъяренного животного.

Не теряя ни секунды, человек мчится к невысокому дереву, растущему посреди полукруга, и быстро обматывает вокруг ствола свободный конец лассо. Помедли он еще миг, и было бы поздно.

Едва он успел завязать узел, как сильный рывок возвестил, что бык оказался на привязи. Лишь только он отбежал на всю длину лассо, петля которого туго обхватила рога, какая-то непонятная сила внезапно остановила озадаченное животное, отбросила назад, и бык тяжело повалился к ногам зрителей.

– Bravo! Viva! – раздались крики, едва лишь сотни замерших в ужасе людей пришли в себя настолько, что к ним вернулся голос. – Viva! Viva Карлосу, охотнику на бизонов!

Не кто иной, как он второй раз сегодня доказал всем свою ловкость и отвагу.

Однако бык еще не побежден, он лишь ограничен определенным расстоянием – длиной лассо, – и, поднявшись на ноги, он с яростным ревом кидается прямо на людей. К счастью, лассо не настолько длинно, чтобы он мог ворваться в ряды зрителей справа или слева, и снова он падает, оседает на передние ноги. Толпа в страхе бросается врассыпную: как знать, а вдруг петля все-таки соскользнет? Но вот подоспели всадники. Новые лассо обвилились вокруг шеи быка, опутали ноги, и наконец его безжалостно опрокинули на землю, и он уже не может шевельнуться.

Вот теперь он окончательно покорен и больше уж не побежит. А так как для этой игры приготовили всего двух животных, на сегодня погоня за быком окончена.

Пока шли приготовления к другой большой игре сегодняшнего праздника, некоторые всадники демонстрировали менее высокое искусство верховой езды. Это было нечто вроде интермедии, и каждый показывал что вздумается. Например, набрасывал лассо на ногу человека, бегущего во всю прыть, затягивал петлю на лодыжке и, разумеется, опрокидывал его. Делали это очень многие, и всадники и пешие, – как видно, для этого не требовалось особого мастерства; во всяком случае, так полагали самые искусные – те, что считали ниже своего достоинства участвовать в этой забаве.

Затем всадники показали номер со шляпой. Тут хитрость заключается в том, чтобы, пустив коня галопом, бросить свою шляпу наземь, а потом на всем скаку, перегнувшись с седла, поднять ее. Почти все справились с этим одинаково успешно, и лишь самые молодые считали это знаком особой ловкости. Чуть не двадцать юнцов кружили на конях перед зрителями, сбрасывали свои сомбреро на землю и вновь на всем скаку подхватывали их.

Но поднять предмет поменьше уже не так легко – например, монету, лежащую на земле; тут не зазорно попытаться счастья самому искусному наезднику.

Вперед выступил комендант Вискаarra и потребовал тишины. Он положил на землю испанский доллар и провозгласил:

– Доллар достанется тому, кто поднимет его с первого раза! Ставлю пять золотых, что сержанту Гомесу это по плечу!

Несколько минут все молчали. Пять золотых – это большие деньги. Только богач может рисковать такими деньгами.

И, однако, вызов не остался без ответа. Вперед выступил молодой скотовод.

– Полковник Вискаarra, – заговорил он, – я не стану спорить, что сержанту Гомесу это по плечу, но держу пари: тут есть и другой человек – он сделает это не хуже Гомеса. Не угодно ли вам удвоить ставку?

– Назовите этого человека!

– Карлос, охотник на бизонов.

– Хорошо, я принимаю ваше пари. Кто еще хочет попытаться счастья? – продолжал Вискаarra, обращаясь к толпе. – На место поднятого доллара я всякий раз буду класть новый. Но только помните – поднимать с одного раза!

Некоторые пытались – и потерпели неудачу. Кое-кто дотронулся до монеты и даже сдвинул ее с места, но никому не удалось поднять ее.

Наконец на луг выехал кавалерист на крупной гнедой лошади

– все узнали сержанта Гомеса. Это он первый нагнал быка, но не сумел свалить его. Сразу было видно, что он до сих пор не примирился с неудачей, – его и без того хмурое изжелта-бледное лицо совсем помрачнело. Он был рослый, крепкий и, бесспорно, хороший наездник, но уж слишком грубо, несоразмерно сложен; ему не хватало гибкости и подвижности.

Дело требовало кое-каких приготовлений. Сержант проверил седельные подпруги, снял саблю и портупею и тронул коня.

Через несколько минут лошадь, умело направляемая всадником, оказалась подле монеты, блестящей на солнце. Гомес нагнулся и попытался схватить монету. Ему удалось было поднять ее с земли, но он недостаточно крепко зажал ее в руке, и монета выскользнула из его пальцев, прежде чем он успел выпрямиться.

Толпа разразилась криком – тут были и восторг и негодование. Большинство относилось к Гомесу благосклонно, потому что за него стоял Вискаarra. Не то чтобы полковника Вискаrrу очень любили, нет, но его боялись и поэтому старались не перечить ему.

Теперь выехал вперед Карлос на своем вороном коне. Все взоры обратились на него. Его красота могла бы вызвать всеобщее восхищение, если бы не его слишком светлая кожа. Это заставляло относиться к нему с недоверием: ведь он был человеком другого народа!

Однако женские сердца не разделяли этого предубеждения, и не одна пара темных девичьих глаз вспыхивала восхищением при виде светловолосого американца, ибо Карлос, охотник на бизонов, был родом американец.

Но нет, не только женщины смотрели на него благосклонно, не только они шептали слова одобрения. Среди низведенных почти до уровня животных индейцев из племени тагносов, которые жили, согнувшись в три погибели и не поднимая глаз, были люди, мечтавшие о давно прошедших днях; они знали, что когда-то их отцы были свободны; на тайных сборищах в горной пещере или в мрачной глубине лесной чащи они все еще возжигали священный огонь богу Кецалькоатлю, все еще говорили о Монтесуме, о свободе.

Карлос едва снизошел до каких бы то ни было приготовлений. Он даже не снял плаща, только небрежно откинул его назад, так что длинные полы свисали с крупа коня.

Послушный голосу хозяина, конь сразу пошел галопом, потом колени всадника слегка сжали его бока, и, повинаясь этому знаку, он начал кружить по лугу все быстрее и быстрее.

Но вот с той же скоростью всадник направил коня прямо к сверкающей монете. Доскакав, он перегнулся с седла, схватил золотой, подбросил его высоко над головой, круто осадил коня, протянул руку, и золотой упал на его раскрытую ладонь.

Все это он проделал легко, с непринужденностью индийского факира. Даже недоброжелатели не могли удержаться от аплодисментов, и вновь загремело «viva» в честь Карлоса, охотника на бизонов.

Сержант был унижен. С давних пор он выходил победителем в этих состязаниях: до сегодняшнего дня Карлоса не было здесь или он никогда не участвовал в них. Вискаarra чувствовал себя не многим лучше. Его любимец посрамлен, сам он потерял десять золотых – это немало даже для коменданта пограничной крепости. Да, кроме того, неприятно быть осмеянным прекрасными сеньоритами из-за того, что проиграл пари, которое сам же затеял, совершенно уверенный в победе. С этой минуты Вискаarra невзлюбил Карлоса, охотника на бизонов.

Следующий номер состоял в том, чтобы проскакать галопом до самого края глубокой канавы, проходившей вдоль луга. Тут нужно было показать не только мужество и ловкость всадника, но и отличную выучку коня.

Канавы – оросительный канал – была так широка, что лошадь не могла перескочить через нее, и достаточно глубока, чтобы всаднику не слишком приятно было упасть в нее. Поэтому всадник должен быть не только ловок, но и отважен. Лошадь во весь опор несется к канаве; неожиданно, на всем скаку, ее надо осадить, да так, чтобы все четыре ноги оказались за чертой, а черта проведена меньше чем на две длины лошадиного корпуса от края канавы. Почва была,

разумеется, совершенно твердая и плотная, иначе это было бы невыполнимо.

Многие достигли в этом совершенства и трудную задачу выполняли безукоризненно. Великолепное зрелище – конь, внезапно остановленный в стремительном беге: он поднялся на дыбы у самого края канавы, голова его вскинута, глаза пылают, ноздри раздуваются. А иные всадники, напротив, выглядели просто смешно, и толпа потешалась над ними. Это были либо малодушные – они осаживали лошадь, не успев еще приблизиться к краю; либо смелые, но неловкие – не сумев сдержать коня на условной черте, они с размаху летели в глубокую грязную воду. Всякую неудачу зрители встречали смехом и криками, почти не смолкавшими, потому что на берег то и дело выбирались едва не утонувшие, насквозь промокшие всадники. Зато искусно выполненный маневр приветствовали громкими «viva» и аплодисментами.

Подобные состязания устраиваются постоянно; при такой системе обучения немудрено стать лучшими в мире наездниками, и мексиканцы в самом деле несравненные наездники.

Было замечено, что охотник на бизонов не участвует в этой игре. Почему? Его друзья утверждали, что это было бы ниже его достоинства. Он ведь уже показал себя искусным наездником в состязаниях более трудных, и участвовать в этой игре – значило бы искать уже ненужной победы. Карлос и в самом деле так думал.

Но раздосадованный комендант смотрел на дело по-другому. И капитан Робладо – тоже, ибо он видел, или вообразил, что видел, какое-то странное выражение во взгляде Каталины при каждой новой победе охотника. У обоих этих вояк были свои планы, такие же подлые, как они сами: оба хотели унижить Карлоса.

Подойдя к нему, они спросили, почему он не попытал счастья в последней игре.

– Я не думаю, что она того стоит, – просто ответил охотник.

– Хо! – насмешливо воскликнул Робладо. – Нет, приятель, у вас наверняка есть на то другие причины. Не такая уж это жалкая игра – остановиться на самом краю ловушки. Сдается мне, вы боитесь искупаться!

Капитан сказал это как бы в шутку, но достаточно громко, чтобы слышали все вокруг, и под конец насмешливо расхохотался.

Они как раз этого и хотели – увидеть, как он искупается. Они питали надежду, что, если Карлос примет вызов, вмешается какая-нибудь случайность, например, поскользнется или споткнется конь, и он угодит в канаву. И чем унижительнее это будет для охотника, тем большее удовольствие получают они. Человек, который выкарабкался из грязной канавы и промок до нитки, пусть даже виной тому его отвага, смешон и жалок в глазах праздничной толпы. И как раз в таком положении жаждали они увидеть Карлоса.

Заподозрил ли охотник, чего они хотят, нет ли, но он ничем этого не показал. По его ответу этого нельзя было понять. Но когда ответ слышали окружающие, канавы, грязная вода – все тотчас было забыто. Теперь зрителей ждало зрелище куда более захватывающее.

Глава V

Карлос ответил не сразу; минуту он молчал, неподвижно сидя в седле. Казалось, он был озадачен. Поведение обоих офицеров, слова Робладо уязвили его. Не досадно ли вступить в такую несложную игру, когда она, в сущности, уже кончилась, и только потому, что Робладо и коменданту вздумалось тебя дразнить! А отказаться – значит, стать мишенью для насмешек и сплетен. Может быть, как раз этого они и добиваются?

У него были основания подозревать недобрые намерения с их стороны. Он кое-что знал о них обоих, о том, каковы они на своем посту, да и мог ли он не знать! Ведь они здесь – высшая власть. Но он знал еще и от том, что это за люди вне службы, в частной жизни, и сведения эти отнюдь не говорили в их пользу. Что касается Робладо, то у охотника были свои причины не любить его, совсем обычные причины, и знай уже Робладо об одном обстоятельстве, у него была бы вполне веская причина отвечать Карлосу такой же неприязнью. До сего дня Робладо не знал даже о существовании охотника на бизонов, который большую часть времени проводил вдали от этих мест. Быть может, офицер никогда прежде не встречал его или, во всяком случае,

никогда не обменялся с ним ни словом. Карлос знал его лучше и задолго до этой встречи не любил; как мы уже намекали, у него были на то свои причины.

Сегодняшнее поведение офицера не уменьшило неприязни Карлоса. Наоборот, его высокомерный, насмешливый тон задел и оскорбил охотника.

– Капитан Робладо, – ответил он наконец, – я сказал, что эта игра не стоит того, чтоб тратить на нее время: десятилетний мальчишка и тот не сочтет ее подвигом. Я не стану рвать своему коню рот ради такого пустяка. Что стоит осадить его на краю этой безобидной канавки? Но если...

– Ну, если что? – нетерпеливо спросил Робладо, воспользовавшись паузой и начиная уже догадываться, что скажет Карлос.

– Если вы хотите рискнуть дублоном – я всего– навсего бедный охотник и не могу поставить больше, – я сделаю то, что десятилетний мальчишка, пожалуй, сочтет настоящим искусством.

– Что бы это могло быть, сеньор охотник? – усмехаясь, спросил офицер.

– Я на всем скаку остановлю коня на краю вон того утеса.

– В двух корпусах от обрыва?

– В двух корпусах? Нет – меньше: на том же расстоянии, что здесь, на берегу канала.

Его слова так поразили всех, кто был поблизости и слышал его, что несколько минут никто не мог произнести ни слова. Не верилось, что это предложение сделано всерьез, – столько в нем было дикой, безрассудной отваги. Даже оба офицера, пораженные, готовы были подумать, что охотник просто смеется над ними.

Утес, на который показывал Карлос, был частью высокого плоскогорья, отвесные стены которого обрывались в долину. Он походил на мыс и выступал вперед, словно нарочно для того, чтобы его лучше было видно снизу, из долины. Утес был чем-то вроде волнореза, такой же высокий, как весь скалистый обрыв. На грани его виднелась трава – зеленый краешек прерии, раскинувшейся наверху, на плоскогорье. Ровная, лишенная террас и уступов стена отвесно спускалась в долину, вся исчерченная, – это чередовались пласты известняка и песчанника. Добрая тысяча футов отделяла зеленые луга долины от края утеса. Измерить взглядом расстояние снизу вверх не так-то просто человеку со слабыми нервами; поглядеть вниз – это испытание выдержит лишь самый бесстрашный. Вот каков бы утес, на краю которого Карлос решил осадить своего коня. Вполне понятно, что такое предложение поразило всех до немоты. Но вот тишину нарушили крики:

– Это невозможно! Он сошел с ума! Да он шутит ! Он насмехается над господами военными!

Карлос сидел на коне, невозмутимо перебирал поводья и ждал ответа.

Ему не пришлось долго ждать. Вискаarra и Робладо наскоро обменялись несколькими словами, и Робладо нетерпеливо закричал:

– Я принимаю пари!

– И я ставлю золотой! – добавил Вискаarra.

– Сеньоры! – сказал Карлос, видимо огорченный. Мне очень жаль, но я не могу спорить с двумя. Этот дублон – все, что у меня есть, и сейчас вряд ли кто–нибудь даст мне еще один.

Говоря это, Карлос с улыбкой взглянул на толпу, но людям было не до того, чтобы улыбаться в ответ. Ужас охватил их. Они не сомневались, что безрассудного охотника ждет неминуемая гибель. Но все же кто-то отозвался:

– Я дам и двадцать золотых, Карлос, на что угодно, но только не на это. Ведь это безумие! Это сказал молодой скотовод, тот самый, что уже и прежде вступался за Карлоса.

– Спасибо, дон Хуан, – ответил охотник. – Я знаю, ты всегда ссудил бы меня деньгами. Все равно спасибо. Не бойся! Я выиграю золотой. Не для того я двадцать лет не слезаю с коня, чтобы какой-то ачупино насмеялся надо мной!

– Сударь! – в один голос крикнули Вискаarra и Робладо, разом схватившись за эфесы шпаг и грозно хмурия брови.

– О, прошу прощения, господа, – с плохо скрытой насмешкой сказал Карлос. – Это у меня

нечаянно слетело с языка. Право, я никого не хотел оскорбить.

– Тогда держите язык за зубами, приятель! Еще раз вылетит такое слово, а там как бы голова не слетела с плеч, – пригрозил Вискаarra.

– Благодарю вас, сеньор комендант, – ответил Карлос, все еще смеясь. – Пожалуй, я послушаюсь вашего совета.

Комендант только яростно выругался в ответ, но Карлос не обратил на него внимания, ибо в эту минуту его сестра, только что услышавшая о безрассудном намерении брата, выпрыгнула из повозки и в отчаянии кинулась к нему.

– О Карлос! – воскликнула она, обнимая колени всадника. – Неужели правда? Нет, не может быть!

– Что, сестренка? – с улыбкой спросил Карлос.

– Что ты...

Голос изменил ей, и она только взглядом указала на утес.

– Конечно, Росита. А почему бы и нет? стыдно, родная! Не тревожься. Поверь, тут нечего бояться. Я и прежде так делал.

– Карлос, дорогой! Я знаю, ты прекрасный наездник, никто с тобой не сравнится. Но подумай, как это опасно... Боже милостивый! Подумай...

– Фу, сестра! Не позорь меня перед людьми! Поди спроси мать. Послушай, что она скажет. Уж она-то не станет тревожиться.

И охотник направился к повозке; сестра последовала за ним.

Бедная Росита! В эту минуту на тебя были устремлены глаза человека, впервые заметившего тебя, и в темной глубине этих глаз блеснул огонь, не суливший ничего хорошего. Твоя стройная фигурка, твоё ангельски прекрасное лицо, быть может, и самое твоё горе заставили быстрее забиться сердце человека, чья любовь могла принести лишь гибель той, которую он полюбит. То было сердце полковника Вискаrrы.

– Смотрите-ка, Робладо! – негромко окликнул он своего подчиненного и соучастника во всех дурных делах. – Взгляните вон туда! Пресвятая дева! Да поглядите же! Вот настоящая Венера

– это так же верно, как то, что я христианин и солдат! Хотел бы я знать, с какого неба она свалилась?

– Ей-Богу, я никогда ее не видал, – ответил капитан. – Наверно, она сестра этого парня. Так и есть! Послушайте их! Они называют друг друга братом и сестрой. Она и в самом деле недурна.

– Горе мне! – вздохнул комендант. – Да это находка! Я уж просто отупел от здешней скуки и однообразия. Хорошо, что нашлось новое развлечение. Теперь я, пожалуй, смогу вытерпеть еще месяц. Как вы думаете, хватит мне ее на целый месяц?

– Едва ли... если дело пойдет, как с другими. Неужели вам уже надоела Инес?

– Хо-хо! Она слишком горячо любила меня, а я этого терпеть не могу. Я предпочитаю, чтобы со мной были похолоднее.

– Если так, эта блондинка, пожалуй, больше вам подойдет. Но смотрите: они ушли!

Пока офицеры беседовали, Карлос с сестрой приблизились к повозке, в которой сидела их старая мать.

Комендант, капитан и еще многие зрители последовали за ними и обступили их, прислушиваясь.

– Матушка, она хочет отговорить меня, – раздался голос Карлоса. Он уже успел рассказать матери о своем намерении. – Без вашего согласия я ничего не стану делать. Но послушайте, матушка, я уже наполовину связал себя обещанием и хотел бы исполнить его. Ведь это дело чести, матушка.

Последние слова были произнесены громко, внушительно, прямо в ухо старой женщине – она, видимо, была глуховата.

– Кто отговаривает тебя? – спросила она, подняв голову и оглядывая окруживших их людей. – Кто?

– Росита, матушка.

– Пусть Росита ткет и вяжет шали – вот ее дело. А ты, сын мой, можешь совершить великие дела... подвиги. Да, подвиги! Разве в жилах твоих не течет кровь твоего отца? Ведь он – он совершал подвиги, да... ха-ха-ха!

Странный смех и безумный взгляд этой женщины заставили зрителей содрогнуться.

– Иди! – закричала она, откидывая назад длинные пряди своих белых волос и размахивая руками. – Иди, Карлос, охотник на бизонов, и покажи этим обгоревшим на солнце трусам, этим рабам, на что способен свободный американец! На утес! На утес!

Отдав этот ужасный приказ, она опустила на сиденье повозки и вновь погрузилась в молчание.

Карлос больше ни о чем не стал ее спрашивать. Резкие слова, слетевшие у нее с языка, вызвали у него желание поскорее закончить этот разговор: он заметил, что кое-кто из стоявших поближе не пропустил их мимо ушей.

Офицеры, священники, алькальд обменялись многозначительными взглядами.

Снова усадив сестру в повозку и обняв ее на прощанье, Карлос вскочил в седло и поскакал по долине. Отъехав немного, он сдержал коня и бросил взгляд на ряды скамей, где расположились городские сеньоры и сеньориты. Там царило смятение. Они узнали о предполагавшемся испытании, и многие готовы были отговорить охотника от опасной затеи.

Среди них была и та, чье сердце, казалось, вот-вот разорвется; страх и тревога переполняли его, как и сердце сестры Карлоса, но тем, кто окружал ее, она не смела этого показать. Ей приходилось молча страдать и терпеть.

Карлос знал это. Он достал белый платок, хранившийся на груди, и махнул им, словно посылая кому-то последнее «прости». Ответили ли ему – трудно сказать, но мгновение спустя он повернул коня и поскакал к утесу.

Каких только не было догадок у сеньор и сеньорит, у деревенских красоток о том, кому же предназначался этот прощальный привет! Много предположений было высказано, много имен названо, и пошли толки и пересуды. Лишь одна из всех знала, с кем прощался Карлос, и душа ее полна была любви и страха.

Глава VI

Все, у кого были лошади, последовали за охотником, который держал путь прямо к тропе, что вела их долины вверх, на плоскогорье. Эта тропа крутыми извивами взбиралась по скалам, и кроме нее отсюда не было другого пути на плоскогорье. Такая же дорога вилась по противоположному каменному откосу, в этом месте можно было пересечь долину – на много миль вокруг это был единственный путь, ведущий с одной стороны плоскогорья на другую.

Всего тысяча футов отделяла долину от плоскогорья, но тропа, поднимавшаяся вверх, тянулась чуть не на милю; а так как место праздничных игр было в нескольких милях от подножия утеса, Карлоса сопровождали лишь те, кто был на конях, да еще несколько человек, решивших во что бы то ни стало своими глазами увидеть во всех подробностях это опасное испытание. Офицеры, разумеется, были среди тех, кто поднимался по тропе. Те, что остались внизу, двинулись поближе к скалам, чтобы не пропустить самую интересную и волнующую часть зрелища.

Прошло уже больше часа, а оставшиеся внизу все еще ждали, но они не теряли времени даром. Картежники засели играть в монте, замелькали золотые и серебряные монеты, переходя из рук в руки; среди самых азартных игроков были оба отца миссионера; а прекрасные сеньориты занялись своей любимой, спокойной и несложной игрой а чуса. Бой между двумя сильными петухами (один из них принадлежал алькальду, другой – священнику) заполнил следующие полчаса. В этом соревновании восторжествовал представитель церкви. Его серый петух с одного удара убил рыжего петуха алькальда – длинной и крепкой, словно стальной шпорой он хватил противника по голове. Всем оставшимся внизу, даже и сеньоритам, очень понравилось это интересное и приятное зрелище – всем, кроме алькальда.

Петушиный бой окончился, и вниманием толпы снова завладела группа людей, поднимавшихся на плоскогорье. Они уже достигли края утеса, и по их движениям было ясно, что они договариваются об условиях этого неслыханного пари. Давайте присоединимся к ним.

Охотник на бизонов выехал вперед и показал место, где он хочет осуществить свой дерзкий замысел. Сверху, с плоскогорья, скал не видно, и даже самую долину, огромную пропасть в тысячу футов глубиной, не увидишь, если на какую-нибудь сотню шагов отступить от края обрыва. Здесь нет никаких откосов или склонов. Неизменно ровный зеленый луг стелется по плоскогорью до самого края обрыва. Он весь гладкий, трава здесь короткая и густая, как дерн. Коню не обо что споткнуться – нигде ни ямки, ни камешка. Эта опасность ему не грозит.

Выбранное место, как уже говорилось, походило на мыс; он выдавался вперед, нарушая ровную линию каменной стены. Снизу, из долины этот выступ сразу бросался в глаза. А здесь, наверху, он оказался продолжением плоскогорья, вытянутого вперед наподобие языка.

Прежде всего Карлос доехал до самого конца его и внимательно исследовал грунт. Он был как раз хорош: не настолько плотен, чтобы конские копыта скользили, и не такой рыхлый, чтобы они увязали в нем.

Карлоса сопровождали Вискаarra, Робладо и другие. Многие подъехали к избранному месту, но держались на почтительном расстоянии от края пугающей бездны. И хоть они долгие годы жили на этой земле, среди величественных и грозных ландшафтов, многие из присутствующих не решились стать на край страшного выступа и заглянуть вниз.

Конь охотника стоял на самой кромке, и Карлос спокойно, словно то был берег канала, показывал, где провести черту. Конь тоже не выказывал признаков беспокойства. Сразу было видно: он прекрасно обучен, и ему это не внове. То и дело, вытянув шею, он заглядывал вниз, в долину, и, увидав там своих собратьев, пронзительно ржал. Карлос нарочно держал его на самом краю утеса, чтобы он освоился здесь, прежде чем приступить к нелегкому испытанию.

Но вот уже и черта проведена; меньше двух лошадиных корпусов отделяют ее от последних травинков, растущих на кромке обрыва. Вискаarra и Робладо потребовали было, чтобы расстояние сделали еще короче, но в ответ раздался ропот неодобрения и послышались даже негромкие, приглушенные возгласы: «Позор!»

Чего добивались офицеры? Никто в толпе не знал этого, но все чувствовали: они хотят погубить охотника на бизонов. У каждого из них были на то свои причины. Оба они ненавидели Карлоса. Причина или причины их ненависти возникли недавно, у Робладо даже позже, чем у коменданта. За последний час он заметил нечто такое, что привело его в ярость. Он заметил, как Карлос махнул белым платком, и так как он стоял у скамей, ему было видно, кому предназначалось это «прощай». Изумление, негодование вспыхнули в нем, и он стал разговаривать с Карлосом заносчиво и грубо.

Каким чудовищным не покажется это предположение, но, сорвись охотник с утеса, оба – и Робладо и Вискаarra – были бы только рады. Разумеется, это чудовищно, но таковы были там люди в те времена, и в этом нет ничего невероятного. Напротив, подобное варварство – желания и даже поступки еще более бесчеловечные – отнюдь не редкость и сейчас под небом Новой Мексики.

Молодой скотовод, который вместе с другими поднялся на плоскогорье, настаивал, чтобы игра велась честно, по всем правилам. Всего-навсего скотовод, хоть и богатый, он был человек смелый и отстаивал права Карлоса даже наперекор уса́тым грозным офицерам.

– Послушай, Карлос! – крикнул он, когда приготовления уже шли полным ходом. – Сдается мне, ты готов пойти на это сумасшествие. Раз уже не удалось отговорить тебя, я не стану тебе мешать. Но, по крайней мере, не рискуй собой ради такого пустяка. Вот мой кошелек! Спорь на сколько хочешь.

С этими словами он протянул охотнику туго набитый кошелек

– как видно, в нем было немало денег.

С минуту Карлос молча смотрел на кошелек. Великодушное предложение обрадовало его. По всему видно было, что он глубоко тронут добротой юноши.

– Нет, – сказал он наконец, – нет, дон Хуан! От всего сердца благодарю тебя, но взять кошелек не могу... Одну монету, не больше. Я хотел бы поставить один золотой против коменданта.

– Бери, сколько хочешь.

– Спасибо, дон Хуан! Только один золотой. И у меня есть один – значит, всего два... Два золотых. Честное слово, никогда еще я не спорил на такие большие деньги!.. Слышите? Бедный охотник бьется об заклад на два золотых!

– Ну ладно, если ты не хочешь, это сделаю я... Полковник Вискаarra! – громко обратился дон Хуан к коменданту. – Я думаю, вы не прочь получить назад свою ставку. Карлос ставит один золотой, а я предлагаю поспорить на десять.

– Согласен, – сухо ответил комендант.

– Решитесь ли вы удвоить ставку?

– Решусь ли я? – повторил Вискаarra в бешенстве, что с ним так разговаривают при свидетелях. – Учетверим ее, если вам угодно, сударь.

– Ладно, учетверим, – тотчас принял вызов дон Хуан. – Спорю на сорок золотых, что Карлос выдержит испытание!

– Хватит! Выкладывайте деньги!

Золотые монеты отсчитаны, вручены одному из свидетелей, выбраны судьи.

Вот уже все приготовления закончены. Зрители отъехали на плоскогорье и предоставили мыс в полное распоряжение охотника на бизонов и его коня.

Глава VII

Люди во все глаза смотрели на Карлоса, следили за каждым его движением.

Прежде всего он спешился, снял плащ и положил его в стороне. Потом осмотрел шпоры и убедился, что ремешки застегнуты как надо. Поправил опоясывающий его шарф, надвинул сомбреро на лоб. От колен и до самых лодыжек застегнул кожаные боковые отвороты своих бархатных штанов, чтобы они не мешали ему. Охотничий нож и хлыст отдал на хранение дону Хуану.

Потом он занялся конем, который все это время стоял, гордо выгнув шею, словно угадывал, что ему предстоит совершить нечто из ряда вон выходящее. Первым делом Карлос тщательно осмотрел уздечку, затем огромные стальные удила мамелюкского образца, проверяя, нет ли где-нибудь трещинки. Головной ремень он затянул ровно настолько, насколько нужно; потом пристально, дюйм за дюймом, осмотрел поводья. Они были плотно и искусно сплетены из волос хвоста дикой лошади. Кожаные могли бы лопнуть, а за эти, прочные и гибкие, как струна, бояться не приходилось.

Дошла очередь и до седла. Карлос осмотрел его со всех сторон, проверил стремянные ремни и большие деревянные колодки стремян. Подпруга была последним, самым важным предметом его забот. Он ослабил пряжки по обе стороны, а потом, упершись коленом, затянул подпругу как можно крепче. Он стянул ее так основательно, что и кончик пальца нельзя было просунуть под крепкий кожаный ремень.

Все эти предосторожности никого не могли удивить. Стоит порваться ремешку или соскользнуть пряжке – и смельчака поглотит вечная ночь.

Удостоверившись, что все в порядке, Карлос подобрал поводья и легко вскочил в седло.

Прежде всего он направил лошадь шагом вдоль утеса всего в нескольких футах от края: обоим, и коню и всаднику, следовало привыкнуть к опасности.

Вскоре он пустил вороного рысью, а потом и легким галопом. Даже на это нельзя было смотреть без страха. Для тех, кто глядел снизу, это было великолепное, но пугающее зрелище.

Немного погодя он повернул к плоскогорью, поскакал крупным галопом – тем аллюром, которым он намеревался приблизиться к краю утеса, – и вдруг опять натянул поводья, да так, что конь едва не опрокинулся набок. Снова галоп – и снова остановка. Карлос повторил этот маневр раз десять-двенадцать, направляясь то к краю утеса, то к плоскогорью. Разумеется, его

конь мог бы скакать куда быстрее. Но о том, чтобы гнать во весь дух, и речи не было. Остановить коня, мчащегося со всей быстротой, на какую он только способен, на расстоянии двойной длины его тела от края пропасти совершенно невозможно, даже если пожертвовать его жизнью. Пуля, попавшая в сердце, и та не смогла бы мгновенно остановить на таком небольшом расстоянии скачущую лошадь. Хороший галоп – большего нельзя было ожидать в таких условиях; так решили и судьи, наблюдавшие за приготовлениями, когда Карлос спросил их об этом.

Наконец он повернул коня к утесу и поудобнее уселся в седле. Его решительный взгляд говорил, что пришло время приступить к испытанию.

Легкое прикосновение шпор – конь тронулся с места. И в следующую секунду он уже скакал галопом прямо к краю утеса.

Все взгляды, пристальные, напряженные, прикованы к всаднику. Все сердца тревожно бьются, зрители замерли; слышно лишь их неровное дыхание да стук копыт о твердый грунт плоскогорья.

Неизвестность длится недолго. В двадцать скачков конь приблизился почти к самому краю, от черты его отделяет расстояние не более шестикратной длины его тела, а поводья все еще висят свободно. Карлос не натягивает их; он знает, что стоит тронуть повод – и конь остановится, а сделать это до черты – значит проиграть. Еще прыжок... еще... еще...

– Эй! Он перескочил... Великий Боже! Он свалится! – раздалась возгласы среди зрителей.

Это они увидели, что Карлос на всем скаку пересек черту. Но тотчас же раздалась громкие приветственные крики. «Viva! « – неслось из долины. «Viva! « – кричали те, кто следил за Карлосом с плоскогорья.

В тот миг, когда конь, казалось, готов был перемахнуть за край обрыва, Карлос резко натянул поводья, и передние копыта коня застыли в воздухе. Осев на задние ноги, он словно врос в твердую, надежную почву плоскогорья. Так он замер в каких-нибудь трех футах от края утеса. И тогда всадник поднял правую руку, снял сомбреро, помахал им в знак приветствия и вновь надел.

Для тех, кто смотрел снизу, это было великолепное зрелище. Темные силуэты коня и всадника, полные силы и красоты, застыли над обрывом, вырисовываясь на фоне синего неба. Руки и ноги всадника, каждый изгиб тела коня, даже конская сбруя были отчетливо видны. В то краткое мгновение, когда они неподвижно застыли над бездной, казалось, что это конная статуя, отлитая из бронзы, и вершина утеса служит ей пьедесталом.

Это длилось секунду, а воздух уже дрожал от громких «viva». Потом смотревшие снизу увидели, как всадник круто повернул коня и скрылся за кромкой утеса.

Испытание окончилось, и чувствительные женские сердца, тревожно, неистово стучавшие в груди всего минуту назад, уже снова бились спокойно и размеренно.

Глава VIII

Когда охотник на бизонов вернулся в долину, все с новой силой закричали «viva» и замахали платками, приветствуя его. А он заметил лишь один платок, но большего ему и не надо было. Других он не увидел, да и не хотел видеть. Этот надушенный кусочек батиста, обшитый кружевом, был для него знаком надежды, знаменем, под которым он готов был пойти на еще более дерзкие и опасные подвиги. Маленькая, украшенная драгоценностями ручка высоко подняла платок и радостно махнула им в знак приветствия. Он видел это и был счастлив.

Он миновал скамьи, подъехал к повозке, спешился и поцеловал мать и сестру. Следом подъехал дон Хуан, тот, что держал за него пари, и некоторые заметили, что светловолосая девушка глядит не только на брата – ему приходится делить ее нежные взгляды с другим, и этот другой – молодой скотовод. Даже последний тупица не мог не увидеть, что отвечают ей взгляды еще более нежные. Без сомнения, то была любовь, и они знали о чувствах друг друга.

Хотя дон Хуан был богатый скотовод и его величали «доном», однако на общественной лестнице он стоял лишь ступенькой выше охотника на бизонов; этой ступени помогло ему достичь богатство. Он не принадлежал к местной аристократии, да и мало заботился об этом, но он был храбр, энергичен и, пожелай он того, мог бы сблизиться с теми, в чьих жилах текла «голубая» кровь. Но, как видно, он вовсе не стремился к этому и уж во всяком случае он не хотел использовать для этого женитьбу.

Всякий, кто видел, какими пылкими взглядами он обменивался с сестрой охотника на бизонов, мог без труда предсказать, что дон Хуан не женится на аристократке.

Они были счастливы, те несколько человек, что собрались у повозки, и решили отпраздновать событие сластями, оршадом, лучшим вином из Эль Пасо. Дон Хуан не боялся потратить лишнее, да и чего ему было бояться, когда у него в кармане позвякивали пятьдесят золотых чистого выигрыша – те самые, потеря которых не давала покоя коменданту.

Сейчас комендант с хмурым видом бродил вокруг; время от времени он подходил ближе и нагло поглядывал в сторону повозки. Он, разумеется, смотрел на Роситу. Избалованный сознанием, что он здесь неограниченный владыка, полковник Вискаarra не привык, да и не старался скрывать свои намерения. Он так беззастенчиво выражал свое восхищение, что мало для кого оно осталось тайной. Встречаясь с ним взглядом, бедная девушка робко опускала глаза, и, когда дон Хуан заметил все это, им овладели гнев и тревога. Он знал, что за человек комендант Вискаarra, знал, как опасен он, вооруженный властью. О свобода! Как ты прекрасна! Сколько рушится надежд, сколько горьких испытаний выпадает на долю любви, сколько разбивается сердец в краю, где нет тебя, где тираны властны вторгаться в чужую жизнь, властны преградить путь живому потоку чувства!

На лугу все еще продолжались игры, но они уже не вызывали прежнего интереса. Блистательный подвиг Карлоса на время затмил все остальное, притом, кое– кто из представителей власти был не в духе. Вискаarra хмурился, Робладо выходил из себя, ревнуя Каталину. Алькальд с помощником надулись: оба крупно проиграли, поставив на рыжего петуха. Отцы иезуиты проигрались в карты, и христианское смирение изменило им. Один лишь городской священник был в духе и не прочь был снова пустить своего петуха в бой.

Наконец объявлены были заключительные состязания – петушинные гонки. Это весьма увлекательный вид спорта, вот почему карты и прочие мелкие забавы были снова отложены и все приготовились смотреть гонки.

Петушинные гонки – типичная новомексиканская игра. Ее нетрудно описать. Вот она. Петуха подвешивают за ноги вниз головой к горизонтальной ветке на такой высоте, чтобы всадник мог достать до его головы и шеи. Петух привязан так, что если умело ухватить его и дернуть, можно сорвать его с дерева; но сделать это совсем не просто, потому что и шея и голова петуха намылены. Всадник должен галопом проскакать мимо дерева, и за тем, кто сорвет петуха, тотчас пускаются в погоню все остальные, всячески стараясь отнять у него добычу. В условленном месте он должен повернуть обратно и вновь прискакать к тому дереву, откуда начались гонки. Иногда его настигают на полпути и выхватывают у него петуха, а нередко бывает и так, что в горячке игры злополучную птицу разрывают на части. Если же удачливый всадник вернется, сохранив петуха в целости, его провозглашают победителем. Дело кончается тем, что он кладет свою добычу к ногам возлюбленной, и она – обычно одна из деревенских красоток – в этот вечер танцует фанданго с пернатым трофеем под мышкой. Это знак, что она высоко ценит внимание своего поклонника, а все остальные танцоры могут воочию убедиться, что ее возлюбленный ловок и смел. Это жестокое развлечение. Ведь нельзя же забывать, что несчастный петух, которого хватают и рвут на части, живое существо! Однако вряд ли кому–нибудь из жителей Новой Мексики хоть раз пришло на ум, что это жестоко. А если кто и подумал об этом, так, уж конечно, женщина: ведь обительницы этой страны столь же милосердны, сколь жестоки их мужья и братья. Женщины мирятся с петушинными гонками, потому что таков обычай Новой Мексики. И найдется ли такая страна, где нет своих жестоких игр? Разве это разумно и последовательно – убиваться над петухом, если мы и сами превесело скачем по следу несчастной, затравленной лисы?

Есть два вида петушиных гонок. Один только что описан. Другой отличается лишь тем, что петуха не привязывают к дереву, а по шею зарывают в землю. Всадники так же скачут по заведенному порядку, но только каждый наклоняется с седла, стараясь выдернуть птицу из земли. В остальном условия те же.

Итак, к ветке подвесили первого петуха, участники выстроились в одну линию – игра началась.

Несколько человек попробовали ухватить птицу за голову, и им это даже удалось, но мыло испортило все дело.

Сержант-улан решил снова попытать счастья, но поставил ли что-нибудь на него полковник и на этот раз – неизвестно. Комендант уже достаточно рисковал сегодня, и он куда острее почувствовал бы потерю, не будь ему утешением небольшая и совершенно незаконная дань, которую он брал с рудников, и еще кое-какие установленные обычаем доходы. А ведь он вполне мог прожить безбедно, не беря взяток, на те деньги, которые получал от вице-королевского правительства.

Сержанту, у которого, как вы уже знаете, было преимущество

– высокий рост и крупный конь, – удалось ухватить петуха за шею. Как стало известно потом, он заранее набрал пригоршню песка – это помогло ему сорвать петуха с ветки, и он поскакал прочь.

Но были там всадники и на более быстрых конях, и не успел сержант обогнуть столб, служивший вехой поворота, как его настиг бойкий пастух и вырвал у птицы крыло; второе крыло оторвал другой преследователь, и сержант вернулся к дереву, держа в руке лишь жалкие остатки. И, конечно, на его долю не досталось ни криков «viva», ни рукоплесканий.

Карлос, охотник на бизонов, не участвовал в этом состязании. Он знал, что завоевал сегодня довольно славы, приобрел и врагов и друзей, и не стремился умножить число ни тех, ни других. Однако кое-кто из зрителей стал поддразнивать его – им просто хотелось снова поглядеть на прекрасного мастера верховой езды. Некоторое время он сопротивлялся, до тех пор, пока с дерева не сорвали еще двух петухов. Одного, целехонького, привез и положил к ногам своей улыбающейся возлюбленной тот самый пастух, о котором уже упоминалось.

И тут, должно быть, новая мысль пришла на ум Карлосу. Он выехал вперед, очевидно, готовый принять участие в следующем заезде.

– Теперь мне не скоро придется быть на празднике, – заметил он дону Хуану. – Послезавтра я уезжаю в прерии. Надо сегодня ничего не пропустить.

Игра теперь пошла по-другому. Птицу закопали в землю. Суд по длинной шее и остроконечному клюву, это не петух, а снежно-белая цапля, одна из многих видов, какие водятся в этих местах. Ее нежную, тонкую шею не стали мазать мылом. На этот раз трудность была в том, что у цапли оставалось достаточно свободы, и она никак не давалась в руки; она резко отдергивала голову то вправо, то влево, и ухватить ее было нелегко.

Дан сигнал, и всадники поскакали. Карлос был в числе последних, но, доскакав, увидел, что белая изгибающаяся шея все еще на месте. Он оказался проворнее птицы, мгновенно выхватил ее из покорно раздавшегося песка, и вот она уже машет белоснежными крыльями над гривой его коня.

Карлосу требовалась не только быстрота, но и большая ловкость, чтобы ускользнуть от толпы всадников, устремившихся со всех сторон ему наперерез. Он то кинется вперед, то вдруг остановится, круто свернет, чтобы миновать какого-нибудь всадника и проскакать позади него. Так он маневрировал снова и снова, и наконец его вороной конь вырвался из кольца соперников и понесся к столбу – знаку поворота. Обогнув его, Карлос поскакал назад, высоко подняв свою добычу, незапятнанную и неповрежденную, и зрители встретили его громкими рукоплесканиями.

Догадкам, предположениям не было конца. Кому же он преподнесет свою добычу? Уж, наверно, он выберет девушку своего круга, говорили в толпе, какую-нибудь деревенскую красавицу или дочку скотовода. Казалось, охотник не спешил удовлетворить общее любопытство. Но немного погодя он поразил всех: подбросил птицу высоко вверх и отпустил

на свободу. Цапля гордо взмыла вверх, вытянула длинную шею и полетела в дальний конец долины.

Однако, прежде чем расстаться со своей пленницей, Карлос вырвал из ее крыльев несколько длинных, прозрачных, как паутина, перьев, по которым всегда узнаешь цаплю, и связал их в плюмаж. Покончив с этим, он дал шпоры коню и галопом поскакал к скамьям. Там он гибким движением наклонился в седле и положил трофей к ногам... Каталины де Крусес!

Возглас изумления пронесся по толпе, и сразу же все сурово осудили Карлоса.

Как! Простой охотник на бизонов, никому не известный бедняк хочет, чтобы его одарила улыбкой дочь богача? Нет, это не любезность – это уже оскорбление! Что за дерзкая самонадеянность!

И возмущались не только сеньоры и сеньориты. Деревенские красотки и дочки скотоводов были разгневаны не меньше. Ими пренебрегли, на них не обратили внимания, их обманули – и кто? Один из их же среды! Ему, видите ли, понадобилась Каталина де Крусес!

А Каталина – что ж, ей и лестно и неприятно; неприятно потому, что она оказалась в затруднительном положении. Она улыбнулась, покраснела и едва слышно произнесла:

– Благодарю вас, кабальеро.

Однако минуту она медлила, не решаясь поднять трофей. Справа от нее в гневе вскочил на ноги отец, слева – не менее разгневанный поклонник. И этот поклонник был не кто иной, как Робладо.

– Наглец! – закричал он, схватил плюмаж и швырнул его на землю. – Наглец!

Карлос перегнулся с седла, поднял плюмаж и заткнул его за золотую тесьму на шляпе. Потом, бросив вызывающий взгляд на офицера, сказал:

– Не горячитесь, капитан Робладо. Из ревнивых женихов выходят равнодушные мужья. – Он поглядел на Каталину, улыбнулся, и добавил совсем другим тоном: – Благодарю вас, сеньорита!

С этими словами он снял сомбреро, низко поклонился, повернул коня и поскакал прочь.

Робладо наполовину обнажил шпагу, и его громкое «Черт тебя побери!» вместе с проклятиями, которые бормотал сквозь зубы дон Амбросио, достигло ушей Карлоса.

Но при всем своем чванстве капитан был далеко не храбрец, и, принимая во внимание, что у бедра охотника висел в ножнах длинный нож – «мачете», Робладо ограничился одними угрозами и дал Карлосу удалиться.

Этот случай всех взволновал и у многих возбудил недобрые чувства. Охотник на бизонов вызвал негодование аристократии, ревность и зависть демократии, и вышло так, что после всех своих блестящих подвигов он покидал поле состязаний отнюдь не всеобщим любимцем. Безумные слова странной старухи, его матери, передавались из уст в уста и пробудили ненависть к человеку чужого племени – вот почему его искусство вызывало уже не восхищение, а зависть. Американец, еретик, он поистине должен быть ангелом, чтобы завоевать их дружбу, ибо в этом далеком уголке земли фанатизм был также неистов, как в городе Семи Холмов в самые мрачные дни инквизиции.

Пожалуй, для Карлоса было лучше, что состязания уже остались позади и праздник подходил к концу.

Еще несколько минут – и все пришло в движение. Запрягали мулов, быков, ослов; скотоводы с женами и дочерьми забирались в свои повозки, похожие на огромные ящики; крики возниц, свист бичей, отвратительный визг несмазанных осей – все это слилось в дикий концерт, который изумил бы всякого, кто не родился в этом краю.

Не прошло и получаса, как огромный луг опустел, и лишь вечно голодный, тощий койот рыскал там в поисках пищи.

Глава IX

Хотя состязания на открытом воздухе кончились, праздник святого Иоанна продолжался. Было еще немало зрелищ, на которые стоило посмотреть, прежде чем разъехаться по домам.

Снова пришла очередь церкви: опять продавали индульгенции, четки и частицы мощей, опять кропили святой водой – ведь казна святых отцов должна была пополниться, чтобы было с чем сесть за карточный стол. Потом, вечером, состоялось шествие в честь святого Иоанна, которому был посвящен праздник. Его статую, водруженную на носилки, носили по всему городу пять или шесть дюжих молодцов, пока они не выбились из сил под тяжестью своей ноши; пот струился с них ручьями.

Сам святой был настоящей диковиной. Большая кукла из воска и гипса, закутанная в выцветшую шелковую мантию, которая когда-то была желтой, и вся изукрашенная перьями и мишурой. Это была католическая статуя, но преображенная на индейский лад, ибо в мексиканской религии столько же индейского, сколько и римско-католического. Святой, видно, устал от трудов: что-то в соединении головы с шеей испортилось, голова поникла на грудь, и, когда статую несли, казалось, что святой кивает толпе. Служители церкви не упустили случая истолковать все по-своему: они объяснили благочестивой пастве, что, кланяясь, святой выражает свое снисхождение к участникам процессии и одобряет их действия, угодные небу. И, конечно же, это настоящее чудо. Так утверждали и отцы иезуиты из миссии и священник местной церкви

– и кто стал бы с ними спорить? Возражать им опасно. В Сан-Ильдефонсо нет такого человека, который осмелился бы не поверить церкви. Чудо пошло ей на пользу, оно подогревало энтузиазм верующих. И когда святого Иоанна поместили обратно в его нишу в храме, а впереди поставили ящик, в него посыпалось немало песет, реалов, квартильо, которые иначе в этот же вечер были бы проиграны в карты.

Кланяющиеся святые и мигающие мадонны отнюдь не новое изобретение святой церкви. У мексиканских священников тоже были свои святые чудотворцы, и даже в Новой Мексике, этом мало кому известном краю, найдется несколько искусников, которые творили чудеса не хуже тех, какими прославилась вся эта порода обманщиков.

Теперь вступила в свои права пиротехника, и не какими-нибудь жалкие заурядные фокусы, – нет, ведь новомексиканцы знают толк в этом искусстве. Любовь к фейерверкам – своеобразный, но верный признак вырождающейся нации.

Дайте нам точные цифры, сколько пороха извел тот или иной народ на фейерверки, на ракеты и шутихи, и я скажу вам, на каком уровне физического и духовного развития он находится. Чем выше цифра, тем ниже опустился душой и телом этот народ, ибо соотношение здесь обратно пропорциональное.

Я стоял однажды в Париже, на площади Согласия, и видел толпу богачей и бедняков, глазающих на одно из этих жалких зрелищ, которые для того лишь затеваются, чтобы обмануть людей, создать у них иллюзию довольства и радости. Этой пустой забавой им платили за утраченную свободу – так ребенок отдает драгоценный камень за горсть леденцов. И они глядели с наслаждением, чуть ли не с восторгом, а я смотрел на них: какие они были жалкие, малорослые, на добрый фут ниже своих предков! Я смотрел и видел глаза, оживленно блестящие, но лишённые мысли.

А это были представители некогда великой нации, и она все еще мнила себя первым народом на земле. Они с таким увлечением, с таким восторгом следили за фейерверком, что я уже не мог сомневаться: расцвет и величие этого народа позади, а теперь он быстро катится по наклонной плоскости – к упадку и вырождению...

После фейерверков начали танцевать фанданго. Здесь можно было встретить все те же лица, почти без изменений те же наряды. Лишь сеньоры и сеньориты переоделись, да иная деревенская красotka сменила грубую шерстяную юбку на другую – из пестрого миткаля, отделанную оборками.

Танцевали в просторном зале Дома капитула, который выходил на площадь. В этот праздничный день вход был открыт для всех. В пограничных городах Мексики, несмотря на классовые различия и деспотизм властей, во всем, что касается развлечений, сохраняется своеобразное демократическое равенство, смешение представителей низших и высших слоев общества, чего никогда не встретишь в других странах. Приезжих англичан и даже американцев

это всегда удивляло.

В зал для танцев впускали всякого, кто пожелает, лишь бы он заплатил за вход. Бок о бок с богачом в прекрасном костюме тонкого сукна можно было увидеть скотовода в кожаной куртке и бархатных штанах до колен; а дочка богатого торговца танцевала рядом с крестьянкой, которая своими руками месит тесто и ткёт шали.

Комендант, Робладо и лейтенант прибыли на бал в полном параде. Здесь же были и алькальд с жезлом, и священник в широкополой шляпе, и отцы иезуиты в своих развевающихся сутанах, и вся месная знать.

Тут и богатый коммерсант дон Хосе Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя толстыми, вечно сонными дочерьми; и супруга и вся семья алькальда; и девицы Эчевариа с братом-щеголем в костюме по парижской моде – во фраке и цилиндре; на всем балу он один был в таком наряде. Здесь и богатый землевладелец сеньор Гомес дель Монте с тощей женой и несколькими довольно тощими дочерьми – этим они отличались от сотен коров, бродивших по его пастбищам. Здесь же блистает и красавица Каталина де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио; отец не отходит от нее и не спускает с нее глаз.

Помимо этих важных особ, тут присутствуют и люди менее значительные: и служащие с рудников дона Амбросио, и конторщики торговых предприятий, и молодые скотоводы из долины, и рудокопы, и пастухи, и охотники на бизонов, и даже городские бедняки с дешевыми серапе на плечах. Кого только не было на этом балу!

Оркестр состоял из бандолы, арфы и скрипки; танцевали вальс, болеро, коону. Можно прямо сказать, что лучше не танцуют и в Париже. Пеоны, в коротких кожаных куртках и штанах до колен, и те танцуют с таким изяществом, будто они профессора этого дела; а деревенские красотики в коротких юбочках и пестрых туфлях порхают по залу, словно балерины.

Робладо, по обыкновению, не отходил от Каталины и танцевал с ней почти все танцы, но она не смотрела на его золотые эполеты – ее взор блуждал по залу, словно искал кого-то. Было очевидно, что она невнимательна; она почти не слушала Робладо и явно тяготилась его обществом.

Вискарра тоже кого-то искал взглядом и не находил; он прогуливался взад и вперед, тщетно заглядывая в лица, во все углы.

Если он искал прекрасную блондинку, ему не повезло: ее не было здесь. После фейерверка Росита с матерью уехали домой. Они жили далеко, в долине, и отправились туда в сопровождении Карлоса и молодого скотовода дон Хуана. Однако оба еще хотели вернуться на танцы. Дорога задержала их, и они появились в зале с большим опозданием. Потому-то взор Каталины и блуждал по сторонам. Однако ее не ждало разочарование, как Вискарру.

Фанданго еще не окончилось, когда в зал вошли два молодых человека и смешались с толпой. То были дон Хуан и Карлос. Охотника нетрудно было узнать по белоснежному султану из перьев цапли, который развевался на его черном сомбреро.

Взор Каталины уже не блуждал беспокойно по лицам. Теперь он снова и снова устремлялся в одну сторону, но не прямо и подолгу, а украдкой – ведь за ней наблюдали разгневанный отец и ревнивый поклонник.

Карлос притворялся равнодушным, хотя сердце его пылало. Чего бы не дал он, чтобы танцевать с Каталиной! Но он слишком хорошо понимал положение дел. Он знал, что стоит ему пригласить Каталину, и разразится скандал. И он не отваживался на это.

Время от времени ему вдруг начинало казаться, что Каталина больше не обращает на него внимания, что она с интересом прислушивается к словам Робладо, щеголя Эчевариа и других. Да, Каталина прекрасно играла свою роль. Игра эта предназначалась для других, не для Карлоса, но он не знал этого и почувствовал себя уязвленным.

Беспокойство охватило его, но он пошел танцевать. Партнершей он избрал прехорошенькую крестьяночку, Инес Гонсалес, и она была счастлива танцевать с ним. Каталина видела это и, в свою очередь, ощутила укол ревности.

Некоторое время продолжалась эта игра. Наконец Карлосу наскучила его партнерша, и он

уселся в одиночестве на скамью. Его глаза следили за каждым движением Каталины. И в ее ответном взгляде он читал любовь, любовь, в которой они признались друг другу, – да, они уже связали себя клятвой. Что же им было сомневаться друг в друге?

Они снова верили друг другу, танцы взволновали их, дон Амбросио изрядно выпил и уже не так рьяно опекал дочь, и теперь уверенность была не только у них в сердце, но и во взгляде – они чаще и смелее смотрели друг на друга.

По комнате кружились пары и в вихре вальса проносились мимо Карлоса. Каталина вальсировала со щеголем Эчевариа. И каждый раз, когда она оказывалась рядом с Карлосом, их взгляды встречались. Чего только не скажет испанка мимолетным взглядом, который вновь и вновь возвращается к любимому! И в глазах Каталины Карлос читал чудесную повесть. Когда Каталина в третий раз проносилась мимо по кругу, Карлос заметил, что в руке, которая покоится на плече партнера, она что-то держит. То была веточка, покрытая темной зеленью. Оказавшись рядом с Карлосом, Каталина ловко уронила ее прямо к нему на колени, и до него донесся едва слышный шепот: «Туя!» Карлос схватил ветку, темно-зеленую ветку туи. Ему ли было не понять ее значение! Он прижал ее к губам, а потом сунул в петлицу своей вышитой куртки.

Когда Каталина снова оказалась рядом с ним, они обменялись взглядами, полными любви и доверия.

Ночь тянулась медленно, дон Амбросио начал клевать носом и наконец увез дочь домой; капитан Робладо сопровождал их.

Вскоре после этого почти все, кто был познатнее и побогаче, разъехались; лишь некоторые, самые неутомимые поклонники Терпсихоры, танцевали до тех пор, пока румяная Аврора не заглянула в забранные решетками окна Дома капитула.

Глава X

Льяно Эстакадо, или «Столбовая Равнина», – царство охотников, один из самых своеобразных уголков Великих Американских Равнин. Это уединенное степное плоскогорье, по очертаниям напоминающее баранью ногу, возвышается над всей округой почти на тысячу футов. Оно тянется с севера на юг на четыреста миль, а ширина его в самом широком месте едва достигает трехсот миль. Это пространство, почти равное всей Ирландии. Оно не похоже на остальную прерию, и само оно неоднородно. На севере засушливая степь простирается на пятьдесят миль; местами не встретишь ни деревца, а местами растет чахлая, низкорослая акация – здесь встречаются два вида ее. Степь кое-где пересекают суровые, непроходимые ущелья глубиной до тысячи футов. Крутые, отвесные стены их совершенно неприступны; на дне между ними изредка попадаются неглубокие озерки, а среди скал и по крутым склонам лепятся чахлые кедры.

Проникнуть в эти глубокие расселины, в эти каньоны, или перебраться через них можно лишь в определенных местах, и такие переходы не часты – их разделяют десятки миль.

На плоскогорье порою на сотни миль тянутся совершенно ровные, пустынные земли, и грунт здесь такой плотный, словно его нарочно утрамбовали; а местами раскинулся зеленый ковер трав, разрослись акации; кое-где путешественник увидит неглубокие впадины, наполненные водой, то совсем маленькие, то побольше; есть и настоящие невысыхающие озерки – их берега заросли осокой. Почти во всех этих озерах вода в той или иной степени насыщена солями; в одних она сернистая, в других – совсем соленая. После сильных дождей озер становится больше, и вода в них почти пресная; но дожди в этом необитаемом краю редкость, и во время длительных засух почти все озера исчезают.

В южной части Льяно Эстакадо почти не увидишь ровных пространств; на добрые пятьдесят миль с севера на юг протянулась широкая – чуть не в двадцать миль шириной – полоса песчаных холмов. Это груды белого песка; они вздымаются то грядами до ста футов вышиной, то отдельными конусообразными вершинами; нигде не деревца, ни куста, ни травинки – ничто не нарушает их мягких очертаний, ни одно яркое пятно не оживляет их

однообразной белизны. И самое поразительное, поистине загадка для геолога – что среди этих холмов, даже на самых высоких гребнях, встречаются водоемы, озерки, и вода в них бывает не от случая к случаю, не только после дождей. Тут растет камыш, тростник, кувшинки – значит, эти озерки не пересыхают и не иссякают. А казалось бы, можно ли найти более неподходящее место для воды?

Такие дюны встречаются и на берегах Мексиканского залива и на европейском побережье, и там это нетрудно объяснить; но существование их здесь, в самом сердце материка, иначе как загадкой природы не назовешь.

Этот песчаный пояс можно пересечь в одном или двух местах, но лошади на каждом шагу вязнут по колено, и не будь здесь воды, опасно было бы пускаться в такое путешествие.

Где же находится Льяно Эстакадо? Разверните карту Северной Америки. Вы увидите большую реку, которую называют Кэнедиен; она берет начало в Скалистых горах, сперва течет на юг, потом на восток, пока не сливается с Арканзасом. Поворачивая к востоку, река огибает северный край этого плоскогорья, кое-где она омывает его отвесные стены, а в иных местах отступает далеко в сторону, и тогда с берега эти стены можно принять за горную гряду – путешественники нередко совершают эту ошибку.

Западная стена Льяно Эстакадо более отчетлива. У истоков Кэнедиен начинается еще одна большая река – Пекос. Если верить карте, она тоже течет на юг, но это не совсем точно: на протяжении нескольких сот миль Пекос заметно отклоняется к востоку и лишь потом направляется к югу, где впадает в Рио Гранде. Пекос омывает все западное основание плоскогорья, которое преграждает ему путь, и вместо того, чтобы течь на восток, как все другие степные реки, берущие начало в Скалистых горах, Пекос отклоняется к югу.

Восточная граница плоскогорья не столь определена, но некоторое представление о его очертаниях можно получить, если знать, что граница эта проходит в каких-нибудь трехстах милях от Пекоса и пересекает истоки Уошито, Ред-Ривер, Брасос и Колорадо. Все эти реки и их многочисленные притоки берут начало на восточных склонах Льяно Эстакадо, и быстрые воды их рассекают плоскогорье на огромные фантастической формы массивы.

На юге плоскогорье суживается и, постепенно понижаясь, переходит в долины многочисленных небольших речушек, которые вливаются в низовья Рио Гранде.

В этом своеобразном краю никто не живет. Даже индеец никогда не задерживается тут надолго; он останавливается лишь на несколько часов, чтобы отдохнуть после перехода, но в иных местах и он, привыкший к голоду и жажде, не осмелится пересечь плоскогорье. Переход через Льяно Эстакадо очень опасен, и на всем ее протяжении – четыреста миль – лишь в двух местах путешественники могут пересечь ее, не рискуя жизнью. Опасность кроется в недостатках воды. Травы здесь изобилие, но в иное время года даже на хорошо известной дороге на протяжении шестидесятисемидесяти миль невозможно добыть ни капли воды.

В давние времена один из этих переходов, соединяющий Санта-Фе с Сан-Антонио-де-Бехар в Техасе, назывался «Испанской тропой»; чтобы странники не сбились с пути, кое-где поставлены были вехи, столбы. Отсюда и название всей местности.

По Льяно Эстакадо теперь мало кто проезжает; там можно встретить лишь мексиканских охотников на бизонов да индейских торговцев – команчеросов. Поселенцы Новой Мексики пускаются в путь небольшими партиями и охотятся на бизонов либо торгуют с индейскими племенами, кочующими в восточной части плоскогорья. И охота и торговля не очень-то прибыльны, но и этого довольно людям особой породы – тем, кого случай или призвание заставили столь опасным и необычным способом добывать хлеб насущный.

Эти жители мексиканской окраины очень напоминают охотников и обитателей англо-американских лесных поселений, расположенных на границе. Однако у мексиканцев иное оружие, одежда, иные способы охоты.

Снаряжение охотников на бизонов, как и лесного бродяги, очень простое. Охотится он верхом на неполохом, а иногда и превосходном коне; вооружен луком и стрелами, охотничьим ножом и длинным копьем. Огнестрельного оружия он, как правило, не признает; бывают и исключения, но они редки. Важная часть его снаряжения – лассо. Что касается торговли, запас

товаров у него невелик – обычно на каких-нибудь двадцать долларов, не больше. Несколько мешков с хлебом, выпеченным из муки крупного помола (индейцы, живущие в прерии, его очень любят), куль маиса, коекакие безделушки, которыми украшают себя индейцы, грубые серапе, несколько кусков ярко окрашенной домотканной шерстяной материи – вот и весь его товар. Металлическими изделиями он почти не торгует. Он сам платит за них слишком дорого, ибо их привозят издалека и без зазрения совести облагают непомерно высокими пошлинами. Огнестрельным оружием он вовсе не торгует – индейцам этих прерий его привозят с востока; но испанские ружья

– легкие мушкеты и штуцеры – команчи добывают во время набегов на южно-мексиканские города.

Возвращаясь из своего дорогостоящего и опасного путешествия, охотник привозит сушеное бизонье мясо и шкуры; одни он добыл сам, на охоте, другие выменял у индейцев на свои товары.

В обмен на вещи отдают и лошадей, и мулов, и ослов. Индейцы владеют огромными стадами, у иных сотни голов скота, и почти на всех – мексиканское клеймо. Другими словами, индейцы крадут их в поселениях, расположенных в нижнем течении Рио Гранде, а затем продают в верховьях Рио Гранде, и торговля эта считается совершенно законной, – по крайней мере, сейчас дело обстоит так, что ничего тут не поделаешь.

Охотники на бизонов редко отправляются в прерии большими группами. Иногда их собирается много, они берут с собой жен и детей и кочуют с ними, точно индейское племя. Однако чаще всего в путь пускаются один-два охотника с лошадьми, мулами и слугами

– вот и вся экспедиция. Дикие обитатели прерий тревожат их меньше, чем обычных путешественников. Команчи и другие племена знают, с какой целью они пускаются в прерию, и радушно принимают их. И при всем этом эти люди с двойной профессией, полуохотники-полуторгаши, нередко обманывают индейцев и плохо обращаются с ними. Они передвигаются на вьючных мулах и в повозках, запряженных мулами или быками. Такая повозка – самый примитивный способ передвижения. Она двухколесная; колеса вырезаны из тополя и насажены на прочную деревянную ось. Колеса эти обычно не совсем круглые, они скорее овальные или даже квадратные. Двойное дышло тянется от оси, а сверху водружено нечто вроде глубокого четырехугольного ящика. Несколько пар быков впряжены в это сооружение простейшим способом: деревянную поперечину, заранее прикрепленную к дышлу, привязывают к рогам. На быках нет ни ярма, ни сбруи; налягут быки головами на поперечину и тянут весь поезд. Придя в движение, деревянная ось поднимает такой скрип и визг, что никакими словами не описать. Лишь в доме, где много детей всех возрастов и все они кричат в голос, можно услышать такую чудовищную какофонию; или для этого надо отправиться в Южную Мексику, где нас оглушит подобной музыкой стадо вопящих обезьян.

Глава XI

Примерно через неделю после праздника святого Иоанна небольшая партия охотников на бизонов переправлялась через Пекос у Лесного брода. Тут было всего пять человек: белый, метис и три чистокровных индейца, а с ними несколько вьючных мулов и три повозки, запряженные быками. Походка индейцев, их согнутые фигуры, тильмы на плечах и ноги, обутые в сандалии,

– все говорило о том, что это мирные индейцы. То были наемные пеоны Карлоса, единственного белого в этой партии и ее предводителя.

Метис, по имени Антонио, был погонщиком мулов, а индейцы – погонщиками быков; каждый вел свою упряжку, направляя быков при помощи длинного стрекала.

Карлос верхом на своем прекрасном вороном коне, закутанный в плотное серапе, ехал впереди, указывая дорогу. Свой нарядный плащ он оставил дома: жаль было брать его в такое долгое и трудное путешествие, а кроме того, индейцы могли польститься на такой великолепный плащ и, не задумываясь, сняли бы с его обладателя скальп. Карлос расстался не

только с плащом, но и с расшитой курткой, алым шарфом и бархатными штанами и теперь был одет гораздо проще.

Карлос многого ждал от этой поездки. Никогда прежде он не брал с собой в прерии столько товаров. Не только три повозки, каждую из которых тащили четыре быка, но и пять выючных мулов были нагружены: в повозках

– хлеб, маис, испанские бобы, чилийский перец; во выюках – серапе, одеяла, грубые шерстяные ткани, коекакие яркие безделушки, несколько испанских ножей с острыми трехгранными лезвиями. Только дерзость и удача в праздничных состязаниях помогли Карлосу запастись таким множеством товаров. У него был золотой, еще два он выиграл, а впридачу молодой скотовод, дон Хуан, чуть не силой навязал ему займы еще пять, чтобы Карлос мог основательнее снарядить свою экспедицию.

Путники благополучно переправились через Пекос и двинулись к высшей точке Льяно Эстакадо – она находится недалеко от Лесного брода. Отлого поднимающееся вверх ущелье привело их на плоскогорье. Перед ними открылась ровная, однообразная прерия – нигде ни кустика, ни рытвины, ни единой черточки, которая служила бы приметой в пути.

Но Карлосу не нужны были путеводные приметы. Он знал Льяно Эстакадо, как ни один человек на свете. Он повернул коня на юго-восток, и караван тронулся. Карлос держал путь в Луизиану, к одному из главных рукавов Ред-Ривер, – он слышал, что в последние годы там бывало много бизонов. Карлос впервые направлялся в эти края; чаще всего он охотился и торговал в Техасе, по верхним притокам Брасоса и Колорадо. Но землями, по которым текли эти реки, теперь окончательно завладели могущественное племя команчей и их союзники – киава, липаны, тонкевы. Индейцам никто не мешал преследовать бизонов, и они не давали своей дичи передышки. Животные стали пугливы, не подпускали человека близко, и стада их заметно поредели.

Не то – в бассейне Ред-Ривер. Это уже вражеская территория. Время от времени здесь охотятся вако, пане, осаджи, изредка тут появляются отряды кикапу, чероки и других племен, кочующих к востоку от Льяно Эстакадо. Подчас дело доходит до кровавых стычек; враждебные племена вынуждены держаться подальше друг от друга, поэтому то одна, то другая сторона упускает охотничий сезон, и бизонов никто не тревожит. Известно, что на нейтральной земле – земле вражды – в изобилии водятся бизоны и всякая другая дичь, и она не так пуглива, как в других местах.

Карлос знал все это, вот почему он и решился снарядить экспедицию к верховьям Ред-Ривер, которая берет начало на востоке Льяно Эстакадо, а вовсе не в Скалистых горах, как показывает карта.

И Карлос и метис Антонио хорошо вооружены для охоты на бизонов; из трех пеонов два тоже искусные охотники. У всех луки, копья – они всего удобнее для этой охоты. Однако в одной из повозок спрятано также и огнестрельное оружие – длинноствольное коричневое ружье американского образца. Карлос хранил его совсем для другой дичи и прекрасно умел с ним обращаться. Но как оно попало в руки мексиканского охотника на бизонов? Вспомните, Карлос по происхождению не мексиканец. Ружье это – семейная реликвия. Оно принадлежало отцу охотника.

Мы не станем следовать по пятам за Карлосом и его караваном, не станем наблюдать за каждым шагом этого удивительного путешествия по пустынной прерии. Однажды охотникам пришлось совершить дневной переход в семьдесят миль по безводной пустыне. Но Карлос не впервые вел караван по местам, где нет ни капли воды, и уже знал, как не потерять при этом ни одного быка или мула.

Он путешествовал так. У последнего водоема давал быкам напиться вволю; под вечер отправлялись в путь и шли до света; затем Карлос делал двухчасовую стоянку, и животные паслись, пока на траве еще лежала роса. Потом снова долгий переход до полудня и снова отдых – три-четыре часа, пока не наступит вечерняя прохлада; тогда партия снова пускается в путь, и лишь к ночи заканчивается этот дневной переход. Еще и сейчас так путешествуют обычно в пустынях Чиуауа, Соноры и в Северной Мексике.

Через несколько дней Карлос со своими спутниками спустился по восточному склону с высокого нагорья и достиг притока Ред-Ривер. Здесь все выглядело совсем по-другому – вокруг расстиралась волнистая прерия. Все линии здесь мягки и плавны; холмы с закругленными вершинами и отлогими склонами переходят в зеленые долины, а по ним струятся и сверкают на солнце прозрачные ручьи. Там и тут вдоль берегов раскинулись рощи – пышно разрослись вечнозеленые дубы, красавицыпеканы с вкусными продолговатыми орешками и серебристые тополя. На пригорках кое-где высятся могучие деревья – они растут поодаль друг от друга, и кажется, что их насадила рука человека. У них раскидистые, пышные кроны, а по светлым перистым листьям и длинным коричневым стручкам, свисающим с ветвей, сразу видно, что это и есть знаменитая американская акация. В низинах, у ручья, виднеется красная шелковица, тут и там цветет нежным сиреневым цветом китайское дерево. И холмы и долины устланы богатым ярко-зеленым ковром невысокой бизоньей травы, и кажется, будто это недавно скошенный луг покрывается новой, молодой зеленью. Чудесные места! Неудивительно, что они стали излюбленным пастбищем бизонов.

Вступив в этот благословенный край, Карлос вскоре напал на след бизонов: всюду попадались протоптанные ими тропы, водопой, деревья с ободранной корой. На следующее утро он оказался посреди огромного стада; бизоны спокойно, как обыкновенные коровы, бродили по полю и не спеша щипали траву. Они были совсем не пугливы и даже не подумали скрыться при его приближении.

Вот он и достиг цели. Это была его огромная, богата ферма, его собственное стадо – да, это стадо принадлежало ему, как всякому другому, – и теперь Карлосу оставалось только бить бизонов и заготавливать впрок мясо и шкуры.

Что же касается торговли с индейцами, то это было еще впереди. Карлос не сомневался, что за время охоты он не раз повстречается с ними.

Как все, кто бродит по прериям, будь то трапперы или индейцы, Карлос живо чувствовал красоту окружающей природы и выбрал живописный уголок для лагеря. То была поросшая густой травой низина, где под сенью пекан, шелковиц, дикого китайского дерева струился чистый, прозрачный ручей.

В теннистой роще Карлос поставил повозки и разбил палатку.

Глава XII

Карлос начал охотиться, и охота его была необыкновенно удачна. В первые два дня он убил не меньше двадцати бизонов и всех их доставил в лагерь. Карлос и Антонио преследовали животных и били их, а два пеона свеживали туши, разрезали их на части и отвозили на стоянку. Тут за дело принимался третий пеон: он вялил мясо – разрезал его на тонкие ломти и сушил их на солнце.

Охота обещала быть прибыльной. Карлос не сомневался, что добудет столько мяса, сколько сможет увезти с собой, и солидный запас шкур. Все это у него быстро раскупят в городах Новой Мексики.

Однако на третий день охотники заметили, что поведение бизонов изменилось: они вдруг стали беспокойны и пугливы. Время от времени мимо во всю прыть проносились огромные стада – казалось, они охвачены страхом или спасаются от преследования. Но это не Карлос с Антонио испугали их. Кто же тогда обратил их в бегство?

Карлос рассудил, что неподалеку охотится какое-нибудь индейское племя. И он оказался прав. Поднявшись на гору, с которой открывалась вся эта живописная долина, он заметил индейский лагерь. Около пятидесяти вигвамов, словно палатки, выстроилось вдоль ручья у самого края долины. Вигвамы были конической формы: поставленные наклонно по кругу жерди сходились, их связывали и полученный таким образом каркас покрывали бизоньими шкурами.

– Это вигвамы вако! – тотчас сказал Карлос: у него был наметанный глаз.

– Откуда вы знаете, хозяин? – спросил Антонио. Он был далеко не так опытен, как

Карлос, который всю жизнь, с самого детства, провел в прериях.

– По вигвамам видно.

– А я думал, это команчи. Я видел такие же вигвамы у «пожирателей бизонов».

– Нет, Антонио, – возразил Карлос. – В вигваме команчей жерди плотно соединены и доверху покрыты шкурами, для дыма не остается выхода. А здесь, видишь, совсем не так. Нет, это вигвамы вако. Правда, они союзники команчей.

Так оно и было. Жерди наверху сходились неплотно, и для дыма оставалось отверстие, поэтому вигвам вако походил на конус, но на усеченный и этим отличался от вигвама команчей.

– Вако не враждуют с нами, – заметил охотник. – Я думаю, нам нечего их опасаться. Уверен, что они будут торговать с нами. Но где же они?

Охотник задавал себе этот вопрос потому, что, оглядывая лагерь, он не увидел там ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни животных – ни одного живого существа. Но это не мог быть покинутый лагерь. Индейцы никогда не бросят такие вигвамы; во всяком случае, они не оставят такие прекрасные шкуры. Нет, они, наверно, где-то по-соседству: должно быть, преследуют бизонов среди больших холмов.

Карлос угадал. Разглядывая сверху лагерь, они услышали громкие крики, и через минуту неподалеку, на холмах, показался большой отряд – несколько сот всадников. Они ехали медленно, но их взмыленные кони тяжело дышали – очевидно, только что они скакали во весь опор. Вскоре за ними появился другой, еще более многочисленный отряд. Тут были лошади и мулы, нагруженные огромными коричневыми вьюками – с бизоньим мясом, завернутым в косматые шкуры. Этот караван вели женщины и мальчики-подростки, а следом бежали собаки и крикливые ребятишки.

Они подходили к лагерю с противоположной стороны, поэтому Карлос и Антонио до поры до времени оставались незамеченными.

Первый отряд индейцев спешил среди вигвамов, и тотчас кто-то острым взглядом разглядел над вершиной холма головы охотников. Раздался предостерегающий клич – и в мгновение ока все уже снова были на конях и в боевой готовности. Двое или трое поскакали ко второму каравану, который еще не успел дойти до лагеря; другие, видимо встревоженные, переезжали с места на место.

Они явно опасались, что к ним подкрались пане, их смертельные враги.

Но Карлос тут же рассеял их опасения. Он дал шпоры коню, выехал на гребень холма и остановился на виду у индейцев. Потом он подал несколько хорошо известных ему знаков, крикнул во весь голос: «Amigo!» – и они успокоились. Вперед выехал молодой индеец и поскакал на холм. Он приблизился как раз настолько, чтоб можно было разговаривать, и остановился; они обьснились отчасти с помощью знаков, отчасти на исковерканном испанском языке и прекрасно поняли друг друга. Индеец поскакал обратно; вскоре он снова вернулся и пригласил охотника и его товарища в лагерь.

Карлос, разумеется, принял это любезное приглашение, и через несколько минут они с Антонио уже ели свежее бизонье мясо и мирно разговаривали с хозяевами.

Вождь – рослый, красивый индеец, – очевидно, обладал всей полнотой власти; он особенно дружелюбно принял Карлоса и очень обрадовался, узнав, что у него много товаров. Он пообещал назавтра же с утра побывать в лагере Карлоса и разрешил своему племени вести с ним торговлю. Как и предполагал охотник, то было благородное племя вако, один из самых благородных народов, населяющих прерии.

Карлос вернулся в свой лагерь в превосходном настроении. Теперь он обменяет свои товары на мулов – так обещал вождь, – а ведь прежде всего за ними он и отправился в прерию.

Утром, как и было условлено, явились индейцы во главе со своим вождем; небольшую низину, где охотник раскинул лагерь, заполнили мужчины, женщины и дети. Тюки были распакованы, товары выложены напоказ, и весь день прошел в оживленной торговле. Карлос убедился в безукоризненной честности своих покупателей, а под вечер, когда они разъехались, весь его товар был распродан без остатка. Зато неподалеку, в долине, паслись на приколе мулы,

не меньше тридцати голов. Все они теперь принадлежали охотнику на бизонов. Не зря потратил он свои восемь золотых!

Они принесут ему доход не только по возвращении домой, они пригодятся и в пути: всех до одного он навьючит бизоньими шкурами и вяленым мясом.

Да, экспедиция оказалась удачной. Карлос размышлял о будущем богатстве, и в душе его вспыхнула надежда, что настанет день, когда он будет вправе просить руки прекрасной Каталины.

Если уж он разбогатеет, даже дон Амбросио, пожалуй, не мечты Карлоса, охотника на бизонов, и ему снились чудесные сны.

Глава XIII

На следующий день он охотился с еще большим пылом. Ведь теперь можно вывезти всю добычу, как бы велика она не была. Нечего опасаться, что придется оставить в прерии шкуры или вяленое мясо. У него теперь тридцать пять мулов, считая и тех, с которыми он сюда пришел, да три повозки – он сможет перевезти солидный груз, на многие сотни долларов.

Ему удалось получить у индейцев даже несколько шкур, которые служили им одеждой. За них он отдавал индейцам все, что им нравилось. Даже пуговицы со своей куртки и с курток своих людей, золотые ленты и сверкающую тесьму с сомбреро – все, что блестело.

Карлос готов был отдать все, только, разумеется, не оружие. Да индейцев оно и не прельщало. У них были почти такие же луки и лассо, и они умели мастерить их сами. Они, конечно, купили бы ружье, но то была память, и Карлос не променял бы его даже на два десятка мулов.

Еще день-два Карлос продолжал охотиться. Он заметил, что с каждым часом бизоны становятся все более беспокойными, пугливыми. Он видел также, что стада их бежали с севера, а ведь вако охотились южнее его лагеря. Нет, животные спасались не от них. Тогда от кого же?

Настала третья ночь после торговли с индейцами; Карлос и его люди уснули. На часах стоял Антонио, а в полночь его должен был сменить один из пеонов.

Метиса клонило ко сну. Он устал от погони за бизонами; ему оставалось стоять на страже еще полчаса, и он из последних сил боролся с одолевавшей его дремотой, как вдруг с той стороны, где паслись мулы, донеслось фыркание.

Антонио мгновенно очнулся. Он приложил ухо к земле и стал слушать. С той стороны снова послышалось фыркание, теперь уже громче, потом – раз за разом – еще и еще...

«Что бы это значило? Койоты? А, может, медведь? Надо будить хозяина», – подумал Антонио.

Неслышно подойдя к спящему Карлосу, Антонио тронул его за плечо. Достаточно было легкого прикосновения – и охотник, схватив ружье, вскочил на ноги. Он всегда брался за это оружие в случае опасности, когда грозило нападение индейцев; луком же он пользовался только на охоте.

Обменявшись несколькими короткими словами, Антонио и Карлос разбудили пеонов, и все пятеро приготовились к бою. Они не выходили из-за повозок, сдвинутых так, что образовалось нечто вроде небольшого треугольного загона. Высокие кузова могли служить надежной защитой от стрел; костра не зажигали, поэтому со стороны лагерь совсем не был замечен. Кроме того, повозки стояли в густой тени шелковиц, которые скрывали лагерь от посторонних взглядов; зато тем, кто прятался за повозками, была хорошо видна прерия, лежащая перед ними. Если бы не рощи, темневшие там и тут, можно было бы окинуть взглядом всю долину

–вверх, вниз, во все стороны. Но в этих рощах могло скрываться немало врагов.

Охотники молча, настороженно прислушивались. На минуту им показалось, что какая-то тень подбирается к табуну мулов, которые паслись на приколе не дальше ста ярдов от повозок. Однако в неверном свете это могло просто померещиться. Что бы это ни была за тень, двигалась она очень медленно, казалось даже, что она почти не меняет места.

Наконец Карлос решился подойти поближе, разглядеть, что это такое. Он вылез из загона и пополз к мулам, за ним – Антонио. Приблизившись к темному предмету, они ясно увидели, что он движется.

– Смотри-ка! Что же это такое? – прошептал охотник.

Тут мулы снова зафыркали, некоторые начали бить землю копытами, словно их кто-то испугал.

– Я думаю, это медведь, продолжал Карлос. – Похоже на то. Он так напугает мулов, что их и не догонишь... Выстрел и тот наделает меньше переполоху.

С этими словами он поднял ружье и, прицелившись, насколько позволяла темнота, спустил курок.

Казалось, выстрел вызвал из ада всех злых духов. Сотня голосов взвыла разом, сотня лошадей застучала копытами по земле; табун пришел в движение; мулы громко кричали и неистово рвались с привязи. Вот они уже разорвали путы и бешеным галопом мчатся вон из низины. А за ними скачут и вопят и погоняют их едва различимые во тьме всадники. Не успел Карлос опомниться от изумления, а мулов и индейцев уже и след простыл.

Мулов как не бывало. Только что здесь пасся целый табун – и вот не осталось ни одного.

– Убежали! – пробормотал Карлос. – Бедные мои мулы... Всех угнали, всех до единого!.. Будь прокляты эти обманщики!

Он нимало не сомневался, что мародерами были вако – те самые индейцы, у которых он купил мулов. Он знал

– такие случаи нередки в прериях; торговцев часто грабят подобным образом, и они уже привыкли к тому, что одного и того же мула приходится покупать дважды у тех же самых индейцев, которые его украли.

– Проклятые обманщики! – с возмущением повторил Карлос. – Вот почему они были такие щедрые и благородные! Это они просто сговорились обокрасть меня, как настоящие трусы. Отнять у меня все в открытую они не смели. Проклятье! Теперь я погиб!

И гнев и горе были в его последних словах.

Охотник и в самом деле оказался в незавидном положении. Все надежды, которые еще недавно вознесли его так высоко, в одну минуту рассыпались в прах. Он лишился всего, что у него было, потерял все, ради чего затеял эту экспедицию. Сколько тягот и опасностей перенес он в пути – и все понапрасну. Он вернется с пустыми руками, еще большим бедняком, чем был, – ведь его собственные пять мулов исчезли вместе с остальными. Быки, верный конь да повозки – вот все, что у него осталось. Этого едва хватало, чтобы погрузить провизию на обратный путь; никакого груза, ни единого тюка со шкурами, никаких запасов мяса сверх того, чем должны прокормиться в дороге он и его спутники.

Все эти мысли промелькнули в голове Карлоса в те короткие минуты, пока он стоял и застывшим взглядом смотрел в ту сторону, куда умчались грабители. Он и не пытался преследовать их. Это было бы не только бесполезно, но и опасно. На своем великолепном коне он мог бы догнать их, но лишь для того, чтобы погибнуть на остриях их копий.

– Проклятые обманщики! – снова повторил он, потом поднялся, пошел назад, к загону, и распорядился подвести быков поближе и крепче привязать их к повозкам: ведь какая-нибудь отставшая группа индейцев может еще раз напасть на них.

Так как спать было небезопасно, Карлос и его спутники больше не ложились и были начеку всю ночь, до рассвета.

Глава XIV

То была для Карлоса печальная ночь, ночь горестных раздумий. Потеряв все, что имел, он оказался среди враждебно настроенных индейцев, которые могли еще передумать и вернуться, чтобы покончить с незадачливыми охотниками. От дома, да и от любого другого поселения белых его отделяли сотни миль, и надо было еще пересечь эту огромную пустыню. Смутно было у него на душе: что ждет его дома? Ведь он лишился всех своих товаров и, вернувшись,

быть может, станет всеобщим посмешищем. И при этом никакой надежды, что потерянное будет возвращено, что возместятся убытки. Правительство, разумеется, не станет снаряжать экспедицию, чтобы отомстить за такого незначительного человека, как он; да испанские солдаты и не доберутся сюда, даже если б захотели. И неужели Вискаarra и Робладо пошлют ради него солдат! Нет, нечего надеяться, что товары будут возвращены. Он жестоко ограблен, и ему остается только примириться с этим. И впереди все так мрачно и безотраднo!

Как только рассветет, он отправится в лагерь вако – он не побоится открыто обвинить их в вероломстве. Да и найдет ли он их на прежней стоянке? Нет, скорее всего, задумывая его ограбить, они перекочевали в другое место.

В ту ночь безумная мысль не раз приходила ему в голову. Потерянного не вернешь, но ведь можно отомстить. У вако есть враги. Некоторые соседние племена враждуют с ними; и Карлос знал, что у них есть могущественный враг – племя пане.

«Судьба моя горька, – думал Карлос, – зато сладка месть! Что, если разыскать пане, сказать им, чего я хочу, отдать в их распоряжение мое копье, лук, мое верное ружье?.. Я никогда не встречался с этим племенем, и я не знаю их, но у меня твердая рука, и теперь, когда я хочу мстить, они не пренебрегут моей помощью. Мои люди пойдут за мной хоть на край света, это я знаю. Правда, они – тагносы, племя невоинственное, но когда их оскорбят, они умеют драться и мстить».

– Да, я разыщу пане!

Последние слова он произнес почти громко, горячо и уверенно. Карлос не привык подолгу раздумывать и колебаться, и теперь его решение было твердо. И не удивительно: с ним поступили так подло и так жестоко, такое печальное будущее ожидало его, если он с пустыми руками вернется домой, так хотелось ему воздать по заслугам тем, кто навлек на него несчастье, да и не совсем угасла надежда вернуть хоть малую часть пропавшего – вот что заставило его решиться на такой шаг. И Карлос принял решение и уже готов был сообщить о нем своим спутникам, но тут Антонио, который был поглощен какими-то своими мыслями, первый заговорил с ним.

– А вы не заметили ничего странного, хозяин? – спросил он.

– Когда, Антонио?

– Когда мулы удрали.

– А что такое?

– Да эти мошенники не все на конях были, добрая половина – пешие.

– Верно, я тоже заметил.

– Так вот, хозяин, я столько раз видел, как команчи гонят табун мустангов, и они всегда были верхами.

– Ну и что же? Тут ведь были вако, а не команчи.

– Да, хозяин. Но я слышал, что вако – все равно как команчи: они настоящие конники и всегда действуют только верхом.

– Да, правда, – в раздумье ответил охотник. – Признаться, тут что-то есть.

– А больше вы ничего не заметили странного, хозяин, во время набега? – продолжал метис.

– Нет, Антонио. Уж больно мне было досадно, да и растерялся я от такой беды. Ничего я не заметил. А что еще?

– Да вот они ведь не только вопили во всю глотку, они еще и гикали так, что хоть уши затыкай, а главное – свистели. Вы разве не слышали?

– Ого! А ты слышал?

– Ясно слышал. И не один раз.

– Где ж были мои уши? – упрекнул себя Карлос.

– А ты уверен, Антонио?

– Не сомневайтесь, хозяин.

Минуто-другую охотник молча, напряженно и сосредоточенно думал и вдруг заговорил, казалось, сам с собой:

– Это, может быть... Это, должно быть.. Да, клнусь! Это...

– Что, хозяин?

– Это свист пане!

– Вот и я так думаю, хозяин. Команчи так никогда не гикают. И киавы – тоже. И я не слыхал, чтобы вако подавали такие сигналы. Может, это пане? Да еще они были пешие. Наверно, это пане.

Мысли Карлоса сразу приняли другой оборот. По всей вероятности, Антонио прав. Свист – сигнал, который отличает пане от всех других племен. Кроме того, появление такого большого отряда пеших мародеров – еще одна особенность. Карлос знал, что южные племена никогда не применяют такую тактику. Пане тоже прирожденные наездники, но в свои набеги на юг они нередко отправляются пешие, надеясь вернуться на конях. Почти всегда так оно и бывает.

«Стало быть, я напрасно обвинял вако, – подумал Карлос. – Грабители не они, а пане! « Но тут новое подозрение шевельнулось в нем. Нет, ограбили все-таки вако. Они нарочно свистели, как пане, чтобы ввести его в заблуждение. Часть их могла спешиться, тем более, что лагерь их близко. И ведь после того, как охваченные паникой мулы сорвались с привязи, индейцы исчезли именно в том направлении.

Пойди он завтра к ним, они, конечно, скажут, что поблизости появились пане и что это они угнали его мулов. Мулов он, конечно, не увидит: они будут надежно спрятаны где-нибудь за холмами.

– Нет, Антонио, – сказал он, обдумав все это. – Наши враги все-таки вако.

– Надеюсь, что вы ошибаетесь, хозяин.

– Я тоже хотел бы надеяться, друг. Еще вчера я их считал друзьями. Мне будет обидно убедиться, что они нам враги... Но боюсь, что это так.

И все же Карлос был не вполне уверен в этом; и пока он размышлял, новый довод в защиту вако пришел ему на ум. Его спутники тоже заметили это обстоятельство.

Все видели, с какой стороны бежали бизоны последние несколько дней. Они пронеслись с севера на юг, и разве их явная тревога не подтверждала близости погони? А ведь вако все время охотились южнее лагеря Карлоса. По-видимому, какие-то другие индейцы охотились на севере. Наверно, это и были пане.

Снова Карлос упрекнул себя в том, что слишком поспешил заподозрить новых друзей. Его мучили сомнения. Быть может, утро разрешит их.

Как только рассветет, он отправится в лагерь вако и разберется во всем или, во всяком случае, поговорит с ними начистоту.

Едва над прерией забрезжил рассвет, Антонио стал испытующим взглядом обшаривать землю во всех направлениях, и вдруг зоркие глаза его заметили в траве какой-то странный предмет. Неподалеку от того места, где еще так недавно паслись мулы, виднелось что-то темное. Может быть, там растет дрок или еще какой-нибудь кустарник? Нет не похоже, не те очертания. Скорее всего, это лежит какое-нибудь животное... быть может, большой волк? Вблизи этого самого места им ночью почудилось что-то живое, во что стрелял Карлос.

Заметив этот странный предмет, Антонио сразу же обратил на него внимание Карлоса, и теперь, в сером предутреннем свете, оба старались разглядеть его.

Светало, очертания предмета становились яснее, и с каждой минутой возрастало любопытство охотников. Они бы уж давно подобрались поближе, но их все еще не оставляло опасение, что индейцы могут вернуться, и они предусмотрительно не выходили из загона.

Но прошло еще немного времени, и они не выдержали: надо же наконец узнать, что там такое! У них уже возникло подозрение, которое им хотелось проверить. Карлос и Антонио перебрались через повозки и направились к загадочному предмету.

Подойдя ближе, они увидели, что это мертвый индеец, и не слишком удивились – пожалуй, именно этого они и ожидали. Он лежал ничком на траве; присмотревшись, они увидели у него в боку рану; из нее вытекло много крови. То был след пули – Карлос не промахнулся.

Они наклонились и перевернули тело, чтобы внимательнее осмотреть. Индеец был в полном боевом уборе: голый по пояс, а лицо и грудь разрисованы так, чтобы враги испугались одного его вида. Но больше всего Карлоса поразила головной убор дикаря. За ушами и на висках волосы тщательно выбриты, на темени коротко подстрижены, и лишь на самой макушке оставлен длинный клок; он заплетен в косу, всю утыканную перьями, и она свисает на спину. Голые виски выкрашены в яркокрасный цвет, так же размазаны и щеки и грудь. Ужасен был вид этого мертвеца: яркие пятна, пламенеющие на землисто-бледной коже, побелевшие губы и стеклянные глаза.

Несколько минут Карлос молча разглядывал его, потом обернулся, выразительно посмотрел на своего спутника и, показывая на бритую голову индейца и на мокасины, в которые он был обут, сказал, явно довольный этим открытием:

– Пане!

Глава XV

Мертвый индеец был, несомненно, из племени пане. Об этом говорили его прическа, форма мокасин и боевая раскраска на теле.

Карлос был рад, что это оказался пане. У него на это были причины. Во-первых его обрадовало, что вако не оказались предателями; во-вторых, то, что он разделался с одним из грабителей; и, наконец, убедившись, что во всем виноваты пане, он вновь обрел надежду вернуть хотя бы часть украденных мулов и сделать это при помощи вако.

В этом не было ничего невероятного. Как уже сказано, вако и пане – заклятые враги. Пусть только вако узнают, что пане где-то поблизости, и они непременно погонятся за ними – в этом Карлос не сомневался. Он со своим маленьким отрядом тоже примет участие в преследовании и, если пане будут разбиты, может быть, вернет своих мулов.

Он хотел сразу же скакать в лагерь вако, известить их, что пане вышли на тропу войны, и уже вместе с ними пуститься на поиски общего врага.

Но тут и он и Антонио вдруг вспомнили: ведь пане умчались в ту сторону, где стояли лагерем вако! До лагеря не больше двух миль, и едва ли пане даже ночью не заметили его. Что, если они застали вако врасплох и сейчас сражаются с ними?

Да, это вполне вероятно, более чем вероятно. Они как раз могли успеть, и время для нападения было самое подходящее. Мулов они угнали еще до полуночи. Они, несомненно были тогда на пути к селению вако и подоспели туда в тот самый час, когда и совершаются обычно набеги и грабежи, – между полуночью и рассветом.

Карлос боялся, что не успеет предупредить вако. Его друзья могли уже погибнуть. Так или иначе, он решил немедленно отправиться в их лагерь.

Наказав Антонио и пеонам охранять и до последней возможности защищать их собственный лагерь, Карлос захватил лук и ружье и поскакал прочь. День еще только занимался, но охотник знал тропу, ведущую в селение вако, и без труда держался ее. Он ехал с осторожностью и еще издали внимательно разглядывал каждую рощу на своем пути и осматривал гребни холмов, каждый подъем, который предстояло одолеть.

Эта осторожность была далеко не лишней. Пане, скорее всего, были где-то неподалеку – возможно, все еще сидели в засаде на полпути между лагерем Карлоса и стоянкой вако или сделали привал среди холмов.

Охотник не слишком опасался встречи с одним или двумя врагами. Он знал – верный конь не подведет, ни одному индейцу не догнать его. Но его могут окружить сразу десятки врагов, и тогда ему не пробраться к вигвамам вако. Вот почему Карлос продвигался вперед с такими предосторожностями.

Он напряженно прислушивался к тишине. Он ловил и мысленно оценивал каждый звук: вот закулдыкал дикий индюк, притаившийся меж ветвей дуба; на сухом бугре хлопнула крыльями куропатка; просвистела лань; тоненько пролаял степной сурок. То были все хорошо известные звуки, и, однако, всякий раз Карлос замирал на месте и чутко прислушивался. При

других обстоятельствах он не обратил бы на них внимания, но он знал, что индейцы мастера подражать животным и птицам, и напрягал слух, стараясь разобраться, подлинные ли это голоса, не подделка ли. Он различал тропу, по которой прошли ночью пане. Судя по многочисленным следам на траве, это был большой отряд. Переезжая через ручей, Карлос заметил отпечатки мокасин на песке. Значит, среди индейцев оставались и пешие, хотя, несомненно, многие теперь скакали на украденных мулах.

И Карлос поехал дальше с еще большими предосторожностями. Он был уже на полпути к селению вако, а следы пане все еще вели в ту же сторону. Разве такие опытные воины могли не заметить лагерь вако? Конечно, не могли. Сперва они, наверно, увидели тропу, ведущую от вигвамов вако в лагерь Карлоса, потом самые вигвамы и, быть может, уже напали на них... быть может...

Размышления охотника были неожиданно прерваны. Какие-то звуки донеслись издалека: устрашающие крики и вопли, непрерывный громкий, но невнятный гул и гомон множества голосов. И из этого шума выделялись то гикание, то радостные крики, то пронзительный свист и разносились далеко по прерии, возвещая о торжестве или, может быть, о мести.

Карлос знал, что означают эти крики и вопли: то был шум сражения, страшного, смертного боя!

Они неслись из-за того самого холма, на который поднимался Карлос.

Пришпорив коня, он доскакал до вершины и поглядел вниз, в долину. Здесь кипел бой.

Все поле кровопролитного сражения открылось перед глазами Карлоса. Шестьсот краснокожих всадников носились по прерии; вот они мчатся навстречу друг другу с копьями наперевес, вот, раз за разом спуская тетиву, издали осыпают противника стрелами, а вот, съехавшись грудь с грудью, схватились врукопашную и пустили в ход смертоносные томагавки. Одни нападают целыми отрядами, с длинными копьями наперевес, другие спасаются бегством, иные, потеряв коня, продолжают сражаться пешими. Некоторые укрылись за группой деревьев и выскакивают оттуда всякий раз, как подвернется удобный случай пустить стрелу или вонзить копьё в спину врагу, и кровавому спору не видно конца.

Не раздалось ни единого выстрела, никто не трубил в рог, не били барабаны, посылая воинов в бой, не слышалось грома орудий, не загорались ракеты, клубы серного дыма не поднимались к небу, но и без этих признаков нельзя было ошибиться: это не воинственный танец – своеобразный турнир прерий, – а настоящее сражение. Дикое гиканье и еще более дикий свист... Бешеные атаки... Свирепые возгласы, крики торжества и мести.. Ржанье коней, оставшихся без седоков... Там и тут поверженные наземь индейцы с багровыми в свете солнца черепами – враги уже сняли с них скальпы... Окровавленные копья и ножи... Да, сомнений быть не могло: здесь шел бой, смертный бой. То сошлись на поле брани вако и пане, и вот они бьются не на жизнь, а на смерть.

Карлос понял это с первого взгляда, а с минуту понаблюдав за битвой, он уже мог отличить воинов одного племени от другого. Пане были в полном боевом уборе, и их нетрудно было узнать по клоку волос на макушке, заплетенному в косу. А среди вако (враги, несомненно, застигли их врасплох) многие оказались в обычной охотничьей одежде – в куртках и кожаных наколенниках. Однако некоторые вако были тоже обнажены, как и противники, но Карлос без труда отличил их от пане по гриве развевающихся волос.

Первое побуждение Карлоса было – скакать вперед и принять участие в битве: разумеется, на стороне вако. Звуки боя возбуждали его, а вид грабителей, которые так недавно разорили его, вызывал у него страстное желание отомстить. Многие пане сейчас скакали на тех самых мулах, которых угнали у него, и Карлос решил отбить хотя бы нескольких.

Он уже готовился пришпорить коня и ринуться в схватку, но на поле боя вдруг все переменялось, и он остался на месте. Пане отступали!

Многие из них поворачивали коней и без оглядки скакали прочь.

И тут, глядя вниз, Карлос увидел, что три воина пане во весь опор скачут прямо к тому месту, где он стоял. Большая часть отряда еще сражалась или рассыпалась по прерии, но эти трое, отрезанные от всех остальных, неслись прямо на него.

Охотник отъехал за деревья, и три всадника, не замечая его, подскакали совсем близко.

В эту минуту у них за спиной раздался боевой клич вако, и Карлос увидел, что их настигают два всадника вако. Беглецы оглянулись и, увидев, что противников только двое, вновь повернули коней и кинулись в бой.

При первой же атаке один из преследователей был убит, и второй, в котором Карлос узнал вождя вако, оказался лицом к лицу с тремя врагами.

Казалось, где-то рядом щелкнул бич – это Карлос спустил курок, и один из пане свалился с коня. Двое других, не зная откуда раздался выстрел, продолжали теснить вражеского вождя; однако, подпустив их ближе, он кинулся на одного из врагов и томагавком раскроил ему череп. Но конь понес вождя дальше, и, прежде чем он успел повернуть, третий пане, искусный воин, настиг его и вонзил ему в спину длинное копье; оно прошло насквозь, острое наконечника выступило на груди. С последним смертным криком благородный индеец упал с коня наземь.

Но в то же мгновение пал и его враг. Стрела, пущенная Карлосом, не успела спасти вождя, зато отомстила за него. Она пронзила пане в тот миг, когда он вонзал копье, и, все еще сжимая рукоять, он свалился на землю одновременно со своей жертвой.

Страшен был вид этих двух тел, распростертых рядом на траве, но Карлос не стал рассматривать их. На другом краю поля все еще яростно сражались, и, пришпорив коня, Карлос поскакал в самую гущу схватки.

Однако пане уже потеряли многих лучших воинов и, охваченные ужасом, обратились в бегство. Карлос гнался за ними вместе с победоносными отрядами вако и то и дело стрелял из ружья по отступающим грабителям. Потом, опасаясь, что какая-нибудь случайная группа может наскочить на его собственный лагерь, он бросил погоню и поскакал туда.

На стоянке все оказалось благополучно. Антонио и пеоны укрывались за повозками, готовые отразить любое нападение. Случалось, отбившиеся от своих индейцы проезжали мимо, но они, видно, были слишком напуганы, и не до того им было, чтобы нападать на охотников.

Убедившись, что тут все в порядке, Карлос снова повернул коня и помчался назад, на поле недавнего боя.

Глава XVI

Приближаясь к тому месту, где пал вождь вако, Карлос услышал многоголосый хор, певший погребальную песнь.

Подъехав еще ближе, он увидел воинов, которые, спешившись, тесным кольцом обступили труп. То было тело павшего вождя. Другие, те, кто дольше гнался за врагом, только съезжались, и каждый, входя в круг, затягивал ту же мрачную песнь.

Охотник тоже спешился и подошел к самому кругу. Одни встречали его удивленными взглядами, но другие, те, которые знали, что он помогал им во время боя, подходили и обменивались с ним рукопожатием. Потом один старый воин, взяв Карлоса за руку, ввел его в круг и молча указал на застывшие черты вождя – он словно сообщал охотнику, что их вождь погиб.

Ни он, ни кто-либо другой из воинов не знал, что и Карлос как-то участвовал в случившемся. Никто из оставшихся в живых не был свидетелем схватки, в которой пал вождь. Со всех сторон поляну обступили высокие деревья, и с прерии она не была видна, а во время этой смертельной схватки бой шел далеко отсюда. Вот почему старик думал, что сообщает Карлосу новость, и тот не произнес ни слова.

Однако Карлос по всему видел, что отважные воины в замешательстве: на земле лежат пять убитых индейцев – и не у одного не снят скальп! Что это может означать? Убиты были три пане и двое вако – вождь и еще один воин. Не могли же они убить друг друга и пасть все разом, в одну и ту же минуту? Нет, так не могло быть. Пане и один из вако лежали поодаль, трое других

– рядом, как их застигла смерть: вождь, пронзенный копьем, и за ним его убийца пане, так и не выпустивший из рук оружия. Вождь все еще сжимал окровавленный томагавк, а зияющая

рана в черепе второго пане показывала, куда этот томагавк опустился в последний раз.

Смысл этой картины был ясен индейцам, тут еще не скрывалось ничего таинственного. Но кто убил убийцу их вождя – вот чего они не могли понять. Пять воинов полегли здесь, но должен быть кто-то еще, кто участвовал в этой смертельной схватке и остался жив.

Будь это пане, разве сбежал бы он, не унеся с собою скальп вождя вако? Ведь такой трофеей прославил бы его на всю жизнь! А если это был вако, так кто же он и куда исчез?

Эти вопросы передавались из уст в уста, и никто не мог на них ответить. Но некоторые воины еще продолжали погоню – быть может, они что-нибудь знают? А пока они не вернулись, над павшим вождем вновь зазвучала погребальная песня.

Наконец все смельчаки собрались и встали вокруг вождя. Один из старых воинов выступил вперед и дал знак, что хочет говорить. Воцарилась мертвая тишина, и он начал:

– Вако! Мы должны бы радоваться, но в сердцах наших печаль. Победа наша омрачена великой бедой. Мы потеряли нашего отца, нашего брата! Наш славный, наш любимый вождь погиб. Горе нам! Смерть настигла его в час торжества, в ту самую минуту, когда могучая рука его раскроила череп врага. В сердцах его воинов печаль, и долго еще она будет жить в сердцах его народа! Вако! Наш вождь отомщен. Убийца лежит у его ног – смертоносная стрела пронзила его и обагрилась его кровью. Кто из вас поразил врага?

И он помедлил, словно ожидая ответа. Но никто не отозвался.

– Вако! – продолжал он. Наш любимый вождь пал, и в сердцах наших печаль. Но нам радостно знать, что он отомщен. Вот он – ненавистный убийца, с него еще не сняли скальп. Кто тот храбрый воин, что заслужил трофеей? Пусть выйдет вперед и возьмет его!

Снова он умолк – и снова никто ни словом, ни движением не отозвался на его призыв.

Вместе со всеми молчал и Карлос. Он не понимал речи воина, ибо тот говорил на языке вако, которого охотник не знал. Он догадывался, что воин говорит о павшем вожде и о его врагах, но точный смысл сказанного был ему неизвестен.

– Братья! – снова начал старый воин. – Храбрый скромн, он молчит о своих подвигах. Лишь храбрый воин мог свершить это. Пусть же храбрец признается, пусть не боится говорить! Вако будут благодарны воину, который отомстил за смерть их любимого вождя.

И опять стало тихо, и лишь голос оратора вновь нарушил молчание.

– Братья воины! – горячо продолжал он, возвысив голос. – Я сказал, что вако будут благодарны. Слушайте же, что я скажу теперь!

Все жестами показали готовность слушать.

– Есть у нас обычай – выбирать вождя из храбрейших воинов нашего племени. Я предлагаю избрать его сейчас же, избрать его здесь – здесь, на поле, обагренном кровью павшего вождя. Я предлагаю: пусть нашим новым вождем станет тот, кто совершил этот подвиг. – И он показал на убитого пане.

– Я за того, кто отомстил убийце вождя! – раздался голос.

– И я! – крикнул еще кто-то.

– И я! И я! – один за другим восклицали воины.

– Тогда торжественно поклянемся, что тот, кому по праву принадлежит этот трофей, – оратор указал на скальп пане, – будет вождем народа вако!

– Торжественно клянемся! – в один голос вскричали воины, стоявшие в кругу, и каждый при этом приложил руку к сердцу.

– Довольно! – сказал старый воин. – Вождь племени вако, отзовись! Объявись своему народу!

Наступила мертвая тишина. Каждый воин пытливо всматривался в лица остальных, все сердца бились, готовые приветствовать нового вождя.

Карлос, не представлявший, какая честь ожидает его, стоял немного поодаль и с интересом наблюдал за своими краснокожими друзьями. Он и не догадывался, о чем взывал старый воин. Однако рядом оказался индеец, знавший по-испански, и он наконец объяснил Карлосу, чего ждут воины. Едва Карлос собрался сделать свое скромное признание, как один из воинов, стоявших в кругу, воскликнул:

– Чего нам еще ждать? Если скромность связывает язык воина, пусть заговорит его оружие. Смотрите, его стрела все еще в теле убийцы. Она меченая. Быть может, она скажет нам имя воина?

– Верно! – воскликнул старый воин. – Спросим стрелу!

И, шагнув вперед, он вытащил стрелу из тела пане и высоко поднял ее.

Все взгляды устремились на наконечник стрелы, и тотчас раздался единодушный крик изумления: наконечник оказался железным! Ни у одного вако никогда не было такого.

И сейчас же все глаза, вопрошающие и восхищенные, обратились к Карлосу, охотнику на бизонов. Все поняли, что это его рука послала смертоносную стрелу; а коекто заметил, что третий пане пал от ружейной пули, и громко объявил о своем открытии. Это окончательно убедило их.

Да, сомнений быть не могло: за их вождя отомстил бледнолицый!

Глава XVII

Карлос, который теперь уже знал, о чем допытывались воины, выступил вперед и с помощью того индейца, который говорил немного по-испански, коротко рассказал, как погиб вождь и какое участие в этой смертельной схватке принимал он сам.

В ответ раздался гул одобрения, и самые пылкие из молодых воинов кинулись к охотнику, стали пожимать ему руку и горячо благодарить. Почти все уже знали, что именно Карлосу они обязаны своим спасением. Ведь выстрел из ружья, раздавшийся в ночи, предостерег вако. Не будь его, пане застали бы лагерь врасплох, и как знать, чем тогда бы кончился этот день? Именно потому, что выстрел был услышан, пане встретили такой отпор, какого никак не ожидали; он-то и погубил их и заставил уцелевших бесславно отступить.

Когда вако увидели, что охотник сражается на их стороне и убивает их врагов, сердца их преисполнились благодарности; а теперь, поняв, что бледнолицый воин еще и отомстил за их любимого вождя, они дали волю своим чувствам, и несколько минут воздух дрожал от восторженных криков.

Когда волнение немного улеглось, вперед снова выступил старый воин. Все относились к нему с величайшим почтением и, как видно, всегда прислушивались к его словам. На сей раз его речь была обращена к Карлосу.

– Белый воин! – сказал он. – Я говорил с храбрыми воинами племени вако. Все они понимают, что многим обязаны тебе, и их благодарность нельзя выразить словами. Тебе объяснили, о чем мы тут только что совещались. Здесь, перед лицом павшего, мы поклялись, что тот, кто отомстил за него, станет нашим вождем. Тогда мы не думали, что этот храбрый воин – наш белый брат. Теперь мы это знаем, но разве из-за этого мы нарушим клятву, изменим своему слову? Нет! Мы не можем и помыслить об этом. Слушай: снова торжественно повторяем мы свою клятву!

– Повторяем клятву! – эхом отозвался круг воинов, и при этом каждый торжественно приложил руку к сердцу.

– Белый воин! – продолжал оратор. – Наше слово священо. Для воина нет выше чести той, какую мы предлагаем тебе. Честь эта по плечу лишь настоящему воину. Слабый, будь он даже и потомком славного вождя, никогда еще не правил отважным народом вако. Мы не боимся предложить эту честь тебе. Мы будем рады, если ты примешь ее. Чужестранец! Мы будем гордиться своим белым вождем, ибо хоть ты и белый, но настоящий воин! Мы знаем тебя лучше, чем ты думаешь. Мы слыхали о тебе от наших союзников, команчей, – мы слыхали о Карлосе, охотнике на бизонов. Мы знаем: ты великий воин, но мы знаем также, что в своем краю, среди белых людей, ты – ничто. Прости нас за прямоту, но разве это неправда? Мы презираем твой народ: ведь твои собратья – или тираны, или рабы. Обо всем этом мы узнали от наших братьев команчей, и они нам еще многое поведали о тебе. Мы знаем, кто ты. Мы узнали тебя, когда ты появился здесь, и были рады тебя увидеть. Мы торговали с тобой как с другом. Теперь мы приветствуем тебя как брата, и мы говорим тебе: если никакие узы не связывают

тебя с твоим неблагодарным народом, войди в семью народа, благодарность которого неизменна. Оставайся с нами, будь нашим вождем!

Когда старик закончил, раздалось как бы многократное эхо: то воины, стоявшие в кругу, один за другим повторили его последние слова, и потом наступила мертвая тишина.

Карлос был так удивлен, что не сразу мог ответить. Его удивила не только необычайная честь, так своеобразно предложенная ему, – его поразило то, как хорошо старый воин осведомлен о его жизни. Он и в самом деле торговал с команчами и поддерживал с ними дружеские отношения, кое-кто из них даже навещался в Сан-Ильдефонсо. Но не странно ли, что дикари разобрались в истинном положении дел? А ведь это истина: среди своего народа Карлос как бы отверженный... Однако сейчас ему некогда было раздумывать над тем, как это все странно и необычайно: воины ждали ответа.

Что же отвечать? Отверженному, лишенному надежд, ему вдруг показалось, что это предложение следует принять. У себя дома он немногим лучше раба, а здесь он будет править – единодушно избранный господин и повелитель.

Хотя вако и называют дикарями, но они воины, у них есть сердце, они человечны, и они настоящие люди. Они уже доказали это. Мать и сестра разделят его судьбу, но Каталина... Мысль о Каталине оборвала все его сомнения, больше он уже не думал.

– Великодушные воины! – заговорил он. – Всем сердцем я чувствую, как велика честь, которую вы оказали мне. Я хотел бы высказать, как глубоко я вам благодарен, но у меня нет таких слов. Поэтому я отвечу вам коротко и откровенно. Да, правда, в своем краю я не в чести, я бедняк из бедняков, но есть узы, связывающие меня с родными местами, – это сердечные узы, и они вынуждают меня вернуться. Я все сказал, воины вако!

– Довольно! – произнес старый воин. – Довольно, храбрый чужестранец! Мы не станем допытываться, почему ты так решил. Если ты и не будешь нашим вождем, ты останешься нашим другом. У нас есть еще одна возможность хоть немного отблагодарить тебя. Ты пострадал от наших врагов, лишился того, что тебе принадлежало, но мы нашли твоих мулов, и они опять твои. И еще просим тебя: наш кров и наше угощение просты, но останься у нас на несколько дней, будь нашим гостем. Согласен?

– Останься! – эхом повторили воины.

И Карлос тотчас принял приглашение.

Неделю спустя около пятидесяти вьючных мулов, нагруженных бизоньими шкурами и вяленным мясом, с трудом поднялись по восточному склону Льяно Эстакадо и направились по этому пустынному плоскогорью на северо-запад. Погонщик, сидящий на одном из мулов, был метис. Быки, погоняемые краснокожими пеонами, тащили вслед за мулами три повозки; колеса так отчаянно скрипели, что пугали даже койотов, которые крались следом, прячась в зарослях акации. Впереди гарцевал всадник на великолепном вороном коне; то и дело он оборачивался и с удовлетворением смотрел назад, на отличный табун мулов. Это был Карлос.

Вако и впрямь оказались щедрым народом. Десятками мулов и их тяжелой поклажей одарило племя того, кто отомстил за убитого вождя. Но это еще не все. На груди охотника, в кармане куртки, лежал мешочек с редким сокровищем – тоже дар вако, и они обещали своему гостю, что не в последний раз вручают ему такой подарок. Что же было в этом мешочке? Монеты, деньги, драгоценные камни? Нет, всего лишь песок, но песок желтый, сверкающий. То было золото!

Глава XVIII

На другой день после праздника в крепости был дан небольшой обед. Были званы лишь несколько холостых приятелей коменданта – местные острословы, в том числе и щеголь Эчевариа. Среди гостей были и священник и отцы миссионеры: оба они все свое внимание отдали пиршественному столу – любой брат францисканец поступил бы также на их месте.

Компания отведала уже немало изделий мексиканской кухни: говядину, жаркое, перец во всех видах, и обед был в той стадии, когда мундиры сняты и вино льется рекой

– и канарио, и херес, и педро дексименес, и мадера, и бордо; для тех, кто любил напитки покрепче, тут были фляжки золотистого каталонского и мараскино. Что и говорить, неплохим винным погребом обладал комендант. Он был здесь не только военным комендантом, но и, как мы уже сказали, сборщиком пошлины – иными словами, исполнял обязанности таможи и, понятно, то и дело получал небольшие подношения в виде корзины шампанского или дюжины бордо.

Гости уже порядком выпили. Священник, несмотря на свой сан, стал таким же человеком, как все; отцы иезуиты забыли про власяницы и четки, и старший из них, отец Хоакин, развлекал гостей пикантными приключениями, героем которых он был, прежде чем стал монахом. Эчевариа рассказывал анекдоты о Париже, о гризетках и о своих многочисленных похождениях.

Испанские офицеры в качестве хозяев были, разумеется, не так болтливы, хотя комендант, тщеславный, словно мальчишка-лейтенант, впервые надевший эполеты, не мог воздержаться и снова и снова вспоминал о своих несчетных победах над красавицами Севильи. Он долго стоял с полком в этом городе апельсиновых рощ и не уставал восхищаться жемчужиной Андалусии.

Робладо отдавал предпочтение красоткам Гаваны и распространялся о той пышной и грубой красоте, какою отличаются кварталонки. Гарсия сообщил о своем пристрастии к маленьким ножкам жительниц Гвадалахары, но не старого испанского города Гвадалахары, а богатой провинции в Мексике, носящей то же имя. Он со своей частью квартировал прежде именно там.

Так говорили они, грубо и непристойно, о том, что требует величайшей деликатности, – о женщинах. Присутствие трех служителей церкви не сдерживало их. Напротив, оба отца иезуита и священник хвастались своими любовными связями так же непристойно и бесстыдно, как другие, ибо все трое были ничуть не безгрешнее остальной компании, собравшейся за столом. В обычной обстановке они еще проявили бы некоторую сдержанность, но здесь, после нескольких бокалов вина, она исчезла бесследно; они ничуть не стеснялись в этой компании, и никто из присутствующих, со своей стороны, нимало не благоговел перед ними. Вся их показная святость и смирение предназначались лишь для наивных крестьян и простодушных пеонов. А за столом то один, то другой из святых отцов изредка принимал благочестивый вид, но только шутки ради, чтобы придать остроту и пикантность рассказу о каком-либо походе. Общий разговор становился все беспорядочнее, и вдруг кто-то назвал имя, заставившее всех умолкнуть. То было имя Карлоса, охотника на бизонов.

Услышав это имя, кое-кто из присутствующих изменился в лице. Робладо нахмурился; было бы нелегко разобраться в смешении чувств, исказивших черты Вискарры; отцам иезуитам и священнику имя охотника, видимо, тоже не доставило удовольствия.

О Карлосе упомянул не кто иной, как Эчевариа:

– Клянусь честью, такой дерзости я еще не видывал даже в республиканском Париже! Какой-то чертов торгаш, ничтожество, которое торгует мясом и шкурами... короче говоря, мясник, убийца этих чертовых бизонов – и вдруг посмел добиваться... Parbleu! Хоть Эчевариа разговаривал по-испански, ругался он всегда по-французски. Так выходило вежливее.

– Неслыханная наглость! Невыносимо! – раздались голоса.

– А по-моему, прекрасная дама не так уж и рассердилась, – заметил грубоватый малый, сидевший в самом конце стола.

Ему стали хором возражать. И громче всех заспорил Робладо.

– Дон Рамон Диас, – обратился он к молодому человеку, – вы просто-напросто ничего не видели. Я стоял рядом с дамой и знаю, что она была возмущена (то была ложь, и Робладо знал это), и ее отец...

– Да, отец-то, конечно! – смеясь, воскликнул дон Рамон. – Все видели, как он обозлился. Это вполне понятно. Ха-ха-ха!

– А кто он такой, этот Карлос? – спросил один из гостей.

– Превосходный наездник, – ответил дон Рамон. – С этим и наш комендант согласится.

Произнося эти дерзкие слова, он с понимающей усмешкой взглянул на Вискарру. Тот

нахмурился в ответ.

– Вы проиграли немало денег, не правда ли? – осведомился у Вискарры священник.

– Только не Карлосу, – ответил комендант, – а тому, второму грубияну. Они, как видно, приятели. Самое скверное, что когда держишь пари с кем-нибудь из простонародья, нет никакой надежды отыгаться в следующий раз. Ведь с ними в обычное время не встречаешься.

– Но кто же он такой? – снова спросил тот же гость.

– Кто? Да просто охотник на бизонов, вот и все.

– Вот как? А разве больше вы о нем ничего не знаете? У него светлые волосы – это очень странно, ведь белокурых мексиканцев не бывает. Он не креол? Может, бискаец?

– Ни то, ни другое. Говорят, он американец.

– Американец?

– Не совсем так: его отец был американец. Но вот падре может рассказать о нем.

Итак, священника попросили развлечь компанию коекакими подробностями из жизни охотника на бизонов. Отец его, как говорили, был американец. Странный человек, неведомо откуда и какими путями забрел он давным-давно в эту долину и тут решил осесть. Подобные случаи были редки в поселениях Новой Мексики. Но еще удивительнее было, что американец был не один: его сопровождала американка, мать Карлоса, та самая старуха, которая привлекла к себе общее внимание в день святого Иоанна. Все попытки святых отцов обратить пришельца или его жену в христианство ни к чему не привели. Старый траппер (отец Карлоса был траппером) умер, как и жил, богохульником, еретиком, и все в городе были убеждены, что его вдова общалась с дьяволом. Это был позор для церкви, и отцы иезуиты уже давно изгнали бы это светловолосое семейство, но старый комендант, предшественник Вискарры, почему-то покровительствовал ему и сдерживал благие намерения рьяных служителей церкви.

– Но, кабальерос, – воскликнул иезуит, взглянув на Вискарру, – подобные еретики опасны! В их душах зреют семена мятежа, угроза общественному порядку. Когда этот светловолосый охотник является домой, он водит компанию лишь с теми, за кем и не уследишь как следует. Его всегда видят с этими подозрительными тагносами, и некоторые из них у него в услужении.

– Вот как, он водится с тагносами? – раздался голоса. – Опасная личность! Надо за ним присматривать.

Потом зашла речь о сестре охотника. Все собеседники более или менее лестно отзывались о ее красоте, и, слушая их, поминутно менялся в лице Вискарра. Этого негодяя разговор занимал куда больше, чем могли предположить гости, и у него давно готов был план действий.

Его слуги и приспешники уже взялись за дело, заботясь о том, чтобы он мог осуществить свои низкие намерения.

Потолковав о сестре охотника на бизонов, компания стала разбирать по косточкам других местных красавиц. Да и о чем им было говорить, если не о женщинах! Неудивительно, что они быстро вернулись к первоначальной теме своей беседы, и под влиянием новых бокалов вина беседа эта стала еще колоритнее.

Кончилось тем, что кое-кто совсем опьянел; час был уже поздний, гости распрощались, и некоторых пришлось даже провожать до дому. Отцам иезуитам и священнику дали в провожатые солдат, так как все трое допились до чертиков, но им это было не впервой.

Глава XIX

Комендант и его приятель Робладо остались одни; заново наполнив стаканы, с сигарами в руках, они продолжали беседу.

– Итак, Робладо, вы и в самом деле думаете, что парню отвечают взаимностью? Я того же мнения, иначе он не решился бы на такую дерзость.

– Теперь я в этом совершенно уверен, – ответил капитан. – Не сомневаюсь, что они виделись наедине вчера вечером. Я подходил к дому Крусес и увидел какого-то человека: он стоял у самой ограды, опираясь на нее, как будто разговаривал с кем-то во дворе. Ято думал,

что это какой-нибудь приятель дона Амбросио. Когда я уже был близко, человек отошел от ограды и вскочил на коня. Он закутался в плащ, лица я не разглядел. Но я узнал коня. Вообразите, это оказался тот самый вороной, который вчера был под охотником на бизонов! Вошел я, спросил, кто из хозяев дома; слуги отвечают, что хозяин на руднике, а сеньорита ушла к себе и сегодня вечером никого не принимает. Черт побери! Я вышел из себя, уж и не помню, что я им там сказал. Прямо невероятно! И все-таки этот нищий втихомолку свел с ней знакомство

– это также верно, как то, что я солдат.

– Да, просто не верится! Что же вы думаете предпринять, Робладо?

– Ну, о ней-то я уж позабочусь! Теперь за ней будут лучше присматривать. Я кое о чем намекну дону Амбросио. Вы ведь знаете мой секрет, полковник! Ее приданое – рудник, – вот что притягивает меня, как магнитом. Но до чего же нелепо, чтобы моим соперником оказался какой-то охотник на бизонов!

Робладо громко расхохотался, но смех его прозвучал фальшиво и невесело. И вдруг новая мысль пришла ему в голову.

– А знаете, ведь наш отец Хоакин не любит семью белоголового, – продолжал он. – Я понял это по его сегодняшним намекам. Если вмешается церковь, мы без особого шума избавимся от этого охотника. Стоит только отцам иезуитам доказать, что он еретик, и они выгонят его из Сан-Ильдефонсо. Верно?

– Да, конечно, – холодно ответил Вискаarra, потягивая вино.

– Но если изгнать этого охотника, дорогой мой Робладо, придется изгнать и еще кое-кого. Вместе с шипами мы выдернем и розу. Вы меня понимаете?

– Вполне.

– А я этого вовсе не желаю, по крайней мере теперь. Немного погодя мы охотно расстанемся и с розой и со всеми ее шипами, кустами, корнями и прочим! – с громким хохотом закончил Вискаarra.

– Да, кстати, полковник, – спросил капитан, – каковы ваши успехи? Были у нее дома?

– Нет, мой дорогой, некогда было. Не забудьте – до ее дома не близко. И вообще я намерен отложить свой визит, пока ее братец не уберется подальше. Будет гораздо удобнее ухаживать за ней в его отсутствие.

– Уберется подальше? Что это значит?

– Да то, что скоро охотник отправится в прерию. Может быть, даже на несколько месяцев. Будет там бить бизонов, надувать индейцев... ну, и прочее в том же роде.

– Ого! Это недурно.

– Как видите, милый друг, нам совершенно незачем спешить. Потерпите – впереди у нас вполне достаточно времени. Я уверен, пока возвратится наш храбрый охотник на бизонов, мы прекрасно успеем обделать наши делишки. Вы завладеете богатыми рудниками, а я...

Тут в дверь негромко постучали, и они услышали голос сержанта Гомеса; он спрашивал, нельзя ли поговорить с комендантом.

– Войдите, сержант! – крикнул полковник.

И в комнату вошел кавалерист с грубым, жестоким лицом; по всему видно было, что он только что соскочил с коня.

– Ну как, сержант? – спросил Вискаarra, когда тот подошел ближе. – Выкладывайте! При капитане Робладо можете говорить все.

– Они живут в самом последнем доме, в том конце долины, полковник; отсюда миль десять, не меньше. Их там только трое: мать, сестра и брат – тот самый, вы его видели на празднике. Слуги у них тагносы, не то трое, не то четверо, они ему помогают на охоте. У него несколько мулов, быков да повозки – вот и все хозяйство. Они ему нужны для охоты. Он и сейчас собирается на охоту – уедет дня через четыре, не позже. Я слыхал, на этот раз он уедет надолго, двинется каким-то новым путем, через Льяно Эстакадо.

– Через Льяно Эстакадо?

– Так мне говорили.

– Что еще, сержант?

– Ничего, полковник. Вот только у девушки есть возлюбленный – тот самый парень, который на празднике бился с вами об заклад, вы еще ему порядком проиграли.

– Ах, черт возьми! – воскликнул Вискаarra, мгновенно помрачнев. – Так вот оно что! Так я и думал. А где он живет?

– Недалеко от них, полковник. У него свое ранчо, и он, говорят, богатый... для скотовода, понятно.

– Налейте-ка себе стаканчик каталонского, сержант.

Кавалерист протянул руку, наклонил бутылку, наполнил стакан и, почтительно поклонившись офицеру, одним духом осушил его.

Потом, поняв, что он больше не нужен, отдал честь и удалился.

– Что же, – сказал полковник, – как видите, ваши дела складываются недурно.

– И ваши тоже, – ответил Робладо.

– Не совсем.

– Почему?

– Не нравится мне этот ее возлюбленный, этот скотовод. У него есть деньги, к тому же он не робкого десятка – пожалуй, доставит мне немало хлопот. Он не из тех, кого можно вызвать на дуэль,

– по крайней мере, мне, при моем положении, это не к лицу. Но он коренной здешний житель, он их поля ягода – не то что охотник, – и все здесь любят его. И раз он тут замешан, дело принимает совсем другой оборот... А впрочем, не все ли равно! Еще не было случая, чтобы я потерпел неудачу. Доброй ночи, капитан!

– Доброй ночи! – ответил Робладо.

И, одновременно поднявшись из-за стола, они разошлись по своим спальням.

Глава XX

Ранчо и асиенды растянулись вдоль реки почти на десять миль от Сан-Ильдефонсо. Ближе к городу их было больше; но чем дальше вниз по течению, тем они попадаются реже и тем беднее их обитатели. Фермеры и скотоводы побогаче боялись воинственных индейцев и предпочитали строиться ближе к крепости. Напротив, бедность заставляла иных быть отважными и селиться у самой границы. И так как вот уже несколько лет никто не нападал на поселение Сан-Ильдефонсо, многие мелкие фермеры и скотоводы обосновались в восьми и даже в десяти милях от города.

В полумиле от всех остальных ранчо стоял одинокий домик – последнее, самое отдаленное от города жилище в этой долине. Казалось, он был расположен за пределами той территории, которую охранял гарнизон, ибо ни один патруль сюда не заглядывал. Хозяева его, видно, верили в судьбу или в милосердие апачей – индейского племени, которое обычно совершало набеги на Сан-Ильдефонсо: дом ничем не был защищен от них. А может быть, его охраняло как раз то, что он был расположен так уединенно, вдали от всех других ранчо.

Он стоял немного в стороне от дороги и не на самом берегу реки, а поодаль, в тени утеса, – казалось, он врос в скалу.

Это бедное жилище, как и все дома в долине, да и почти повсюду в Мексике, было сложено из больших спрессованных и высушенных на солнце глыб глины. У многих лучших построек этого типа фасады белые – значит, где-нибудь рядом есть залежи гипса. В иных домах, где хозяева с большими претензиями, окна кажутся застекленными. Так оно и есть, только вместо стекол вставлены похожие на стекло сверкающие тончайшие пластинки все того же гипса – его употребляют для этой цели в разных уголках Новой Мексики.

Ранчо, о котором идет речь, не украшали ни окна, ни побелка. Оно стояло под нависшим утесом, и его темные стены почти сливались со скалой; окнами служили два отверстия, забранные несколькими деревянными поперечинами; через эти отверстия в дом проникало немного света.

Однако внутри было бы совсем темно, если бы не дверь, обычно открытая настежь.

С дороги, проходящей по долине, дом был едва виден. Путешественник никогда бы его не разглядел, и даже острый глаз индейца мог не заметить его. Необычайная изгородь скрывала его от посторонних взглядов – необычайная, впрочем, для того, кто не свыкся еще с растительностью этого отдаленного уголка земли. Изгородь была из колоннообразных кактусов. Растения эти – точь-в-точь аккуратные рифленые столбики толщиной в шесть дюймов и вышиной от шести до десяти футов. Они стояли рядом, почти вплотную, словно колья в частоколе, да притом ошетинились во все стороны шипами, так что в просветы почти ничего не было видно. В положенный срок вершины этих живых колонн покрывались прекрасными, словно восковыми, цветами, а потом на месте цветов появлялись яркие ароматные плоды.

Лишь пройдя внутрь ограды, можно увидеть маленькое ранчо; и хоть его стены грубы, прелестный огороженный садик, весь в цвету, говорит о том, что здесь есть чья-то заботливая рука. За кактусовой изгородью другая загородка – простая невысокая стена, сложенная из необожженного кирпича, отделяет примыкающую к скале площадку. Это кораль – загон для скота, и одном углу его сооружено нечто вроде небольшого сарая или конюшни. Иногда в этом корале стоят пять или шесть мулов да десятков быков, а в конюшне – великолепный верховой конь. Но сейчас там пусто, никого нет. Конь, мулы, быки ушли вместе со своим хозяином далеко в прерии.

Хозяин их – Карлос, охотник на бизонов. Это и есть его дом; здесь он живет со своей старой матерью и красавицей-сестрой. В этом доме жил он с самого детства.

И, однако, они всегда были чужаками в долине и в городе. Ни испанцы, ни индейцы не признавали их за своих. И те и другие отличались от этой семьи не меньше, чем друг от друга. Иезуит сказал правду: Карлос и его близкие и в самом деле были американцы. Родители его поселились в долине очень давно, никто не знал, откуда они родом; знали только, что пришли они с востока, пересекли Великие Равнины. Они были еретики, и святым отцам так и не удалось присоединить их к своей пастве. Отцы иезуиты давно бы изгнали их или как-нибудь иначе расправились с этой семьей, если бы ей не покровительствовал прежний военный комендант. И к тому же простой народ всегда испытывал перед обоими какой-то суеверный страх. Позднее это чувство полностью обратилось на мать Карлоса и приняло новую форму: ее считали колдуньей, ведьмой и при встрече с ней спешили осенить себя крестным знаменем. Но случалось это не часто, так как она почти не появлялась на людях. На праздник святого Иоанна ее привез Карлос, которому очень хотелось развлечь горячо любимых мать и сестру.

В той отчужденности, которая окружала их, в значительной степени было повинно их американское происхождение. Испано-мексиканцы и англо-американцы подозрительно и недружелюбно относились друг к другу еще задолго до того времени, о котором ведется рассказ. Чувства эти, порожденные национальной враждой, всчески поощряло и разжигало духовенство своими интригами и кознями. Тень предстоящих событий уже нависла над Мексикой; Америка распространила свое влияние и на Флориду и на Луизиану. Смысл происходящего был ясен, разумеется, лишь самым дальновидным, но пагубная страсть – расовая ненависть

– охватила всех.

Все вокруг были предубеждены против семьи охотника на бизонов, и потому она почти не общалась с жителями долины.

Карлос и его родные поддерживали отношения главным образом с местным индейским населением – с бедняками тагносами, которые менее всех были настроены против американцев.

Войдя в жилище Карлоса, мы увидели бы светловолосую Роситу, – сидя на циновке, она тклет шаль. Ее ткацкий станок состоит всего из нескольких деревянных частей грубой работы. Он так примитивен, что его и станком-то не назовешь. И тем не менее длинные синеватые, параллельно натянутые нити, дрожащие при каждом прикосновении ловких пальцев девушки, скоро превратятся в прелестную шаль, которую кокетливо накинет на голову какая-нибудь городская красотка. Ни одна рукодельница в долине не умеет ткать такие шали, как сестра

охотника на бизонов. Как нет среди юношей наездника, равного Карлосу, так никто не сравнится с Роситой в искусстве, которым она добывает средства к существованию.

В домике всего две комнаты – вдвое больше, чем почти во всех таких домишках. Чувство деликатности еще живо в душе сакса, и семья Карлоса жила не совсем на индейский лад.

Кухня занимает комнату побольше, и выглядит она веселее, потому что свет проникает сюда через открытую дверь. Здесь вы увидите небольшой очаг, похожий на алтарь, пять-шесть глиняных горшков, по форме напоминающих урну, несколько чашек и кубков, выдолбленных из тыквы, покатый каменный столик на коротких ножках, который служит для приготовления маисовых лепешек, несколько циновок и бизоньих шкур (на них обычно сидят), мешок маиса, пучки сухих трав, связки красного и зеленого перца, но и только.

Это, пожалуй, единственный дом во всей долине, где ваш глаз не порадуят изображения святых. Здесь и вправду живут еретики.

Но прежде всего остального вы увидите старуху, которая сидит у огня и курит трубку. Странная она, эта старуха, и, уж конечно, судьба у нее тоже странная, но она никому еще не поведала о своем прошлом. Резкие черты исхудалого лица, побелевшие, но все еще пышные волосы, дикий блеск глаз – все необычно в ее облике. Не одним лишь темным, невежественным людям поневоле может почудиться, будто она не такая, как все. Не диво, что жители долины считают ее колдуньей.

Глава XXI

Росита стояла на коленях, и маленький челнок в ее руках проворно сновал по утку. Она пела, пела и нежно и звонко, веселую песенку, которой научила ее мать, песенку, родившуюся в далеких лесах Америки; потом запела старинную романтическую испанскую песню – быть может, это был «Трубадур»; чудесная эта мелодия не потеряла своей прелести, даже в современной песенке «Не любит...», «Трубадур» был любимой балладой Роситы, и, когда она бралась за бандолу и пела под звон ее струн, напоминающий звон гитары, слушатель испытывал истинное наслаждение.

Сейчас она пела, чтобы скоротать время и чтобы работалось легче, и хотя на этот раз она не аккомпанировала себе, ее серебристый голосок и без всякой другой музыки звучал нежно и ясно.

Мать отложила в сторону трубку и, как и Росита, занялась делом. Она пряла пряжу, из которой ткались ткани. Если ткацкий станок Роситы был очень примитивен, то прялка была еще примитивнее – простонапросто быстрое, неумоимо пляшущее веретено. С помощью этой нехитрой механики старая женщина вытягивала и сучила такую ровную нить, что и настоящая прядильная машина не могла бы ее перещеголять.

– Бедный наш Карлос! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... я сделала шесть зарубок – уже шестой день он в пути. Наверно, он сейчас на Льяно Эстакадо, мама. Я надеюсь, что ему повезет и индейцы обойдутся с ним по-хорошему.

– Не тревожься, девочка. Мой храбрый сын взял с собой отцово ружье, и он умеет с ним обращаться. Да, это он умеет. Не тревожься за Карлоса!

– Но ведь он еще никогда не бывал там, мама. Вдруг он повстречается с враждебным племенем?

– Не тревожься, девочка! У Карлоса есть враги пострашнее индейцев... враги пострашнее, и они здесь, рядом с нами. Трусливые рабы! Они ненавидят нас... И здешние испанцы и креолы ненавидят нас... Испанские собаки! Они ненавидят нас за то, что мы саксы.

– Не говори так, мама! Ведь не все они наши враги. У нас есть и друзья.

Росита думала о доне Хуане.

– Немного, очень немного... И они редко навещают нас. Да и что мне до них – ведь у меня есть сын! Разве он не лучший наш друг? Нежное сердце, храброе сердце, сильная рука! Кто сравнится с моим Карлосом? И мальчик любит свою старую мать, странную старую мать... Это все они, пьяницы, думают, что она странная. А все-таки он любит свою старую мать. На что же

ей тогда друзья?

Она громко расхохоталась, и в этом смехе звучало такое торжество, что сразу было видно, как гордится она своим сыном.

– А какой груз повез он, мама! Прежде он никогда не брал так много товаров. И откуда у него столько денег?

Росита в точности не знала, откуда, но в глубине души подозревала, кто именно был тот друг, что ссудил ее брата деньгами.

– Боже мой! – продолжала она. – Если он удачно продаст все эти прекрасные вещи, он будет очень богат. Он пригонит мулов, целый табун. Скорей бы уж он вернулся! Раз, два, три... шесть. Да, только шесть зарубок. А мне так хочется, чтобы это доска уже вся была в зарубках, с обеих сторон... очень хочется!

Говоря это, Росита глядела на узкую кедровую дощечку, висевшую на стене. На дощечке видны были шесть маленьких зарубок. Она заменяла Росите и часы и календарь: каждый день, пока не вернулся Карлос, на ней прибавляется по зарубке, и сестра всегда будет знать, сколько времени прошло с тех пор, как он уехал.

Поглядев минуту-другую на кедровую дощечку и попытавшись представить себе, что зарубок уже не шесть, а семь, Росита оставила это занятие и снова принялась ткать.

А старуха тем временем отложила веретено и сняла крышку с глиняного горшка, который стоял на очаге на небольшом огне. Над горшком поднялось облако пара, и в комнате вкусно запахло: старуха тушила мелко изрубленное вяленое бизонье мясо, крепко приправленное испанским луком и стручками красного перца.

– Жаркое готово, девочка, – сказала она, достав мясо деревянной ложкой и отведав его. – Давай обедать.

– Хорошо, мама, – ответила Росита, вставая из-за своего станка. – Сейчас я приготовлю тортильи.

Тортильи – это лепешки, которые едят только теплыми, – вернее, они вкусны лишь теплые, прямо со сковородки, поэтому их пекут в последнюю минуту, когда уже садятся за стол или даже во время еды.

Росита отодвинула горшок и поставила сковороду на угли. В другом горшке уже сварился маис. Росита сняла его и поставила рядом, на каменный столик, потом с помощью продолговатой, тоже каменной скалки быстро превратила разваренный маис в снежно-белое тесто. Отставила в сторону горшок, отложила скалку и погрузила розовые пальчики в тесто. Взяла ровно столько теста, сколько требовалось на лепешку, скатала из него шар, прихлопнула его ладонями, и получился плоский, не толще вафли, круг. Теперь оставалось только бросить его на горячую сковороду, тотчас перевернуть, еще мгновение – и тортилья готова.

Все это требовало незаурядной ловкости, но Росита все проделала так искусно, что ясно было – она мастерица печь тортильи.

Когда на блюде появилась изрядная стопка лепешек, Росита перестала печь; мать уже разложила жаркое по тарелкам, и обе принялись за еду, не пользуясь при этом ни ножами, ни вилками, на даже ложками. Лепешки были еще теплые, и их можно было согнуть как угодно, они-то и заменяли все эти ухищрения цивилизации, которые в мексиканском ранчо считались совершенно лишними.

Едва они успели покончить со своим скромным обедом, как до их слуха донесся какой-то необычный звук.

– Что это? – воскликнула Росита, вскочив на ноги и прислушиваясь.

Через открытую дверь и окна снова проник в комнату тот же звук.

– Да это труба! – сказала девушка. – Наверно, это пришли солдаты.

Она выглянула в дверь, потом подбежала к изгороди и стала глядеть сквозь щели между зелеными столбиками. Это и в самом деле были солдаты. Невдалеке, по двое в ряд, вниз по долине двигался отряд улан. Блеск их оружия и фляжки на пиках придавали им вид веселый и привлекательный. В ту минуту, когда Росита увидела их, они повернули коней, перестроились и, вытянувшись в одну линию, остановились лицом к изгороди, всего в какой-нибудь сотне

шагов от нее. Ясно было, что они остановились перед ранчо не случайно.

«Что им тут надо? « – сразу же подумала Росита. Отряды улан часто проходили мимо них по долине, но никогда не приближались к дому, который, как уже сказано, стоял в стороне от дороги. Что же привело сюда солдат? Что заставило их свернуть со своего обычного пути?

Не найдя ответа на эти вопросы, Росита побежала в дом и стала спрашивать мать. Но и та ничего не могла ответить ей; тогда девушка вернулась к ограде и опять стала смотреть в щелку.

В это время один из всадников, одетый наряднее других – верно, офицер, – отделился от строя и галопом поскакал к дому. Вот он уже совсем рядом, вот остановил коня у живой изгороди и поверх кактусов заглядывает во двор.

Росита увидела только шляпу с султаном и лицо, но она сразу узнала его. Это был тот самый офицер, который так беззастенчиво смотрел на нее в день святого Иоанна. Перед нею был комендант Вискаarra.

Глава XXII

Офицеру, смотревшему поверх изгороди, прекрасно видна была девушка, стоявшая в маленьком садике среди цветов. Она отступила к двери и скрылась было в доме, но обернулась, чтобы позвать Бизона – огромного волкодава, который яростно лаял и готов был кинуться на незнакомца.

Послушный ее голосу, пес, рыча, побежал в дом. Он был очень недоволен и, как видно, хотел испробовать свои зубы на ногах чужого коня.

– Благодарю вас, прекрасная сеньорита, – сказал офицер. – Вы так добры, что защитили меня от этого свирепого зверя. Хорошо, если бы в этом доме я боялся только его одного.

– Чего же еще вы боитесь, сеньор? – удивилась Росита.

– Ваших глаз, милая девушка. Они куда опаснее, чем острые зубы вашего пса, – они уже ранили меня.

Росита покраснела и отвернулась.

– Кабальеро, – сказала она, – вы, наверно, приехали сюда не для того, чтобы смеяться над бедной девушкой. Могу я спросить, что у вас за дело?

– Никакого дела, прекрасная Росита, просто я хотел увидеть вас... Нет, нет, не уходите! У меня есть дело, есть... Видите ли, у меня в горле пересохло, я хотел напиться. Вы ведь не откажетесь дать мне глоток воды, прекрасная сеньорита?

Теперь он говорил торопливо и сбивчиво, стараясь во что бы то ни стало удержать девушку, которая уже готова была оборвать этот разговор и уйти в дом. Вискаrrу вовсе не мучила жажда, и, уж во всяком случае, он не хотел пить, но закон гостеприимства, конечно, заставит девушку принести воды, а там он, быть может, сумеет добиться и большего.

Ничего не ответив на его лстивые речи, Росита вошла в дом и тотчас вернулась с тыквенной чашей, полной воды. Подойдя к просвету в изгороди, который служил воротами, Росита подала воду Вискаrrе и стала ждать, пока он напьется и вернет чашу.

Не желая показать, что его просьба была только предлогом, комендант через силу сделал несколько глотков, потом выплеснул оставшуюся воду и протянул чашу Росите. Та хотела взять ее, но Вискаrrа продолжал крепко держать чашу и не сводил с Роситы дерзкого, настойчивого взгляда.

– Очаровательная сеньорита, – сказал он наконец, – вы были так добры! Нельзя ли поцеловать вашу прелестную ручку?

– Что такое, сударь? Отдайте, пожалуйста, чашу.

– Нет, сперва я заплачу за питье. Согласны?

И он бросил в чашу золотой.

– Нет, сеньор, я не могу взять деньги. Ведь я просто исполнила свой долг. Мне не нужен ваш золотой, – твердо закончила она.

– Очаровательная Росита! Вы завладели моим сердцем, почему же зоодно не взять и золотой?

– Я вас не понимаю, сеньор. Возьмите, пожалуйста ваши деньги и отдайте чашу.

– Я отдам ее только вместе с золотым.

– Тогда оставьте ее себе, сеньор, – сказала девушка, поворачиваясь, чтобы уйти. – Меня ждет работа.

– Нет, постойте, сеньорита! – воскликнул Вискаarra.

– Не откажите еще в одной любезности. Я хотел попросить огня для сигары. Вот, возьмите чашу! Видите, она пустая. Вы ведь простите меня за то, что я предлагал вам этот золотой?

Вискаarra видел, что девушка оскорблена, и своими извинениями старался успокоить ее.

Росита взяла у него чашу и пошла в дом, чтобы исполнить его просьбу.

Через минуту она вновь появилась, неся на небольшом совке немного жару из очага.

Дойдя до ворот, она с удивлением увидела, что офицер спешился и привязывает коня к столбу.

– Я устал с дороги, – сказал он, когда Росита протянула ему совок. – Солнце так печет! Если позволите, сеньорита, я войду в дом и отдохну немного.

Эта новая просьба была неприятна девушке, но отказать она не могла, и через минуту, звеня шпорами и бряцая саблей, комендант вошел в дом.

Росита следовала за ним, не произнося ни слова. Ни словом не удостоила вошедшего и ее мать – она сидела в своем углу и не обратила на офицера ни малейшего внимания, даже не взглянула в его сторону. Пес, грозно рыча, стал кружить около него, но молодая хозяйка прикрикнула на пса; собака снова улеглась на циновку, но не спускала с незваного гостя злобно сверкавших глаз.

Едва Вискаarra вошел в дом, ему стало не по себе. Он видел, что ему не рады. Росита не произнесла ни единого приветливого слова, и старуха и пес ничем не проявили своего гостеприимства. Наоборот, все заставляло коменданта безошибочно чувствовать, что он здесь нежеланный гость.

Но Вискаarra не привык считаться с чувствами подобных людей. Он не обращал внимания на их приязнь или неприязнь, особенно когда это мешало его удовольствиям; и, закулив сигару, он преспокойно уселся на скамью с полной непринужденностью, как у себя дома.

Некоторое время он молча курил.

Между тем Росита выдвинула ткацкий станок и, опустившись перед ним на колени, принялась за работу, словно в комнате никого чужого и не было.

– О, да как это хорошо придумано! – воскликнул офицер, делая вид, что его очень заинтересовала работа девушки. – Мне давно хотелось взглянуть, как их делают, эти шали... ведь это шаль, правда? Честное слово, очень интересно! Вот, значит, как их ткут. Можете вы сделать ее за день, сеньорита?

– Да, сеньор, – был короткий ответ.

– А эта пряжа бумажная, правда?

– Да, сеньор.

– А какой милый узор! Это вы сами придумали?

– Да, сеньор.

– Я вижу, это настоящее искусство! Хотел бы я понять, как переплетаются эти нити.

Он поднялся со скамейки и, подойдя к станку, опустил на колени.

– В самом деле, до чего хитро придумано! Знаете что, милая Росита, поучите-ка и меня этому делу. Хорошо?

Старуха до этой минуты сидела неподвижно, глядя в землю, но, услышав имя дочери в устах незнакомца, вздрогнула и оглянулась на него.

– Я не шучу, – продолжал он между тем, – ведь это очень полезное искусство! Вы не могли бы меня выучить?

– Нет, сеньор, – последовал односложный ответ.

– Ну что вы! Не такой уж я тупица! Я думаю, что научусь... Кажется, надо только взять вот эту штучку, – он наклонился и положил руку на челнок так, что его пальцы касались

пальцев девушки, – и вот так пропустить ее между нитей... верно?

Но тут, словно охваченный безумной страстью, он, казалось, забылся и, внезапно понизив голос, глядя на залившуюся краской девушку, продолжал:

– Росита, прелесть моя! Я люблю вас... Один поцелуй, прекраснейшая... только один поцелуй!

И прежде чем она успела увернуться, он обнял ее и крепко поцеловал в губы.

Девушка закричала, и в ответ раздался другой крик, громкий, неистовый.

Старуха, которая до этой минуты все еще сидела, согнувшись, в своем углу, вскочила и, как тигрица, кинулась на офицера. Мгновение – и ее длинные, костлявые пальцы вцепились ему в горло.

– Прочь, ведьма, прочь! – закричал он, стараясь вырваться.

– Прочь, говорю! Или я зарублю тебя, проклятая... Прочь, тебе говорят!

Но старуха кричала не переставая и не выпускала его; она хватала его за горло, рвала эполеты и все, что попадало под руку.

Однако еще острее ее когтей оказались клыки громадного волкодава, который тоже сразу вскочил с места и вцепился в ногу офицера так, что тот заорал изо всех сил:

– Пошел вон!.. Эй! Сержант Гомес! На помощь! На помощь!

– Вот тебе, подлый ачупино! – кричала старуха. – Собака! Испанский пес! Зови их, зови своих трусливых слуг!.. Где мой храбрый сын? Зачем умер мой муж? Подлый пес оскорбил наш дом... Будь они здесь, ты не ушел бы живым, собака! Убирайся!.. Убирайся к своим красоткам, к своим девкам! Убирайся вон!..

– Проклятая фурия! Убери этого пса... убери пса!.. Эй вы там! Гомес! Где у вас пистолеты? Пристрелите его! Скорее! Скорее!

Пустив в ход саблю, доблестный комендант наконец-то добрался до своей лошади. Сержант Гомес прикрывал его отступление.

Ноги Вискарры были порядком искусаны, но все же ему удалось кое-как взобраться в седло.

Сержант разрядил оба пистолета, но так и не попал в собаку. Видя численное превосходство врага, пес повернулся и побежал в дом.

Лая больше не было слышно, но когда комендант уже сидел в седле, из дома донесся насмешливый хохот. Такой звонкий, серебристый был этот смех, что комендант сразу понял: это смеется над ним белокурая красавица Росита.

Досаде коменданта не было предела, он с радостью приказал бы своему отряду занять ранчо, он потребовал бы голову этого пса; одно удерживало его – страх, что тогда солдаты узнают причину его позорного бегства. А испытать такое унижение ему вовсе не хотелось.

Итак, он вернулся к своему отряду, отдал команду, и все двинулись в обратный путь, в город.

Вискаarra недолго ехал во главе улан; злоба и разочарование душили его, и, отдав кое-какие распоряжения сержанту, он крупным галопом поскакал вперед.

Вид всадника в синем плаще, который направлялся к дому Роситы (Вискаarra узнал молодого скотовода дона Хуана), разумеется, не мог успокоить разозленного коменданта. Вискаarra не остановился, не заговорил, но, смерив дона Хуана злобным взглядом, продолжал путь.

Он не сбавлял хода и натянул поводья только у ворот крепости.

Лошадь, задыхаясь, тяжело водила боками – ей пришлось расплачиваться за всю горечь и злобу, которые терзали его хозяина.

Глава XXIII

Как только все стихло, Росита выскользнула из дому и поглядела в щель изгороди. Она опять услышала, как затрубил трубач и хотела убедиться, что незваные гости уехали.

С радостью она увидела, что уланы уже довольно далеко и направляются в другой конец

долины.

Она вбежала в дом и сказала об этом матери, которая уже снова сидела в углу и невозмутимо курила свою трубку.

– Подлые негодяи! – воскликнула старуха. – Я так и знала, что они уйдут. Достаточно было старой женщины и собаки... О, был бы здесь мой храбрый Карлос! Он бы проучил этого заносчивого ачупино, показал бы ему, что мы не так уж беспомощны! Ха! Карлос бы ему показал!

– Не думай больше об этом, мамочка. По-моему, они не вернутся. Ты их напугала, ты и наш храбрый Бизон. Какой он молодец!.. Да, но я не посмотрела

– может быть, он ранен, – прибавила она, поспешно оглядывая комнату. – Бизон! Бизон! Сюда, мой славный пес! Иди, у меня кое-что есть для тебя. Храбрый зверь!

Заслышав хорошо знакомый голос, пес вылез из своего убежища и, ласково заглядывая в глаза девушке, запрыгал, завилял хвостом.

Росита наклонилась, запустила руки в мохнатую шерсть и стала ощупывать и осматривать собаку, боясь обнаружить кровавый след пули. К счастью, сержант плохо целился. У пса не оказалось ни единой раны или даже царапины, и, судя по тому, как он прыгал вокруг своей молодой хозяйки, он был в добром здравии и прекрасном расположении духа.

Отличный пес был этот Бизон – одна из тех великолепных овчарок Новой Мексики, которые хоть и сами наполовину волки, но прекрасно охраняют овечьи отары, успешно отбивая нападения не только волков, но и свирепого мексиканского медведя. Нет на свете овчарок лучше новомексиканских, а Бизон был одним из лучших представителей этой породы.

Убедившись, что пес цел и невредим, его хозяйка встала на скамейку и, поднявшись на цыпочки, сняла с гвоздя на стене какой-то странный предмет. Это было похоже на связку каких-то кривых колбас. Но то была не колбаса, хотя по блеску собачьих глаз и радостному повизгиванию было ясно – Бизон прекрасно знает, что это такое, и с его точки зрения оно ничуть не хуже колбасы. Да, Бизона не приходилось посвящать в эту тайну – он знал, что за штука вяленая бизонина. Пес всегда любил высушенное бизонье мясо и, получив кусок, принялся за него с таким усердием, что доказал это как нельзя лучше. Прелестная Росита, все еще немного напуганная, снова подошла к изгороди, чтобы убедиться, что поблизости никого нет.

Но на этот раз тут кто-то был; однако, увидев его, она совсем не испугалась, ничуть не бывало. При виде молодого человека в синем плаще, верхом на коне в богатой сбруе она испытала совсем иное чувство: теперь ее сердце было полно доверия.

Этот молодой всадник был дон Хуан, скотовод. Он подъехал прямо к воротам и, увидев девушку, приветливо, дружески окликнул:

– Добрый день, Росита!

И она также дружески, приветливо отозвалась:

– Добрый день, дон Хуан!

– Как поживает сеньора, ваша матушка?

– Благодарю вас, дон Хуан! Как всегда. – И Росита звонко рассмеялась.

– Над чем это вы смеетесь, Росита? – удивился дон Хуан.

– А вы не видели доблестных солдат? – сквозь смех спросила девушка.

– Как же, видел. Сейчас на дороге я повстречал целый полк улан, они неслись к городу. А комендант ускакал от них вперед. Он несся во весь опор, как будто за ним гнались апачи. Я и вправду подумал, что они встретили индейцев: я ведь знаю – после встречи с этими господами они всегда так улелепывают.

– А как выглядел офицер? Вы ничего такого не заметили?

– Кажется, заметил. Похоже, что он продирался сквозь колючие кусты. А впрочем, я едва успел взглянуть на него – так быстро он проскакал. Зато он на меня очень сердито поглядел! Видно, все не может забыть про свои золотые, – помните, как он мне проиграл в день святого Иоанна? Ха, ха!.. Но, дорогая Росита, что же вы смеетесь? Разве солдаты были здесь? Что-нибудь случилось?

И Росита рассказала ему о посещении коменданта – о том, как он попросил воды напиться и огня, чтобы зажечь сигару, и как вошел в дом, а Бизон кинулся на него и заставил его отступить с позором, как он, искусанный, еле взобрался на коня и поскорей уехал. Однако о самых важных подробностях она умолчала. Она ничего не рассказала ни об оскорбительных речах Вискарры, ни о поцелуе. Она боялась, что, услышав об этом, дон Хуан выйдет из себя. Ведь она знала, как вспыльчив и неосторожен ее возлюбленный. Такие новости он не станет спокойно слушать – он погорячится и еще попадет из-за нее в беду. Вот почему Росита и решила утаить от него истинную причину разыгравшегося скандала. И она рассказывала лишь о забавной стороне случившегося и сама при этом от души смеялась.

Но и то немногое, что узнал дон Хуан, заставило его отнестись к делу гораздо серьезнее. Явился Вискаarra, попросил напиться, потом огня для сигары, заходил в дом... Все это очень странно, но совсем не смешно, думал дон Хуан. И потом на него напала собака, искусала его... И его выгнали из дома, да еще так позорно, да еще на глазах отряда улан!.. Вискаarra, заносчивый хвастун Вискаarra, великий военачальник, герой сотни битв с индейцами, битв, которых на самом деле вовсе и не было,

– и вдруг над ним одержала победу собака! Нет, думал дон Хуан, это совсем не смешно. Вискаarra отомстит, по крайней мере, будет всеми силами этого добиваться.

Еще и другие неприятные мысли одолевали дона Хуан. Что привело коменданта в этот дом? Как отыскал он это жилище, этот прелестный уединенный уголок, казавшийся ему, дону Хуану, центром вселенной? Кто указал ему дорогу? Что заставило улан свернуть с пути, изменить привычный маршрут?

Вот какие вопросы задавал себе дон Хуан. Но спрашивать об этом Роситу – значило бы обнаружить перед нею чувство, которое он предпочитал скрывать: ревность.

Да, в ту минуту его терзала ревность. Ну конечно, Росита дала Вискаarre напиться, зажгла ему сигару... быть может, пригласила его войти. Еще и сейчас она такая веселая и, видно, совсем не сердится на Вискаарру за этот неожиданный визит.

От этих мыслей дону Хуану стало совсем горько, и он не присоединился к веселому смеху своей возлюбленной.

Но стоило Росите пригласить его войти, как его настроение изменилось и он снова стал самим собой. Спешившись, он через садик прошел за Роситой в дом.

Девушка под села к станку и вновь принялась за работу, а молодому человеку разрешено было опуститься на колени рядом с нею и говорить о чем ему вздумается. Она не возражала, когда время от времени он помогал ей расправить уток или рассучить спутавшуюся нить; в этих случаях руки их часто встречались и, кажется, не расставались дольше, чем это было необходимо, чтобы распутать узел.

Но никто ничего этого не замечал. Мать Роситы предалась полуденному сну, а Бизон, если и видел что-нибудь, все равно никому ничего не сказал бы – он лишь вилял хвостом и добродушно поглядывал на дона Хуана, словно всецело одобрял его поведение.

Глава XXIV

Очутившись в своей роскошной квартире, Вискаarra первым делом потребовал вина. Вино подали, и комендант с мрачной решимостью стал пить бокал за бокалом. Он надеялся залить вином свою досаду и на короткий срок преуспел в этом.

Когда выпьешь вина, на душе становится легче, но только на время. Можно напиться пьяным и забыться, но надолго ли? Ревность и зависть пробудятся вновь, и очень скоро – да, еще скорее, чем вы очнетесь от опьянения. Всего вина, сколько его ни выжато из всех гроздей винограда на свете, не хватит, чтобы ревнивицу найти в нем полное забвение.

Сердце Вискарры раздирали страсти. Тут была и любовь – вернее, то чувство, которое называл любовью этот распутник, – и ревность, и гнев, вызванный тем, что с ним так невежливо обошлись, и уязвленное самолюбие: ведь со своими золотыми эполетами и роскошным султаном он считал себя неотразимым; но преобладало над всем горькое

разочарование.

И разочарование это было тем сильнее, что Вискаarra просто не понимал, как же теперь возобновить ухаживанье. Если он опять явится с визитом, придется, пожалуй, вновь пережить такую же неприятность, а то и похуже.

Хоть его и украшают галуны и нашивки, хоть он и важная особа, а светловолосой девушке нет до него никакого дела – это ясно. Она совсем не такая, как те девушки, которых он прежде достаивал своим вниманием, не такая, как все эти темноокие жительницы долины. Ведь любая из них без единого слова, и даже не краснея, взяла бы его золотой – уж наверно, ни одна бы не отказалась!

Да, назад на ранчо теперь ему дороги нет. Так где же встретиться с ней? Где ее увидеть? В городе она показывается редко, не бывает ни на каких увеселениях, разве что когда брат дома. Итак, где же и как увидеть ее? Положение безнадежное, нет никакой возможности исправить первый опрометчивый шаг. Будь эта девушка заключена в монастырь, и то не было бы хуже. Да что и говорить, никакой надежды! Так размышлял Вискаarra.

Но даже мысленно произнося эти слова, он все-таки не верил, что надежды и в самом деле не осталось. Нет, он не намерен сразу отступить! Чтобы он, сердце Вискаarra, не сумел завоевать сердце какой-то полунищей девчонки! Ну нет, он еще не знал неудач

– не узнает и на этот раз! Уже из одного только тщеславия он добивался бы своего, но были и еще причины для того, чтобы страсть его разгорелась. Он натолкнулся на сопротивление, задача оказалась нелегкой

– от всего этого лишь возрастали его энергия и упрямство.

А тут еще ревность – она тоже подхлестывала его самолюбие.

Он ревновал к дону Хуану. Вискаarra заметил его тогда, в день праздника. Он видел юношу в обществе охотника на бизонов и его сестры. Видел, как они разговаривали, выпивали, веселились все вместе. Он уже и тогда ревновал, но это было ничто по сравнению с той ревностью, какая терзала его теперь. Ведь тогда он предвкушал скорую и легкую победу. Тогда у него на душе было спокойно, не то что сейчас – сейчас, когда он потерпел неудачу и в час своего унижения повстречался все с тем же соперником... И тот направлялся к знакомому ранчо. И там его, вне всякого сомнения, радушно встретили, рассказали обо всем, что произошло.. И они вместе хохотали, издеваясь над ним, Вискааррой. И... о дьяволище! Эта мысль была нестерпима.

Но при всем том комендант и не думал отказаться от своих намерений. Уж наверно, есть еще какие-то пути, пусть нечестные, пусть подлые, лишь бы только додуматься... Вискаarra чувствовал, что тут нужен человек, способный рассуждать более хладнокровно. А где Робладо?

– Сержант! Скажите капитану Робладо, что мне надо с ним поговорить.

Капитан Робладо был самым подходящим сообщником в подобных делах. В своем отношении к женщинам оба они были подлецами, но Вискаarra вел себя немного поделикатнее, в благородно-комическом духе. Он был мастер обольщать. Подобно дон Жуану, он становился поклонником каждой хорошенькой женщины и воображал, что его победы вполне законны, тогда как Робладо не брезгал никакими средствами, лишь бы они поскорей привели его к цели. Он готов был действовать и силой, если это выгодно и неопасно. Из них двоих худшим негодяем был, конечно, Робладо.

После того, как, действуя на свой лад, комендант потерпел поражение, он готов был пойти на все, что ему ни посоветует Робладо. И, уж конечно, Робладо мог дать ему совет: ведь этот капитан отлично знал любовную стратегию и тактику как цивилизованных людей, так и диких индейцев.

Случилось так, что и сам Робладо нуждался в совете по сходному делу. Он просил руки прекрасной Каталины, и дон Амбросио дал свое согласие, но, к всеобщему удивлению, сеньорита взбунтовалась. Она не отказалась наотрез выйти за капитана Робладо. Это был бы прямой вызов, и тогда дон Амбросио, пожалуй, немедленно пустил бы в ход всю свою отцовскую власть. Но Каталина просила отца повременить, уверяя, что ей еще рано выходить замуж. Робладо и думать не мог об отсрочке, ему не терпелось разбогатеть. Но дон Амбросио

внял мольбам дочери – именно это и тревожило капитана.

Быть может, под влиянием коменданта дон Амбросио изменит свое решение и поспешит с желанной свадьбой? Поэтому Робладо был рад и счастлив, если бы начальник оказался у него в долгу.

Придя к коменданту, Робладо выслушал подробнейший рассказ обо всем, что произошло.

– Дорогой мой полковник, вы не так взялись за дело. При вашем опыте, при вашем искусстве... я просто поражен! Вы обрушились на них, как орел на голубятню. Так только спугнешь птиц, и тогда они надежно укроются в своем убежище. Вам совершенно незачем было ездить в это их ранчо.

– Но как бы я тогда увиделся с нею?

– У себя дома или где-нибудь в другом месте, это уж как вам угодно.

– Невозможно! Она ни за что не пришла бы!

– По вашему приглашению, конечно, нет – это я знаю.

– Тогда как же?

– Ха! Неужели вы так наивны? Вы что же, никогда не слыхали, что на свете существуют сводни? – И Робладо расхохотался.

– Ах, да, конечно... Но, поверьте, я никогда в них не нуждался.

– Еще бы! Вы, с вашим утонченным стилем, полагаете, что они вообще не нужны. Но теперь вам придется прибегнуть к их помощи. Очень полезная публика, уверяю вас: берегает вам время, избавляет от хлопот, ну и, кроме того, способствует успеху дела. Еще не поздно. Советую вам. Ну, а если и на сей раз вас постигнет неудача, у вас остается еще одно средство...

Не станем дольше прислушиваться к беседе этих негодяев. Достаточно сказать, что они во всех подробностях обсуждали свои мерзкие планы. Больше часа провели они за этим занятием, потягивая вино, пока наконец все не было обдумано и оставалось лишь привести замысел в исполнение.

Он и был приведен в исполнение, но результат оказался совсем не тот, которого они ждали. «Дама», которая выступала в роли сводни, вскоре свела знакомство с Роситой, но ее успех был еще более сомнителен, чем успех самого Вискарры. Нет, его и сомнительным не назовешь – тут как раз не оставалось никаких сомнений, все было ясно.

Как только она дала Росите понять, с какой целью к ней явилась, та обо всем рассказала матери, и царапины, которыми отделался комендант, не могли идти ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю его посланницы. Не взмолилась она о пощаде, ей бы не спастись от разъяренного Бизона.

Она могла бы прибегнуть к помощи закона и отомстить им, но уж такова была ее профессия, что она предпочла молча проглотить обиду.

Глава XXV

– Ну, Робладо, – спросил комендант, что теперь?

– А вы не догадываетесь, мой дорогой полковник?

– Да не совсем, – ответил Вискаarra, хотя он прекрасно знал, что делать. До этого он додумался совсем недавно. Эта мысль пришла ему в голову в день его первого поражения, когда сердце его горело злобой и жадой мести. И потом она возникала снова и снова. А его вопрос был совершенно излишен. Ибо комендант заранее знал, каков будет ответ Робладо: «Действуйте силой».

Так оно и было. Робладо произнес именно эти слова.

– Но как?

– Возьмите нескольких солдат и ночью увезите ее. Что может быть проще? С этой недотрогой надо было с самого начала так действовать. Не бойтесь, никакой беды от этого не будет. Для них это вовсе не так ужасно. Это способ испытанный, я знавал такие случаи. Ручаюсь вам, еще не успеет вернуться охотник, как она уже со всем этим чудно примирится.

– А если нет?

– Ну, если даже нет, чего вам бояться?

– Пойдут толки, сплетни...

– Эка важность! Нет, дорогой полковник, на этот раз вы что-то слишком робки. Правда, вы уже изрядно напортили, но это совсем не значит, что в дальнейшем вы будете действовать также неловко. Увезти ее можно ночью. У вас тут есть комнаты, куда никому не позволено входить. Если надо, можно воспользоваться даже теми... знаете?... где нет окон. Никакой колдун не сможет ничего проведать. Отберите людей, таких, которым вы доверяете. Вам незачем брать весь отряд, а пять-шесть золотых свяжут языки тем, кого вы возьмете с собой. Право, это не труднее, чем украсть рубашку. Украсть рубашонку – только и всего!

И негодяй захохотал, довольный грубым сравнением и еще более грубой шуткой, а комендант вторил ему.

И все же Вискаarra еще не решался прибегнуть к этому крайнему средству. Но вовсе не душевное благородство было тому виной. Хотя он и не был таким же отъявленным подлецом, как Робладо, сейчас его сдерживали отнюдь не соображения порядочности. Вискаarra всю жизнь с холодным равнодушием относился к чувствам тех, кому он причинял зло, это вошло у него в привычку, и колебался он сейчас совсем не потому, что его сколько-нибудь занимало, будет ли потом эта девушка счастлива или глубоко несчастна. Нет, он далек был от этих мыслей. Робладо был прав, когда обвинил его в робости. Полковник в самом деле робел. Он просто-напросто отчаянно трусил.

Он боялся не того, что ему придется понести какое-то наказание. Слишком важной и могущественной персоной он был, а родственники намеченной жертвы слишком незначительны, чтобы стоило опасаться их. Немного дипломатии – и они, совершенно ни в чем не повинные люди, будут осуждены на смерть, и это будет выглядеть как акт правосудия. Нет ничего проще, как состряпать дело об измене, заключить человека в тюрьму и убить, особенно сейчас, когда восстание индейцев и креольская революция угрожают испанскому владычеству в Америке.

По-настоящему Вискаarra боялся лишь толков и сплетен. Такое откровенное похищение недолго удастся держать в секрете. Рано или поздно просочатся какие-то слухи, и, уж конечно, такую скандальную историю сразу подхватят, развоняют на всех перекрестках, весь город будет судачить. Но может случиться и кое-что похуже. Слухи могут выйти за пределы Сан-Ильдефонсо, доехать до главной квартиры, дойти до ушей самого вице-короля! Вот этого и в самом деле боялся комендант.

Не то, чтобы двор вице-короля был в те времена образцом высокой нравственности. Нет, там отнеслись бы довольно снисходительно к любому проявлению деспотизма или разврата, лишь бы все делалось втихомолку. Однако на такой вот грабеж среди бела дня едва ли посмотрели бы сквозь пальцы, хотя бы из чисто политических соображений. Да, у Вискаарры были все основания соблюдать осторожность. Он не верил, что проделку можно сохранить в тайне. Кто-нибудь из мошенников, которые помогут ему похитить девушку, в конце концов, пожалуй, еще предаст его. Правда, то будут его собственные солдаты, и случись что-нибудь, он расправится с ними по своему усмотрению, но что от этого изменится? Ведь это все равно, что запереть конюшню, когда конь уже украден.

И даже если они не предадут его, разве можно надеяться сохранить все в тайне? Прежде всего будет опасен ее разгневанный брат. Правда, сейчас он в отъезде, но зато существует еще и ревнивый поклонник, да и брат когда-нибудь вернется. Все поймут, что похищение – дело рук его, Вискаарры. Его визит, приход сводни, похищение девушки – все это будет сопоставлено и все вместе отнесено на его счет. А у нее такой брат, да и жених тоже, что они не станут молчать о своих подозрениях. Можно бы и избавиться от обоих, но тогда придется идти напролом, а это слишком опасно.

Так рассуждал про себя Вискаarra, то же он доказывал и капитану Робладо. И не потому, что хотел, чтобы капитан разубедил его, нет, но он надеялся, что вдвоем они додумаются до какого-то наименее рискованного средства, ибо цели своей он хотел добиться во что бы то ни стало.

И они нашли то, что искали. Мысль эта, конечно, пришла в голову капитану, который был куда более изобретателен и нагл. Со стуком поставив стакан на стол, он неожиданно воскликнул:

– Придумал, Вискаarra! Ей-Богу, придумал!

– Да ну? Браво!

– Если угодно, можете забавляться с вашей красоткой двадцать четыре часа кряду, и самый злой сплетник ничего худого не заподозрит. По крайней мере, теперь вам нечего бояться. Черт возьми, какая счастливая мысль!.. Как раз то, что нужно!

– Да не томите же, капитан! Что вы надумали? Говорите скорее!

– Погодите, сперва выпью глоток вина. Хитро придумано! Не могу не выпить по этому поводу.

– Тогда пейте, пейте! – воскликнул обрадованный Вискаarra, наливая вино; ему явно не терпелось услышать, что за счастливая мысль осенила его притятеля.

Роблаго залпом осушил бокал и, подсев поближе к коменданту и понизив голос, подробно изложил ему свой новый план. Идея эта, видимо, очень понравилась Вискаarre. Дослушав до конца, он крикнул: «Браво! « – и вскочил с таким видом, словно получил приятнейшую весть.

Радостно возбужденный, он несколько минут шагал из угла в угол, потом громко захохотал.

– Черт побери, да вы настоящий стратег! – воскликнул он. – Сам Великий Конде не додумался бы до такой стратегии! Пресвятая дева! Более мастерского хода и не придумаешь, и я обещаю вам, капитан, – исполнение не заставит себя ждать.

– А зачем откладывать? Почему не взяться за дело сейчас же?

– Верно... Давайте сейчас же и подготовимся к этому приятному маскараду.

Глава XXVI

И тут произошли события, которые, казалось, должны были бы помешать коменданту крепости и его капитану исполнить задуманное. По крайней мере, так можно было предположить. Не прошло и суток после описанного разговора, как в городе и во всей долине разнесся слух о нападении немирных индейцев. Говорили, что индейцы – были ли то апачи, юты или команчи, никто не знал, – показались недалеко от Сан-Ильдефонсо в полном боевом уборе.

Это, вне всякого сомнения, означало, что они могут напасть на любую часть поселения. Потом прошел новый слух, еще более серьезный: индейцы напали на нескольких пастухов на плоскогорье, совсем близко от города; пастухам удалось спастись, но собаки их были убиты, а отары овец угнаны в горы – надежную крепость грабителей.

На сей раз вести были более определенные. Напали индейцы из племени юта, из отряда, который охотился к востоку от реки Пекос. Очевидно, перед тем как возвратиться домой, к верховьям Дель Норте, они решили совершить этот набег, суливший им немалые богатства. Пастухи ясно видели их и по боевой раскраске сразу узнали ютов.

Что на пастухов напали именно юты, было довольно правдоподобно. Совсем недавно они же совершили набег на поселения, расположенные в цветущей долине реки Таос. Юты прослышали о богатствах Сан-Ильдефонсо, вот почему они и напали. А команчи и апачи были в мире с Сан-Ильдефонсо и уже несколько лет ограничивались тем, что опустошали провинции Коагуила и Чиуауа. Жители Сан-Ильдефонсо не давали этим племенам никакого повода нарушить мир, да и индейцы ничем не обнаруживали каких-либо враждебных намерений.

В ночь после того, как похитили овец, был совершен более крупный грабеж. Это случилось уже в самом поселении. Со скотоводческой фермы, расположенной в нижнем конце долины, угнали большое стадо рогатого скота. Пастухи видели, как индейцы угоняют скот, но, испугавшись, были рады унести ноги и спрятались на ферме.

Не было совершено еще ни одного убийства, но лишь потому, что грабителям никто не сопротивлялся. И на дома индейцы еще не нападали. Быть может, то был лишь небольшой

отряд, но как знать

– к нему могут присоединиться другие, и тогда они, пожалуй, отважатся на более дерзкие и опасные действия.

И жителей долины и горожан охватило волнение. Всюду царил ужас. Те, кто жил в ранчо, стоявших на отлете, на ночь покидали свои жилища и искали приюта в городе или в крупных асиендах. С наступлением темноты ворота асиенд запирались, до самого утра по плоской крыше – асоте – расхаживали караульные. Великий страх объял жителей; он был особенно силен потому, что нападение индейцев оказалось полной неожиданностью – ведь долгое время с ними поддерживались хорошие отношения.

Неудивительно, что людьми овладела тревога. У них были все основания для этого. Они прекрасно знали, что жестокость диких воинов во время набега не знает предела: индейцы убивают всех мужчин, щадят одних только молодых женщин, но лишь для того, чтобы увести их с собою и превратить в жалких, несчастных пленниц. Жители Сан-Ильдефонсо хорошо знали все это – ведь в то самое время тысячи их землячек, навсегда потерянных для своих родных и друзей, томились в плену у диких индейцев. Неудивительно, что всюду царили смятение и ужас.

Комендант, по-видимому, был все время настороже. Во главе своих улан он рыскал по окрестностям и делал даже вылазки в горы. Ночью из конца в конец долины разъезжали патрули. Населению было предложено, если нападут индейцы, забаррикадировать двери и не выходить из домов. И все восхищались рвением и энергией своих защитников.

С каждым днем росла слава коменданта. Впервые ему представилась подлинно блестящая возможность показать всем, какой он храбрец, – ведь с тех пор, как он прибыл сюда, индейцы еще ни разу не нападали на Сан-Ильдефонсо. Во времена его предшественника индейцы появлялись здесь несколько раз, и всем памятно, что в этих случаях, вместо того, чтобы преследовать «варваров», войска отсиживались в крепости до тех пор, пока враг не скрывался, угнав из долины весь оказавшийся под рукой скот.

Нет, новый комендант действует совсем иначе. Что за храбрый офицер этот полковник Вискаппа!

Волнение продолжалось несколько дней. Но так как до сих пор индейцы никого не убили, не похитили ни одной женщины и появлялись только ночью, все решили, что, по-видимому, их тут слишком мало, просто какая-нибудь небольшая кучка грабителей. В противном случае они бы уже давно осмелились показаться среди бела дня и вообще причинили бы гораздо больше вреда.

Все это время мать с сестра охотника на бизонов жили, никем не охраняемые, в своем уединенном ранчо, и притом во всей долине вряд ли можно было бы найти семью, которая меньше боялась бы индейцев. На то были причины. Во-первых, сама жизнь научила их почти не обращать внимание на опасность, которая приводила в ужас их менее отважных соседей. Во-вторых, индейцы, как видно, стремились захватить побольше добра, и их вряд ли могла соблазнить такая бедная хижина. Чуть выше по долине немало богатых ранчо. Нет, вряд ли индейцы нападут на таких бедняков.

Имелось и еще одно важное основание для такой уверенности

– это было нечто вроде семейной тайны. Карлос торговал со всеми соседними племенами, был известен индейцам и поддерживал дружбу почти со всеми их вождями. И индейцы хорошо относились к нему: ведь он был американец. А их отношение к американцам в то время и еще много времени спустя было таково, что даже совсем малолюдные партии американских трапперов или торговцев, ничего не опасаясь, проходили по землям апачей и команчей, тогда как эти же самые апачи и команчи постоянно нападали на огромные мексиканские караваны и грабили их без пощады. Лишь много времени спустя эти племена люто возненавидели и саксов, и виноваты в этом были сами белые, которые не раз проявляли варварскую жестокость по отношению к индейцам.

Карлос же, торгуя с индейцами, никогда не забывал о своем маленьком ранчо, о родных, и он всегда уговаривал мать и сестру не бояться индейцев, когда его нет дома, уверяя, что

индейцы не тронут их.

Он не поддерживал дружеских отношений лишь с хикариллами – маленьким, жалким племенем, жившим в горах, к северо-востоку от Санта-Фе. То была одна из ветвей могучего племени апачей, но держались они особняком, и у них было мало общего с великими разбойниками юга – мескалеро и «пожирателями волков».

Вот почему маленькая Росита и ее мать отнеслись к ходившим тогда слухам хоть и не совсем спокойно, но все же с меньшим страхом, чем их соседи.

Их постоянно навещал дон Хуан и снова уговаривал переселиться на время к нему: у него был большой, хорошо укрепленный дом, охраняемый самим хозяином и его многочисленными пеонами. Но мать Роситы только смеялась над его страхами, и Росита, конечно, тоже отказалась принять его предложение – ей это казалось не вполне удобным и приличным.

Приближалась ночь, третья с тех пор, как в долине пошли слухи о появлении индейцев. Мать и дочь оставили станок и веретено и уже собирались улечься на свои постели на земляном полу, как вдруг Бизон вскочил с циновки и, яростно рыча, кинулся к двери.

Рычанье перешло в лай, такой неистовый, что сразу стало ясно – за дверью кто-то чужой. Дверь была закрыта и заперта на засов, но старуха, даже не спросив, кто там, отодвинула засов и отворила дверь.

Едва она показалась на пороге, раздался дикий клич индейцев, и удар тяжелой дубинки опрокинул ее наземь. Несмотря на яростные атаки пса, несколько дикарей в устрашающей боевой окраске и в перьях ворвались в дом, вопя и рамахивая оружием. Не прошло и пяти минут как они вытащили из дома кричащую от ужаса девушку и привязали ее на спину мула.

Захватив с собой то немного, что могло представлять для индейцев хоть какую-нибудь ценность, дикари подожгли ранчо и поспешно усаkali.

Сидя на муле, к которому ее привязали, Росита увидела пламя пожара, а ведь когда похитители выносили ее из дома, она видела мать – неподвижное тело, распростертое на пороге и, казалось, безжизненное. И вот дом в огне, уже и крыша занялась!

– Бедная моя мама! – в отчаянии бормотала девушка. – Господи! Что будет с мамой?..

Почти одновременно с нападением на ранчо Карлоса или чуть позже индейцы появились перед домом дона Хуана; но, покричав и выпустив несколько стрел на асотею и в дверь, они скрылись.

Дон Хуан был полон страха за своих друзей. Как только индейцы отъехали от его фермы, он выскользнул из дому и, надеясь в темноте остаться незамеченным, отправился к хорошо знакомому ранчо.

Отойдя совсем немного, он вдруг увидел пламя пожара, и от этого зрелища кровь застыла у него в жилах.

Он не остановился. Хоть он был и пеший, но вооружен и со всех ног кинулся вперед, решив защитить Роситу или погибнуть.

Через несколько минут он уже стоял перед дверью ранчо и здесь с ужасом увидел бесчувственное тело старухи, ее страшное, мертвенно-бледное лицо, озаренное пламенем горящей крыши.

Огонь пока не подобрался к ней, но еще немного – и она сгорела бы.

Дон Хуан вынес ее в садик и в отчаянии кинулся искать и звать Роситу.

Но она не откликнулась. Лишь треск пламени, вздохи ночного ветра, уханье горной совы да вой койота были ответом на его тревожный зов.

Наконец, когда у дона Хуана не осталось никакой надежды, он вернулся к распростертому телу и опустился подле него на колени, чтобы осмотреть. К его удивлению, старуха была еще жива и, после того, как он смочил ее губы водой, стала понемногу приходить в себя. Страшный удар лишь оглушил ее.

Дон Хуан поднял ее на руки и с тяжелым сердцем отправился хорошо знакомой тропой к своему дому.

Наутро слух о ночном происшествии разнесся по всему СанИльдефонсо, вселяя в сердца людей еще больший ужас. Во главе многочисленного отряда комендант у всех на виду

проскакал через город. После долгих и громких разговоров и бессмысленных разъездов взад и вперед уланы как будто напали на след индейцев.

Но задолго до наступления темноты солдаты вернулись с обычным своим донесением:

– Индейцев догнать не удалось.

Они доложили, что шли по следу до самого Пекоса. Индейцы переправились через реку и двинулись дальше, к Льяно Эстакадо.

Эта последняя новость немного успокоила жителей долины: можно было предположить, что, если индейцы скрылись в этом направлении, грабежу и набегам конец. Они, верно, решили присоединиться к своему племени, которое, как все знали, охотилось где-то в той стороне.

Глава XXVII

Перед вечером Вискаarra со своими разряженными уланами проехал вверх по долине: они возвращались в город после преследования индейцев.

Прошел какой-нибудь час, и на дороге показалась другая кавалькада, запыленная и усталая; она двигалась в том же направлении. Едва ли можно было назвать это кавалькадой: тут были вьючные мулы да быки тащили несколько повозок. Только один человек ехал на лошади; его одежда и весь вид явно показывали, что он – хозяин каравана.

Долгий путь утомил всадника и коня, оба покрыты пылью, но все равно этого всадника узнать нетрудно: это Карлос, охотник на бизонов.

Он уже совсем недалеко от дома. Еще пять миль по этой пыльной дороге – и перед ним откроется дверь его бедного жилища. Еще час – и старая мать, милая сестра кинутся к нему в объятия, и он с нежностью прижмет их к груди.

Какая это будет неожиданность для них! Уж конечно, они не ждали его так скоро.

А как он обрадует их! Ведь ему необыкновенно повезло. Великолепные мулы, богатый груз – да это же настоящее богатство! У Роситы теперь будет новое платье – не из грубой домотканой материи, а шелковое, настоящего привозного шелка, и мантилья, и атласные туфельки, и в следующий праздник она наденет тонкие чулки... Она будет достойной парой его другу дону Хуану. А матушке не придется больше довольствоваться маисовым напитком: она станет пить чай, кофе, шоколад – что ей больше понравится!

Их дом слишком плох и стар, его надо снести и на его месте построить новый... Нет, лучше пускай он будет конюшней для вороного, а новый дом можно построить рядом. После продажи мулов можно будет купить хороший участок земли и наладить все хозяйство.

А что мешает Карлосу стать скотоводом и сдавать землю в аренду или самому использовать ее под пастбище? Это куда более почтенное занятие; тогда он уже не будет последним человеком в Сан-Ильдефонсо. Ничто не сможет помешать ему. Так и надо сделать. Только прежде он еще раз побывает на плоскогорье, навестит своих друзей вако – ведь они обещали... О, их обещание и есть тот краеугольный камень, на котором основаны все его надежды!

Шелковое платье Росите, дорогие напитки старухе-матери, новый дом, пастбище – мечтать об этом так приятно! Но есть у Карлоса еще одна, самая заветная мечта, она затмевает все другие. Если он съездит еще раз в страну вако, он сможет осуществить и эту мечту.

Карлос верил, что единственная преграда, отделяющая его от Каталины, – это его бедность. Ведь и ее отец, строго говоря, не из богачей. Правда, теперь-то он богат, но всего несколько лет назад он был просто бедный рудокоп, не богаче Карлоса. Прежде они были соседями, и в те далекие времена дон Амбросио вовсе не считал, что мальчик Карлос – неподходящее знакомство для маленькой Каталины.

Что же тогда он может иметь против охотника на бизонов, если охотник тоже разбогатеет? «Конечно, ничего, – думал Карлос. – Если доказать ему, что я не беднее его, он согласится отдать за меня Каталину. А почему бы и нет? Мать говорила, что в моих жилах течет такая же кровь, как у любого благородного идальго, ничуть не хуже. И если вако сказали правду, еще одна поездка – и у Карлоса, охотника на бизонов, будет столько же золота, сколько

у владельца рудника дона Амбросио! «Всю обратную дорогу он думал об этом. Каждый день, каждый час строил он свои воздушные замки. Не проходило часа, чтобы он не покупал шелковое платье Росите, чай, кофе, шоколад – матери; он воздвигал новое ранчо, покупал пастбище, показывал отцу Каталины золото и требовал ее руки. Воздушные замки!

Чем ближе к дому, тем ярче, доступнее становились эти радужные видения, и лицо охотника светилось счастьем. Но скоро ужас исказит его черты...

Несколько раз он готов был помчаться вперед, чтобы поскорее насладиться встречей с матерью и сестрой, но он всякий раз сдерживал себя.

– Нет, – шептал он. – Лучше я останусь с мулами. Так будет торжественнее! Мы все выстроимся в ряд перед ранчо. Они подумают, что я приехал с кемто чужим и это ему принадлежат мулы. А когда я скажу, что это все – мое, они вообразят, что я стал настоящим индейцем и вместе со своими отважными слугами совершил набег на южные провинции.

И Карлос засмеялся от удовольствия.

«Росита, сестренка! – думал он. – Теперь-то она выйдет замуж за дона Хуана. Теперь я могу дать свое согласие. Так будет лучше. Он смелый, он сумеет защитить Роситу, когда я опять уеду в прерии. Правда, это будет последняя поездка. Съезжу еще только один раз – и меня будут звать не просто Карлос, охотник на бизонов, но сеньор дон Карлос».

И при мысли, что он станет богачом и его будут называть «дон Карлос», он снова рассмеялся.

«А как странно, что я никого не встретил! – подумал он потом. – На дороге ни души! И ведь совсем не поздно, солнце еще не скрылось за утесом. Куда же делись люди? А на дороге много свежих конских следов... Ха! Здесь побывали солдаты! Совсем недавно проехали вверх по долине... Но ведь не из-за этого же нигде не видно людей. И даже ни одного отставшего солдата! Если бы не эти следы, я бы подумал, что на Сан-Ильдефонсо напали индейцы. Только если бы апачи и вправду тут объявились, наш комендант со своими усачами никогда не посмел бы так далеко отъехать от крепости, знаю я его!.. Нет, это все-таки странно! Ничего не понимаю. Может, сегодня какой-нибудь праздник и все ушли в город? «

– Антонио, друг, ты знаешь все праздники. Сегодня праздник?

– Нет, хозяин.

– Где же весь народ?

– Я и сам не пойму, хозяин. Хоть бы кто навстречу попался...

– Вот и я не понимаю... Может, по соседству появились дикие индейцы? Как ты думаешь?

– Нет, хозяин, глядите! Вот следы улан. Час, как проскакали. Где уланы, там нет индейцев.

Антонио так сказал это и так при этом посмотрел, что Карлос не мог ошибиться в истинном смысле его слов, которые сами по себе можно было бы понять и по-другому. Антонио вовсе не хотел сказать, что если уж уланы тут появились, так индейцы не посмеют сюда сунуться, – совсем наоборот. Не «индейцев нет, потому что появились уланы», но «уланы здесь, потому что индейцы не появлялись», – вот что он хотел сказать.

Карлос понял его и в ответ разразился смехом – он ведь и сам так же думал.

На дороге по-прежнему никто не показывался, и Карлоса это начинало тревожить. Он все еще не думал, что с его близкими могла случиться беда, но это безлюдье наводило на мысль об одиночестве и, казалось, сулило что-то недоброе.

И понемногу печаль закралась в душу Карлоса, завладела ею, и он уже не мог с нею справиться.

Он еще не миновал ни одного ранчо. Как уже говорилось, их дом был самый последний, если ехать вниз по долине. Но ведь жители пасли свои стада еще ниже, и в этот час они обычно гнали скот домой. А сейчас не видно ни скота, ни пастухов.

Луга по обе стороны дороги, на которых обычно паслись стада, пусты. Что бы это могло значить?

И на душе у него становилось как-то беспокойно, тревожно; эта смутная тревога все

росла, пока он не достиг того места, где ему надо было свернуть.

Вот наконец и поворот. Он свернул на дорогу, ведущую к дому, миновал рощицы вечнозеленых дубов – сейчас он увидит свое ранчо.

Карлос невольно осадил коня... и так и застыл в седле; рот его приоткрылся, остановившийся взор был страшен.

Дома не было видно, его скрывала зеленая стена кактусов, но поверх нее он разглядел какую-то зловещую черную линию, а над асотеей курился странный дымок.

– Боже правый! Что это? – воскликнул он прерывающимся голосом, но тут же, не раздумывая, так вонзил шпоры в бока коню, что тот полетел стрелой.

Вот уже расстояние, отделяющее его от изгороди, осталось позади, и, соскочив с коня, охотник кинулся к дому.

Вскоре подошел весь караван. Антонио поспешил за ограду.

Там, между еще не остывших, почерневших от огня стен, полулежал на скамье его хозяин. Кудрявая голова Карлоса поникла; обхватив ее обеими руками, он судорожно стискивал пальцы.

Заслышав шаги, он поднял глаза, но лишь на мгновение.

– Господи! Матушка... сестра!.. – повторял он. Голова его снова поникла, он тяжело, прерывисто дышал. То был час жестоких, нестерпимых страданий: он предчувствовал страшную правду.

Глава XXVIII

Несколько минут Карлос, пораженный страшным ударом, и не пытался стряхнуть оцепенение.

Чья-то рука дружески опустилась на его плечо, и он поднял голову. Над ним склонился дон Хуан.

По лицу дон Хуана было видно, что он страдает не меньше Карлоса. Значит, надеяться не на что. И все же почти автоматически Карлос спросил:

– Мать? Сестра?

– Твоя матушка у меня, – ответил дон Хуан.

– А Росита?

Дон Хуан не ответил, по щекам его катились слезы.

– Ну, дружище, – сказал Карлос, увидав, что дон Хуан не меньше, чем он сам, нуждается в утешении, – не надо так... Я хочу знать самое худшее! Она умерла?

– Нет, нет!.. Надеюсь, она не умерла!

– Ее похитили?

– Увы, да!

– Кто?

– Индейцы!

– Ты уверен, что индейцы?

Когда Карлос это спрашивал, глаза его как-то странно блеснули.

– Совершенно уверен. Я видел их собственными глазами. Твоя матушка...

– Матушка! Что с ней?

– Сейчас она в безопасности. Она встретила дикарей в дверях, ее ударили, и она лишилась чувств и больше ничего не видела.

– А Росита?

– Никто ее не видел. Конечно, индейцы увезли ее.

– Ты уверен, дон Хуан, что это были индейцы?

– Уверен. Они почти в то же время напали на мой дом. Они еще прежде угнали у меня скот, и поэтому один из пеонов остался на страже. Он заметил их еще издали, и мы успели запереться и приготовиться к защите. Они увидели, что мы начеку, и очень скоро ускакали. А я сразу вышел из дому и стал пробираться сюда, потому что очень боялся за твоих. Крыша уже

пылала, твоя матушка без чувств лежала на пороге. А Росита исчезла! Матерь божья, она исчезла!

И он снова заплакал.

– Дон Хуан! – твердо сказал Карлос. – Ты был другом, братом мне и моей семье. Я знаю, ты страдаешь не меньше моего. Не нужно слез! Смотри, мои глаза уже сухи. Больше я не пролью ни слезинки, может, и не усну, пока не освобожу Роситу... или не отомщу за нее. Пора приняться за дело! Расскажи мне все, что известно об этих индейцах... Поскорее, дон Хуан! Я хочу знать все!

Дон Хуан подробно пересказал разные слухи, которые ходили в те три-четыре дня, рассказал и о действиях индейцев: о том, как их впервые увидели на плоскогорье; об их встрече с пастухами и о том, как они угнали овец; об их появлении в долине и нападении на его скот – пострадало как раз его стадо; и потом все дальнейшее, что Карлос уже знал.

Он рассказал Карлосу и о том, как энергично действуют солдаты, как они в то утро шли по следу грабителей, как он со своими людьми хотел присоединиться к солдатам, но комендант не согласился на это.

– Не согласился? – переспросил Карлос.

– Да, он сказал, что мы будем только мешать солдатам. Я думаю, это потому, что он на меня в обиде. Он ведь невзлюбил меня тогда, на празднике.

– Так. Что еще?

– Уланы вернулись недавно, с час назад. Они доложили, что шли по следу до того места, где индейцы переправились через Пекос и двинулись к Льяно Эстакадо. Индейцы, видно, поскакали к Великим Равнинам, так что гнаться за ними дальше было бесполезно. Так говорят солдаты. А люди только счастливы, что дикари исчезли, и теперь не станут ни о чем беспокоиться. Я попробовал собрать отряд, чтоб погнаться за индейцами, но никто не захотел рискнуть. Я уж хотел пуститься в погоню с одними своими пеонами, хоть это и безнадежное дело, но, слава Богу, вернулся ты.

– Дай-то Бог, чтобы не слишком поздно было гнаться за ними по следу. Хотя нет... Ты говоришь, они напали в полночь? Ведь не было ни дождя, ни сильного ветра – след будет свежий, как роса, и если только собака... Да, а где Бизон?

– У меня дома. Утром его не было, мы уж думали, что индейцы его убили или украли, но днем мои люди нашли его здесь, в ранчо. Он был весь в грязи и так изранен копьем, что текла кровь. Видно, индейцы забрали его с собой, но по дороге он удрал.

– Странно, очень странно... Бедная моя Росита! Бедная сестренка! Где ты сейчас? Где?... Увижу ли я тебя когда-нибудь?... Боже мой! Боже мой!

Ненадолго Карлос поддался отчаянию и застыл в прежней безнадежной позе.

Но вдруг он вскочил на ноги и, сжимая кулаки, со сверкающими глазами, закричал:

– Широки просторы прерии и еле заметен след подлых грабителей, но у Карлоса, охотника на бизонов, зоркий глаз! Я найду тебя, найду тебя, хотя бы мне пришлось искать всю жизнь!.. Не бойся, Росита! Не бойся, любимая сестра! Я приду к тебе на помощь! А если тебя обидели, – горе, горе племени, которое сделало это! – Потом, повернувшись к дону Хуану, он сказал: – Уже темно. Сегодня мы ничего не можем сделать. Дон Хуан! Друг мой, мой брат! Веди меня к ней, к моей матери...

В языке, которым говорит горе, есть своя поэзия, и этой поэзией были проникнуты слова охотника на бизонов. Но эта поэтическая вспышка быстро погасла, и он снова вернулся к суровой действительности. Все, что могло способствовать успеху погони, было трезво обсуждено и умело подготовлено. Оружие, снаряжение, конь – Карлос заботился обо всем, чтобы с рассветом можно было двинуться в путь. Кони были приготовлены и для слуг его и дона Хуана, которым предстояло сопровождать их.

На мулов навьючили провизию и все необходимое для долгого путешествия, ибо Карлос решил не возвращаться, пока не сдержит клятву – освободит сестру или отомстит за нее. Он не из тех преследователей, которых пугает малейшее препятствие. Он не собирается возвращаться с докладом, что «индейцев догнать не удалось». Он твердо решил идти по следу грабителей

хоть до края прерий, дойти до самой крепости индейцев, где бы она ни была.

Дон Хуан всем сердцем был с ним, ибо он не меньше Карлоса был заинтересован в исходе погони и горе его было столь же велико.

С ним были два десятка пеонов, все верные тагносы, и хоть война не была их призванием и ремеслом, но сочувствие и искреннее стремление услужить хозяевам, к которым они были очень привязаны, делали их настоящими воинами.

Если только они успеют нагнать похитителей, за исход битвы бояться нечего. Судя по всему, что известно об этой шайке, она невелика и не слишком опасна. Будь иначе, воры не ушли бы из долины, ограничившись такой ничтожной добычей. Если догнать их, прежде чем они присоединятся к своему племени, все может еще кончиться хорошо – их заставят вернуть награбленное и пленницу и, может быть, дорого заплатить за все беды и страдания, которых они были виною. Итак, выиграть время – вот что было важнее всего, и преследователи решили двинуться в путь с первыми лучами рассвета.

Карлос совсем не спал в эту ночь, а дон Хуан лишь изредка на минуту забывался тревожным сном. Оба не раздевались и не ложились. Карлос сидел у постели матери, которая все еще не вполне оправилась от нанесенного ей удара и бредила во сне.

Охотник сидел молча, погруженный в раздумье. Он перебирал в уме всевозможные планы и догадки. К какому племени могла принадлежать эта шайка? Это не апачи и не команчи. И тех и других он встречал, возвращаясь домой. Они держались дружелюбно и ни словом не упоминали о каких-либо столкновениях с жителями СанИльдефонсо. И, кроме того, ни те, ни другие не стали бы действовать такой малочисленной кучкой. Карлос только жалел, что похитители не были ни команчами, ни апачами. Ведь узнай любое из этих племен, что похищенная девушка – его сестра, ему тотчас вернули бы ее, в этом он не сомневался. Но нет – ни те, ни другие не имели к этому отношения. Так кто же? Юты? Дон Хуан говорил, что все в долине уверены в этом. Если так, надежда не потеряна: Карлос торговал с одной из ветвей этого могущественного и воинственного племени. Он даже в дружбе с некоторыми вождями ютов, но сейчас их здесь нет – они пошли войной на северные поселения.

И снова его мысль возвращалась к хикариллам. Это трусливое и жестокое племя, и они ему смертельные враги. Они рады бы завладеть его скальпом. И если сестра попала к хикариллам, горька будет ее участь. При одной мысли, что ждет тогда Роситу, Карлоса пробрала дрожь, и он вскочил, судорожно сжимая руки.

Близилось утро. Пеоны были уже на ногах и при оружии. Оседланные лошади и мулы ждали во дворе, и дон Хуан объявил, что все готово. Карлос подошел к матери проститься. Она знаком попросила его ниже наклониться над постелью. Старуха была еще очень слаба, она потеряла много крови и говорила с трудом, еле слышно.

– Сын мой, – сказала она, когда Карлос нагнулся к ней, – знаешь ли ты, за какими индейцами ты пускаешься в погоню?

– Нет, матушка, – ответил Карлос, – но боюсь, что это хикариллы, наши враги.

– Скажи, они отращивают бороду? Носят они драгоценные перстни?

– Нет, матушка. Почему вы спрашиваете? Вы же знаете, у них нет бороды!.. Бедная матушка, – шепнул он дону Хуану, – после того страшного удара мысли ее путаются.

– Иди же по следу! – продолжала мать Карлоса, не слылавшая его последних слов. – Иди по следу... Может быть, он приведет тебя к... – И она прошептала что-то ему на ухо.

Карлос вздрогнул, точно услышанное поразило его.

– Что?! – сказал он. – Вы так думаете, матушка?

– У меня есть подозрение, только подозрение... Но ты иди по следу, он приведет тебя...

Иди по следу и убедись сам!

– Не сомневайтесь, матушка, уж я проверю.

– Прежде чем уйдешь, обещай одно: не горячись, будь осторожен!

– Не бойтесь, матушка! Я буду осторожен.

– Если это правда...

– Если это правда, я скоро вернусь. Да хранит вас Бог, матушка! Кровь моя кипит... Не

могу больше медлить! Да хранит вас Бог! Прощайте!

Минуту спустя вереница всадников во главе с Карлосом и доном Хуаном выехала из широких ворот и свернула на дорогу, ведущую прочь из долины.

Глава XXIX

Еще не рассвело, когда отряд выехал в путь, но это не значит, что всадники поторопились сверх меры. Карлос знал, что они и в темноте могут следовать по дороге, по которой ехали накануне уланы; а когда они доберутся до места, где те повернули обратно, будет уже достаточно светло.

За пять миль от ранчо дона Хуана дорога разделялась на две: одна вела на юг – по ней накануне вечером приехал Карлос; другая отходила налево и, уже почти не сворачивая, вела к Пекосу, к тому месту, где реку можно было перейти вброд. Отпечатки копыт показывали, что солдаты вчера свернули налево.

Стало совсем светло. По этой наезженной, хорошо знакомой дороге можно было бы пуститься галопом. Но охотник не смотрел на дорогу, на ясные следы копыт,

– он внимательно осматривал землю по обе стороны дороги, и потому приходилось ехать медленнее.

По обочинам дороги, как показывали следы, недавно прошло стадо. Без сомнения, это было стадо, украденное у дона Хуана, голов с полсотни. Карлос сказал, что, судя по следам, стадо прогнали тут два дня назад, и это совпадало с временем, когда были украдены быки дона Хуана.

Вскоре отряд выехал из долины и оказался на равнине, по которой протекает Пекос. Они собирались направиться напрямик к реке, до которой оставалось еще две мили, как вдруг Бизон, бежавший впереди, круто свернул налево. Зоркий глаз Карлоса различил на земле след, по которому пробежала собака. След этот отделялся от тех, что оставили уланы, и шел на север.

И Карлосу и дону Хуану показалось странным, что Бизон повернул в эту сторону: тут не было ни дороги, ни тропы; казалось, собака просто бежит по следу какого-то животного. Может быть, Бизон уже однажды проходил этой дорогой?

Карлос спешил, чтобы осмотреть следы.

– Четыре лошади и мул! – сказал он дону Хуану.

– Две лошади кованы только на передние ноги, две другие и мул совсем не подкованы. На всех были всадники. Мул шел впереди... возможно, с поклажей. Нет! – прибавил он, всмотревшись еще. – Это не вьючный мул!

Чтобы разобраться во всем этом, охотнику не понадобилось и пяти минут. Почти всем его спутникам это казалось просто чудом

– быть может, даже всем, кроме Антонио. И, однако, Карлос не ошибся ни в одной мелочи. Еще несколько минут он тщательно осматривал следы.

– Время совпадает, – опять обратился он к дону Хуану. – Они прошли здесь вчера рано утром, еще роса не высохла. А от твоего дома они ускакали, когда еще не наступила полночь? Ты в этом уверен?

– Уверен, – ответил скотовод. – В полночь я уже вернулся с пожара вместе с твоей матушкой. В этом я вполне уверен.

– Еще один вопрос. Как, по-твоему, дон Хуан, сколько индейцев было тогда у твоего дома? Много? Мало?

– По-моему, немного. За деревьями мы не увидели, сколько. А когда они поднимали крик, слышны были дватри голоса зараз. И по следам похоже, что шайка была совсем маленькая. Может быть, эти самые индейцы и сожгли ваше ранчо, а потом прискакали ко мне. У них было для этого достаточно времени.

– Вот и я думаю, что это те самые, – сказал Карлос, все еще склоняясь над отпечатками копыт. – А это, наверно, и есть их следы.

– По-твоему, это они и есть? – переспросил дон Хуан.

– Да... Смотри-ка! Странно, правда?

И Карлос указал на Бизона, который снова подбежал к ним и скулил: ему явно не терпелось бежать дальше по найденному следу.

– Очень странно, – ответил дон Хуан. – Похоже, что он тут не первый раз.

– Возможно, – сказал Карлос. – Но в этом мы после разберемся. Сперва посмотрим, куда направлялись те храбрые вояки. Я хочу знать это, прежде чем свернуть с большой дороги. В путь, и поскорее!

Они пришпорили лошадей и поскакали по дороге. Охотник, как и прежде, был впереди всех. И, как прежде, он зорко осматривал землю по сторонам, проверяя, не отходит ли от дороги, по которой они едут, еще какой-нибудь след.

Время от времени дорогу, действительно, пересекала случайная тропинка, но видно было, что протоптана она уже давно, а за последнее время ни один всадник не проезжал по ней. И Карлос ехал мимо, не придерживая коня, чтобы осмотреть ее подробнее.

За двадцать минут отряд доскакал до реки Пекос и остановился у брода. Ясно видно было, что и солдаты останавливались здесь и, не перейдя реки, повернули обратно. Но стадо и верховые, сопровождавшие его, двумя днями раньше переправились на тот берег, – так сказал Карлос. Следы их отчетливо виднелись на прибрежном иле.

Карлос поехал по мелководью на другой берег. С первого взгляда он увидел, что здесь не проходил ни один солдат, только стадо в сорок или пятьдесят голов.

Карлос долго и тщательно осматривал не только илистый берег, но и открывающуюся за ним равнину, потом сделал знак дону Хуану и остальным, чтобы они тоже перешли брод.

Когда дон Хуан подъехал к нему, Карлос сказал уверенно:

– Тебе повезло! Ты можешь вернуть свое стадо.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что оно было здесь какие-нибудь сутки назад. Его гонят четверо всадников. За это время стадо не могло уйти далеко.

– А как ты все это узнал?

– Ну, это не так трудно, – спокойно сказал охотник. – У тебя угнали скот люди на тех же лошадх, которые прошли вон там... – Он указал на следы и продолжал: – Очень возможно, что мы найдем все стадо среди тех отрогов. – И Карлос показал на обрывистые края – отроги Льяно Эстакадо, отходящие далеко в долину от крутого, обрывистого края плоскогорья. Отсюда, от брода, до них было миль десять.

– Так что же, поедem туда? – спросил дон Хуан.

Карлос ответил не сразу. Как видно, он еще не решил и мысленно взвешивал, какой путь избрать.

– Да, – медленно и серьезно сказал он наконец. – Лучше проверить все до конца. Может быть, все мои страшные подозрения ошибочны. И она – она тоже могла ошибиться. Оба следа еще могут сойтись.

Все это он говорил почти про себя, и дон Хуан, хоть и слышал его слова, но не понял их. Он уже хотел спросить Карлоса, что это значит, но охотник внезапно пришпорил коня и, дав спутникам знак не отставать, поскакал по следу украденного стада.

Меньше чем через час они доскакали до глубокой лощины. Здесь часть долины, точно залив, далеко вдавалась между выступами высокого плоскогорья. Они въехали в это своеобразное ущелье – и необычайное зрелище представилось им. Все ущелье было полно черных стервятников. Они сотнями сидели на скалистых склонах, парили в воздухе, подсакивали по дну ущелья, хлопая огромными крыльями, точно радуясь чему-то. Были тут и койот, и волк, и медведь гризли; они бродили по ущелью или вступали в драку, хотя драться было не из-за чего – еды с избытком хватало на всех. Несколько десятков полуобглоданных остовов валялось на земле, и, подойдя ближе, дон Хуан и его пастухи узнали остатки собственного стада.

– Говорил я тебе, дон Хуан, – произнес Карлос хриплым от волнения голосом, – но этого я не ожидал. Хитро придумано! Ведь быки могли и выбраться отсюда, вернуться домой, и

тогда... А, подлый негодяй! Матушка была права – это он! Это он!

– Кто, Карлос? О чем ты говоришь? – спросил дон Хуан, озадаченный этими странными, отрывистыми восклицаниями.

– Не спрашивай сейчас, дон Хуан! Скоро я все объясню тебе... Скоро, но не сейчас. Голова моя точно в огне, и сердце... Скоро, скоро! Тайны больше нет. Я знаю все! С самого начала я подозревал... Я видел его тогда, на празднике... Я видел, какими глазами он на нее смотрел, мерзавец!.. А, деспот! Я вырву твое сердце из груди!.. Едем, дон Хуан!.. Антонио! Друзья! За мной! Едем по следу. Он совсем ясный. Я знаю, куда он приведет... Да, я знаю! Вперед!

И, вонзив шпоры в бока своего коня, охотник помчался назад, к броду.

Дон Хуан и остальные спутники, недоумевая, поскакали за ним.

У брода они не остановились. Карлос погнал коня в воду, весь отряд последовал его примеру. Не остановились они и в том месте, где следы поворачивали на север. Бизон кинулся вперед, изредка он подавал голос; всадники скакали за ним по пятам.

Не проехали они и мили, как след круто повернул – теперь он вел к городу!

На лицах дона Хуана и пеонов отразилось удивление, но охотник нимало не удивился. Он-то этого и ждал. Нет, в лице его не было изумления. В нем было нечто другое, нечто гораздо более страшное!

Глаза Карлоса глубоко ушли в глазницы и сверкали, точно грозное пламя пылало в них. Он стиснул зубы, плотно сжал побелевшие губы и, казалось, обдумывал, а быть может, и принял уже какое-то отчаянное решение. Он почти не смотрел на следы, ему уже не надо было отыскивать дорогу. Он хорошо знал, куда едет!

Тропа пересекала топкую низину. Пробираясь по ней, Бизон весь перемазался в рыжей глине. Такая же глина пристала к его косматой шерсти, когда он прибежал накануне.

Дон Хуан сразу обратил на это внимание.

– Пес уже был здесь раньше! – сказал он.

– Знаю, – ответил Карлос. – Знаю... все знаю! Никакой тайны нет осталось. Терпение, друг! Ты тоже все узнаешь, а пока дай мне подумать. У меня ни на что больше нет времени.

След все еще вел к городу. Он не вернулся в долину, а по отлогому склону поднялся на плоскогорье и шел теперь почти параллельно его отвесному краю.

– Хозяин! – сказал Антонио, поравнявшись с Карлосом. – Эти следы не индейских лошадей. Разве что индейцы их украли. Тут были две военные лошади. Я эти следы знаю. И не простые – офицерские, по подковам вижу.

Карлос не проявил ни малейшего удивления, услышав это, и ни слова не ответил метису. Видимо, он был поглощен своими мыслями.

Думая, что хозяин не слышал или не понял его, Антонио вновь повторил то же самое. Тогда Карлос наконец посмотрел в его сторону.

– Дорогой мой Антонио, – сказал он, – ты думаешь, я слеп? Или глуп?

Он сказал это без гнева. Антонио понял и, придерживая коня, опять присоединился к остальным.

Так ехали они то вскачь, то замедляя шаг, чтобы немного передохнули усталые лошади. Так ехали они по следу, и след неуклонно вел к городу.

Наконец они достигли того места, где дорога, извиваясь, спускалась с плоскогорья в долину. По этой извилистой тропе поднимался Карлос в день святого Иоанна, чтобы показать свое искусство наездника. Наверху, в том месте, где начинался спуск, Карлос приказал своему отряду остановиться и в сопровождении одного только дона Хуана подъехал к самому краю выступающего вперед утеса – место это называется Утес загубленной девушки. Именно здесь остановил он тогда коня.

Они подъехали к краю обрыва. Отсюда видны были вся долина и город.

– Видишь вон тот дом? – спросил охотник, показывая на громадное здание, высившееся поодаль от других, на полпути между всадниками и городом.

– Крепость?

- Да, крепость.
- Вижу, а что?
- Она там!

Глава XXX

В эту минуту по асоте шагал взад и вперед какойто человек. Это был не часовой, хотя с обеих сторон асотеи стояло по часовому; они были вооружены карабинами, их головы и плечи виднелись над зубчатыми башнями крепости.

Человек, который расхаживал взад и вперед, был офицер, и та часть асотеи, где он прогуливался, расположенная над офицерскими квартирами, отделялась от остальной крыши стеной такой же высоты, как и весь парапет. Притом это огороженное место было священо – здесь редко раздавались грубые шаги обыкновенных солдат. Это была как бы верхняя палуба крепости.

Офицер был в полной форме, хотя и не при исполнении обязанностей, но по стилю и покрою его мундира с первого взгляда ясно было, что этот вояка – большой франт и любит во всякое время щеголять в полном параде. Он носил свои золотые галуны и пестрый мундир, как павлин – пышное оперение. То и дело он приостанавливался и окидывал взглядом свои лакированные сапоги, проверял, стройны ли у него ноги, или любовался перстнями, которыми были унизаны его белые, холеные пальцы.

При этом он был отнюдь не красавец и не герой, но это не мешало ему воображать себя и тем и другим – Аполлоном и Марсом сразу.

А был он полковником испанской армии, комендантом крепости, ибо офицер этот был не кто иной, как Вискаarra.

Вполне довольный собственной наружностью, он, как видно, был очень недоволен чем-то другим. На лице его лежала тень, которую не могло прогнать даже созерцание собственных лакированных сапог и лилейнобелых рук. Какая-то мысль тяготила его и даже заставляла порою вздрагивать и беспокойно оглядываться по сторонам.

– Да ведь это был только сон, – бормотал он. – И зачем я об этом думаю? Это был только сон.

Произнося эти отрывочные фразы, он смотрел себе под ноги, а когда поднял глаза, случайно взглянул в сторону Утеса загубленной девушки. Впрочем, нет, не случайно: ведь этот утес тоже привиделся ему во сне, и взгляд его следовал за мыслями.

В то мгновение, как взгляд его упал на вершину утеса, Вискаarra вздрогнул, точно увидел перед собою страшный призрак, и невольно ухватился за парапет. Кровь отхлынула от его щек, челюсть отвисла, он быстро, прерывисто дышал.

Что же было причиной такого волнения? Быть может, силуэт далекого всадника на самой вершине утеса, четко вырисовывавшийся в бледном небе? Что в этом зрелище так испугало коменданта? А он был смертельно испуган. Послушаем его.

– Боже мой! Боже мой, это он! Его лошадь... Он !.. Совсем как в моем сне... Это он! Мне страшно смотреть на него! Не могу...

На секунду офицер отвернулся и закрыл лицо руками.

Секунда – и он опять поднял глаза. Не любопытство, но страх заставил его, точно замороженного, снова поглядеть в ту сторону. Всадник исчез. Ни лошади, ни человека – ни единого пятнышка не видно было на фоне неба над обрывом.

– Наверно, мне опять померещилось? – все еще дрожа, спросил себя трус. – Наверно, померещилось... Там никого нет, и уж во всяком случае... Как бы он мог? Он за сотни миль отсюда! Мне просто показалось ! – И он захохотал. – Что это со мной, хотел бы я знать? Тот страшный сон сбил меня с толку. Черт побери! Не буду больше об этом думать!

И он зашагал взад и вперед еще быстрее, чем прежде, воображая, что это отвлечет его от неприятных мыслей. Но всякий раз, поворачиваясь, он невольно смотрел в сторону утеса, пытливо оглядывал весь край обрыва, и в этом взгляде был страх. Но всадник – или призрак –

не появлялся больше, и Вискаarra понемногу начал успокаиваться.

По каменным ступеням застучали шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

Вот показалась голова, плечи, и на асотею шагнул капитан Робладо.

Он и Вискаarra поздоровались, из чего можно было понять, что в этот день они еще не виделись. В сущности, оба только недавно встали. Час был не слишком поздний для светских людей, которые ведь не ложатся спать спозаранку. Робладо только что позавтракал и вышел на асотею, чтобы в свое удовольствие выкурить гавану.

– Да, забавный был маскарад! – расхохотался он, закуривая сигару. – Право слово! Я насилил смысл с себя краску. И охрип после всех этих воплей – за неделю голос не вернется! Ха-ха! Никогда еще девицу не покоряли и не завоевывали столь сложным, романтическим способом! На пастухов напали, овец увели и разогнали на все четыре стороны, быков угнали и перебили, как на бойне, старуху стукнули по голове, дом подпалили... Да еще разъезжали целых три дня взад и вперед, наряжались индейцами, оралы до хрипоты... Столько хлопот – и все ради какой-то простой девчонки, ради дочки отъявленной колдуньи! Ха-ха! Прямо как глава из какой-нибудь восточной сказки... из «Тысячи и одной ночи», скажем. Только вот девицу не спасет никакой волшебник или странствующий рыцарь. – И Робладо снова захохотал.

Его речь разоблачила то, о чем, быть может, читатель уже догадался: что недавний набег «дикарей» был делом рук самих Робладо и Вискаarry, затеянным для того, чтобы тайно похитить сестру охотника на бизонов. «Индейцы», которые угнали овец и быков, напали на асиенду дона Хуана, подожгли ранчо Карлоса и увезли Роситу, – эти «индейцы» были: полковник Вискаarra, капитан Робладо, сержант Гомес и солдат по имени Хосе – еще один подчиненный полковника, доверенный и послушный его слуга.

Их было только четверо – с самого начала предполагалось, что четверых достаточно для осуществления подлого дела. Слухи и страхи, распространившиеся по долине, наделяли четверых силою четырех сотен. Притом, чем меньше посвященных в секрет, тем лучше. Так осторожно и хитро рассудил Робладо.

И действовали они весьма хитроумно. С самого начала и до конца партия была обдумана и разыграна с мастерством, достойным лучшего применения. На пастухов впервые напали наверху, на плоскогорье, чтобы убедительнее прозвучало известие о появлении враждебно настроенных индейцев. Из крепости посланы были солдаты на разведку, жителей призывали к осторожности – все для того же: чтобы больше поразить воображение. И когда после этого угнали быков, никто уже не мог сомневаться, что в долине появились дикие индейцы. Этот грабеж помог участникам гнусного маскарада убить сразу двух зайцев: осуществляя главный свой замысел, они заодно еще и подло отомстили молодому скотоводу.

Загнав его быков в ущелье и перебив их, они тоже преследовали двойную цель. Прежде всего они рады были нанести ему ущерб, но главное – они боялись, что, если оставить скот на произвол судьбы, он может найти дорогу назад, на ферму. А если бы вернулись быки, будто бы украденные индейцами, это вызвало бы подозрения. Теперь же они надеялись, что задолго до того, как кто-нибудь случайно наткнется на место бойни, волки и стервятники сделают свое дело, и догадки придется строить на одних костях. Это было всего вероятнее. Ведь пока длится тревога, вызванная нападением индейцев, вряд ли кто-нибудь отважится заглянуть в эти места. Тут нет ни жилья, ни дороги, тут проезжают изредка одни индейцы.

Даже когда дело дошло до развязки и жертву наконец похитили, ее не повезли прямо в крепость: ведь даже и ее надо было ввести в заблуждение. И вот ее, связанную, посадили на мула, которого погонял один из негодяев, и предоставили ей смотреть, какой дорогой они едут, вплоть до того места, где надо было свернуть к городу. Здесь ей завязали глаза кожаным поясом и так привезли в крепость, и, разумеется, она не знала, далеко ли ее завезли и что это за место, где ей позволили наконец отдохнуть.

Каждый акт дьявольской драмы был задуман столь тонко и разыгран столь искусно, что это делало честь если не сердцу, то уму капитана Робладо. Он же был и главным актером во всем этом представлении.

Вискаарру на первых порах одолевали кое-какие сомнения; не совесть удерживала его, а

собственная неумелость и боязнь разоблачения. Ведь это могло серьезно повредить ему. Если раскроется такой злодейский умысел, весть о нем мгновенно облетит всю страну. И тогда он погиб.

Красноречие Роблаго, вдохновляемое его низкими намерениями, взяло верх над слабым сопротивлением начальника; а раз согласившись на эту затею, он и сам находил все это очень увлекательным и забавным. Шутовские воззвания и рассказы об индейцах, наводившие ужас на жителей, и хвалы, которые воздавались при этом коменданту, действующему при этом столь доблестно и неутомимо, — все это оказалось приятным развлечением среди однообразия солдатской жизни. И в те несколько дней, что длилось нашествие «дикарей», у коменданта и капитана не было недостатка в поводах для смеха и веселья. Они так ловко все проделали, что наутро после заключительного набега грабителей и похищения Роситы ни одна душа в Сан-Ильдефонсо, если не считать самих офицеров и двух их помощников, нисколько не сомневалась: всему виною настоящие дикие индейцы!

Впрочем, в одной душе шевелилось подозрение, только подозрение, — в душе старухи-матери. Даже сама Росита думала, что она в руках индейцев... если она вообще могла думать.

Глава XXXI

— Да, великолепная шутка, честное слово! — с хохотом продолжал Роблаго, дымя своей сигарой. — С тех пор как мы забрались в эту чертову глушь, мне еще ни разу не случалось так позабавиться. Что ж, и на пограничном посту можно найти себе развлечение, если действовать умеючи. А сколько хлопот нам доставило это дело! Но, дорогой комендант, скажите-ка, строго между нами, — теперь-то вы уже можете судить,

— стоило ли так хлопотать?

— Я очень жалею, что мы это сделали, — самым серьезным тоном ответил комендант.

Роблаго посмотрел ему в лицо и впервые увидел, как хмур и мрачен его собеседник. Занятый своей сигарой, он до сих пор этого не замечал.

— Вот так так! — воскликнул он. — Что случилось, полковник? Вы выглядите совсем не так, как подобает человеку в вашем положении. Вы ведь должны были провести несколько приятнейших часов! Что-нибудь неладно?

— Все неладно.

— Что такое? Вы были у нее?

— Только на минуту, и с меня хватит.

— Не понимаю вас, дорогой полковник.

— Она сумасшедшая.

— Как — сумасшедшая?

— Да, буйная. Заговаривается так, что я в ужас пришел. Счастлив был поскорее уйти. Там остался Хосе, он за нею присматривает. Я просто не мог слушать, как она бормочет. Поверьте, у меня пропала всякая охота оставаться.

— Ну, это пустяки! — сказал Роблаго. — Через день-другой она придет в себя. Она все еще думает, что попала к дикарям, которые хотят ее убить и снять с нее скальп. Вы с успехом можете ее разуверить, как только она придет в себя. Она-то может знать правду, я тут беды не вижу. Все равно вам придется ей сказать, и чем раньше, тем лучше: больше останется времени, чтобы она успела с этим примириться. Теперь она у нас уютно пристроена в четырех стенах, и у них нет ни глаз, ни ушей, так что вы действуйте на досуге. Никто ничего не подозревает, никто и не может подозревать. Все только и думают, что об индейцах, ха-ха! Говорят, этот ее поклонник, дон Хуан, хочет собрать отряд и пуститься в погоню за краснокожими! — И Роблаго снова расхохотался. — Ничего у него не выйдет: с ним слишком мало считаются, и никому нет дела ни до его скота, ни до колдуньиной дочки. Будь это кто-нибудь еще, дело, пожалуй, приняло бы другой оборот. А сейчас нам нечего бояться, что все раскроется. Если бы еще появился сам охотник на бизонов...

– Послушайте, Роблаго... – вдруг прервал его комендант, и в голосе его прозвучало необычное волнение.

– Да? – спросил капитан, с удивлением глядя на Вискарру.

– Я видел сон... страшный сон! Вот что меня тревожит, а совсем не бред этой девушки. Проклятие! Что за страшный сон!

– Помилуйте, комендант, вы храбрый солдат – и тревожитесь из-за какого-то сна! Ну-ка, что это вам приснилось? Я прекрасно умею толковать сны. Ручаюсь, у меня вы получите наилучшие разъяснения.

– Ну, слушайте, это довольно просто. Мне снилось, что я стою на Утесе загубленной девушки. Мне снилось, что я там один с Карлосом, охотником на бизонов, и что он все знает и привел меня туда, чтобы отплатить мне, чтобы отомстить за нее. У меня не было силы сопротивляться, и он подвел меня к самому краю. Кажется, мы схватились и боролись некоторое время, а потом он выпустил меня и толкнул с обрыва. И вот я падаю, падаю... А наверху стоит охотник, и рядом с ним его сестра, и на самом выступе утеса – эта ужасная старая колдунья, их мать, она смеется каким-то диким, безумным смехом и хлопает в ладоши, а руки у нее длинные, костлявые... И я падаю, падаю, а дна все нет... Ужасное чувство, и конца ему не было! От этого ужаса я и проснулся. Я даже не мог поверить, что это был только сон, никак не мог отделаться от ощущения, что все это на самом деле... Ужасный сон!

– Да, но только сон. А что значит...

– Постойте, Роблаго! Я вам еще не все сказал. Через час... да нет, через каких-нибудь четверть часа я ходил здесь и думал о том, что мне приснилось, и нечаянно посмотрел туда, на утес. И там, на самом краю, стоял всадник, он был хорошо виден на фоне неба, и это был вылитый охотник на бизонов! Я узнал и коня и всадника – я хорошо помню, как он держится в седле. Я решил, что это мне мерещится. Отвел глаза на секунду, потом посмотрел опять, а всадника уже нет! Он так быстро исчез... Я думаю, мне просто показалось. Там никого и не было, просто после того сна мне почудилось.

– Очень возможно, – сказал Роблаго, желая успокоить приятеля. – Очень возможно и вполне естественно. Во-первых, отсюда, где мы с вами стоим, до вершины того утеса добрых три мили по прямой. На таком расстоянии вы уж никак не отличили бы этого охотника от любого другого всадника – это невозможно. Во-вторых этот самый Карлос сейчас находится по крайней мере за пятьсот миль от кончика моей сигары и рискует своей драгоценной особой ради нескольких вонючих бизоньих шкур и нескольких десятков фунтов вяленого мяса. Будем надеяться, что кто-нибудь из его меднокожих друзей снимет с него светловолосый скальп, которым так восхищаются иные наши красотки. А ваш сон, дорогой комендант, – ну что же может быть естественнее! Вам просто не могло не присниться что-нибудь в этом роде. Вы помнили, как он гарцевал в день праздника на этом самом утесе, и думали о его сестре и подозревали, надо полагать, что сеньор Карлос обошелся бы с вами не слишком нежно, знай он об этом деле и попадись вы ему в руки, – все сразу было у вас в мыслях, и все перемешалось в этом нелепом сне. И старуха тоже: если вы о ней не думали, так я думал с тех самых пор, как стукнул ее тогда, в дверях. Ну и вид у нее тогда был, век не забуду!

И негодяй расхохотался. Его не так уж забавляло это воспоминание, но он хотел изобразить все происшедшее пустой безделицей, чтобы успокоить Вискарру.

– Эка важность! – продолжал он. – Сон! Самый обыкновенный сон. Полно, дорогой друг, выкиньте это из головы!

– Не могу, Роблаго. Эти мысли – точно моя собственная тень: от них не отделаешься. У меня какое-то предчувствие. Лучше бы я оставил девчонку в ее грязной лачуге! Клянусь Богом, я хотел бы, чтобы она оказалась опять у себя дома. Не успокоюсь до тех пор, пока не избавлюсь от нее. Прежде я ее любил, а теперь просто ненавижу эту сумасшедшую.

– Ну-ну, друг! Скоро вы будете другое говорить. Она вам опять понравится...

– Нет, Роблаго, нет! Я о ней без отвращения думать не могу

– не знаю, почему, но не могу. Помогите, Боже, мне от нее избавиться!

– А это не так трудно, и вреда никому не будет. Она может вернуться как пришла.

Разыграем еще одну сценку маскарада, и ни одна душа не догадается. Если вы и в самом деле говорите серьезно...

– Робладо! – воскликнул комендант, хватая капитана за руку. – Никогда в жизни я не говорил серьезнее. Скажите мне, как можно отправить ее обратно, не поднимая шума? Скажите скорее, я не могу больше выносить это ужасное чувство!

– Что ж, – начал Робладо, – нам надо еще раз нарядиться индейцами, надо...

Он не договорил. Короткий стон вырвался из груди Вискарры. Глаза его, казалось, готовы были выскочить из орбит, губы побелели, крупные капли пота выступили на лбу.

Что бы это значило? Вискарра стоял у внешнего края асотеи, откуда видна была дорога, ведущая к воротам крепости. Он смотрел туда, за парапет, и протянул руку, указывая на что-то.

Робладо, стоявший далеко от парапета, почти посередине асотеи, кинулся к коменданту и взглянул в ту же сторону. По дороге, весь в поту и пыли, галопом скакал всадник. Он был уже так близко, что Робладо узнал это лицо. Вискарра узнал его еще раньше. Это был Карлос, охотник на бизонов!

Глава XXXII

То, что сказал Карлос дону Хуану на вершине утеса, как громом поразило простодушного скотовода. До этой минуты он ничуть не сомневался, что они гонятся за индейцами. Даже то странное обстоятельство, что следы повернули назад, в долину, не раскрыло ему глаза. Он решил, что индейцы еще кого-нибудь ограбили в этих местах и преследователи услышат об этом, как только спустятся в долину.

Когда Карлос показал ему на крепость и сказал: «Она здесь! », дон Хуан сначала удивился, потом просто не поверил.

Но довольно было еще одного слова охотника и нескольких мгновений раздумья – недоверие исчезло. Страшная правда молнией озарила сознание дона Хуана; ведь и он помнил, как вел себя Вискарра в день праздника. Тотчас ему пришли на ум и появление коменданта в доме охотника и все другие обстоятельства, и он понял, что Карлос не ошибся.

Несколько минут дон Хуан не мог вымолвить ни слова – слишком мучительны были нахлынувшие на него мысли и чувства. Мучительны, как никогда. Он не страдал так даже в то время, когда был уверен, что его возлюбленная в руках диких индейцев. Тогда была еще надежда, что своеобразные законы чести, принятые у индейцев в отношении пленниц, позволят Росите избежать ужасной доли, что жених и брат успеют выручить ее. А теперь прошло столько времени! Зная Вискарру... О Господи!.. Это была ужасная мысль, она заставила молодого всадника покачнуться в седле. Он отъехал на несколько шагов, соскочил с лошади, пошатнулся и опустился на землю, охваченный нестерпимой тоской и болью.

Карлос все еще оставался на утесе и смотрел в сторону крепости. Казалось, он обдумывает план действий. Он видел часовых на зубчатых стенах, видел слоняющихся вокруг солдат в темно-синих с малиновым мундирах. До него донесся зов кавалерийской трубы, когда звонкое эхо стало перекидываться от скалы к скале. И он увидел, что какой-то человек – офицер – ходит взад и вперед по асоте. Вот он остановился и заметил Карлоса...

Как раз в эту секунду Вискарра и увидел на утесе всадника, который одним своим видом так напугал его и который ему, конечно, вовсе не померещился.

– Может быть это он, злодей? – сказал себе Карлос, глядя на офицера. – Похоже, что это он и есть. Ох, если бы я отсюда мог достать его пулей!.. Но терпение, терпение! Я ему отомщу!

С этими словами он тронул поводья и отъехал к дону Хуану. Они посоветовались о том, как действовать дальше. Подозвали и Антонию, и Карлос сказал ему о своей уверенности, что Росита – пленница в крепости. Антонию не услышал ничего нового, он уже сам обо всем догадался. Он ведь тоже, как и его хозяин, был на празднике и его зоркие глаза ничего не упустили в тот памятный день. Он тоже заметил поведение Вискарры, и задолго до того, как путники остановились здесь, возле утеса, он нашел разгадку всему, что было таинственного и непонятного в недавнем набеге индейцев. Он знал все, хозяин мог не тратить слов на

объяснения.

Но ни слов, ни времени и не тратили понапрасну. Дл этого слишком сильно бились сердца брата и влюбленного. Быть может, в эту самую минуту девушке, дорогой обоим, грозит опасность, быть может, она сейчас защищается от своего подлого похитителя, и, если они подоспеют вовремя, они спасут ее!

Эти соображения были важнее всяких планов. До и какой тут мог быть план? Не обнаруживать себя, скрываться, тайно рыскать вокруг крепости и ждать удобного случая... Какого случая? Быть может, в бесплодном ожидании пройдет несколько дней! Дней! Когда нельзя медлить ни часа, ни минуты! Не теряя ни секунды, они должны действовать.

Но как действовать? Только в открытую – ничего другого они не могли придумать. Да неужели Карлос не смеет потребовать, чтобы ему вернули сестру?

А если их встретят отказом, ложью, увертками?... Конечно, никакого другого ответа они не получат. Эта мысль привела обоих в ужас.

Что же еще остается делать? Если во всеуслышание объявить о подлом злодеянии, это, пожалуй, поможет. Общее сочувствие будет на их стороне... А быть может, и больше того. Быть может, жители долины, хоть они и поработены, соберутся вокруг крепости и громко потребуют... Быть может, пленницу еще можно спасти... Эти мысли нагоняли одна другую.

– А если не спасем, – сказал Карлос, скрипнув зубами, – мы отомстим за нее. Пусть мне грозит петля, все равно ему не жить, если она обещена! Клянусь!

– И я даю клятву! – крикнул дон Хуан, хватаясь за рукоять своего мачете.

– Хозяин! Вы оба, послушайте! – сказал Антонио. – Вы знаете, я не трус. Я вам помощник, мое оружие, моя жизнь – все ваше. Но дело это страшное. Без осторожности только зря пропадем. Надо быть поосмотрительнее.

– Да, верно, мы должны быть осторожны. Я обещал это матушке. Но как, друзья, как? Что такое осторожность? Сидеть и ждать, пока она... О Господи!

Все трое замолчали. Никто не мог ничего придумать.

В самом деле, положение было бесконечно трудное. Перед ними крепость, и в ее стенах – быть может, в какой-нибудь глухой камере – томится в плену сестра охотника на бизонов. Он знал, что она там, но как трудно будет освободить ее!

Прежде всего злодей, похитивший Роситу, будет отпираться, уверять, что ее здесь нет. Ведь если он ее выпустит, он тем самым признает свою вину. А какие доказательства может представить Карлос? Солдаты гарнизона, без сомнения, ничего не знают, за исключением двух или трех негодяев, которые помогали в этом подлом деле. И если Карлос поднимет голос, никто в городе не поверит такому обвинению против коменданта. Охотника поднимут на смех и, конечно, арестуют, и он дорого поплатится. И даже если бы он предъявил доказательства, кто из власть имущих поможет ему добиться правосудия? Военные тут – сила и закон, и жалкое подобие гражданской власти, существующей здесь, уж, наверно, предпочтет стать не на его сторону, а на сторону его противника. Ему неоткуда ждать справедливости. Свои обвинения он может подкрепить лишь такими доказательствами, которых никогда не поймут и не примут в расчет все те, к кому он может обратиться. Вискаarra без труда найдет какое-нибудь объяснение следам, ведущим назад, в долину, если он вообще снизойдет до того, чтобы что-то объяснять, а обвинения Карлоса объявит бредом сумасшедшего. Никто им не поверит. Именно гнусность совершенного злодеяния делает его неправдоподобным.

Карлос и его товарищи хорошо понимали все это. Им неоткуда было ждать поддержки, не на что надеяться. Никто из властей не придет им на помощь и не даст удовлетворения.

Некоторое время охотник был молчалив и задумчив; наконец он вновь заговорил – и теперь уже другим тоном. Как видно, у него возник план, появилась какая-то надежда.

– Друзья! – сказал он. – Надо открыто прийти и потребовать ответа, ничего другого я не могу придумать. И надо это сделать сейчас же. Я не переживу и часа, не попытавшись выручить сестру. Ждать еще час, когда мы боимся... Нет, медлить нельзя. Я кое-что надумал. Наверно, это не самый осторожный план, но больше раздумывать некогда. Слушайте!

– Мы ждем!

– Нам незачем всем сразу появляться у ворот крепости. Там сотни солдат, а у нас двадцать тагносов, и хоть они и храбры, как львы, от такой схватки пользы не будет: силы слишком не равны. Я поеду один.

– Один?

– Да. Надеюсь, мне удастся увидеть его. Больше мне ничего не надо. Он тюремщик Роситы, а когда тюремщик спит, узника можно освободить. Стало быть, он уснет!

Слова эти были полны значения, и говорящий невольно положил руку на рукоять ножа, заткнутого за пояс.

– Он уснет, – повторил Карлос, – и очень скоро, если судьба улыбнется мне. Что будет дальше – мне все равно: не до того мне! Если она обещана, не все ли мне равно – жить или умереть? Но я отомщу за нее!

– Но как ты добьешься свидания с ним? – спросил дон Хуан.

– Он не захочет принять тебя. Может быть, тебе переодеться? Тогда, пожалуй, скорее удастся увидеть его.

– Нет! Не так просто мне переодеться – меня выдадут светлые волосы и кожа. И на это уйдет слишком много времени. Поверь, я не буду опрометчив. Я придумал, как дойти до него, – надеюсь, я при любых условиях его увижу. А если не удастся, не стану пока поднимать шум. Никто из этих негодяев не будет знать, зачем я на самом деле приходил. И потом я сделаю, как ты посоветуешь. А сейчас я не могу больше ждать. Я должен что-то делать. По-моему, это он сейчас ходит там, по асоте, вот почему я не могу ждать, дон Хуан. Если это он...

– А что мы будем делать? Разве мы не можем никак тебе помочь? – спросил дон Хуан.

– Может быть... если мне надо будет бежать. Поедем, я покажу вам, где меня ждать. Скорее! Сейчас дорога каждая минута

– как день. У меня голова горит, точно в огне. Едем!

Карлос вскочил в седло и погнал коня по крутой тропе вниз, в долину.

С того места, где дорога, спустившись в долину, поворачивала к крепости, она на протяжении более мили вела через густые заросли невысоких деревьев и кустарника; через них нельзя было пробраться иначе, как по этой дороге.

Но были в этой чаще и тропинки, протоптанные скотом, по ним тоже можно было пересечь ее. Тропы эти хорошо знал Антонио, который прежде жил тут, по соседству. По одной из этих троп всадники могли подъехать к крепости на расстояние не больше полумили незаметно для часовых на стенах. К этому месту Антонио и повел весь отряд. Скоро они добрались до опушки и здесь, по распоряжению Карлоса, спешились, не выходя из-за кустов.

– Вы все оставайтесь тут, – сказал дону Хуану охотник. – Если я сумею уйти оттуда, я поскачу прямо сюда. Если потеряю коня, все равно вы меня еще увидите. Такое небольшое расстояние я пробегу, как олень, никто меня не догонит. А когда вернусь, скажу вам, как действовать дальше.

И вдруг, схватив дону Хуана за руку, Карлос увлек его за собою к самому краю опушки:

– Смотри, дон Хуан! Это он! Клянусь Богом, это он!

Карлос показал на высокую крышу крепости – над краем парапета виднелись чья-то голова и плечи.

– Да, это комендант, – сказал дон Хуан, тоже узнав человека на асоте.

– Довольно! Мне больше некогда разговаривать! – воскликнул охотник. – Теперь – или никогда! Если я вернусь, вы будете знать, что делать дальше. Если не вернусь – значит, я или схвачен, или убит. Оставайтесь здесь. Оставайтесь до поздней ночи – может быть, я еще выберусь оттуда. Их тюрьмы не так уж крепки. Кроме того, у меня с собой золото. Может быть, оно выручит меня. Вот и все. Прощай, верный друг! Прощай!

Стиснув руку дону Хуана, Карлос вновь вскочил в седло и тронул коня.

Он не поехал прямо к крепости – ведь тогда его слишком быстро обнаружили бы. Тропа, проложенная в зарослях, могла вывести его на главную дорогу, которая, в свою очередь, вела к воротам крепости; по этой самой тропе он и поехал. Антонио проводил его до самой опушки, потом вернулся к остальным.

Выехав на дорогу, Карлос пустил коня галопом и смело поскакал к широким воротам крепости. Пес Бизон бежал следом, не отставая.

Глава XXXIII

– Клянусь святой девой, это он! – удивленно и тревожно воскликнул Робладо. – Он и есть! Верное слово!

– Я так и знал, так и знал! – взвизгнул Вискаarra. – Это он был на утесе, мне не померещилось!

– Откуда же он взялся? Ради всех святых, откуда этот малый...

– Робладо, я должен уйти! Я пойду вниз. Я не хочу встречаться с ним. Я не могу!

– Ну, полковник, пусть уж лучше он поговорит с вами. Он ведь уже видел вас и узнал. Если вы начнете избегать его, это только вызовет подозрения. Он, наверно, будет просить, чтобы мы помогли ему в погоне за индейцами, – ручаюсь, что он только за этим и пришел!

– Вы так думаете? – спросил Вискаarra, немного успокоенный этим предположением.

– Не сомневаюсь! Зачем же еще! Правду он подозревать не может. Он ведь не колдун, как его мать! Никуда не уходите, и давайте послушаем, что он скажет. Разумеется, вы можете говорить с ним отсюда, с асотеи, а он пускай остается внизу. Если он начнет вести себя дерзко, – помните, он ведь уже дерзил нам обоим, – мы его арестуем и подержим часок-другой в каталажке, чтобы он немного поостыл. Надеюсь, он даст нам для этого повод. Я ведь не забыл его наглой выходки тогда, на празднике.

– Вы правы, Робладо, я останусь и выслушаю его. Так будет лучше. Я думаю, это рассеет подозрения. И потом, вы правы: он и не может ничего подозревать.

– Напротив, он сейчас попросит вас о помощи, и вы ему поможете – и совсем собьете его со следа. Он еще станет вашим другом! – И Робладо расхохотался.

Это звучало правдоподобно, и очень понравилось Вискаarre. Он тотчас решил последовать совету капитана.

Этот торопливый разговор занял всего несколько минут – с того мгновения, как они впервые увидели всадника, и до тех пор, пока он не скрылся под сенью крепости.

Последние двести ярдов он ехал медленно и с почтительным видом, словно опасаясь, как бы не сочли дерзостью, если на пороге этого оплота власти он выставит напоказ свое искусство наездника. На красивом лице его можно было увидеть следы горя, но ничто в нем не выдавало того чувства, которое сейчас было всего сильнее в его сердце.

Подъезжая к крепости, он снял сомбреро и почтительно поклонился офицерам, чьи головы и плечи виднелись над парашетом; а в десятке шагов от крепостной стены придержал коня, снова снял шляпу и ждал, пока с ним заговорят.

– Что вам нужно? – спросил Робладо.

– Кабальеро, я хотел бы поговорить с комендантом.

Это было сказано тоном человека, который хочет попросить о чем-то. Тон этот успокоил и Вискаарру и второго, более наглого негодяя, который, хоть и уверял начальника в противном, не так уж был убежден, что охотник приехал с мирными намерениями. Однако теперь он не сомневался, что первая его догадка верна: Карлос приехал просить их о помощи.

– Это я! – отозвался Вискаarra, который совсем оправился от испуга. – Я комендант. Что вы хотели мне сказать, приятель?

– Ваше превосходительство, я пришел с просьбой. – И охотник смиренно поклонился.

– Говорил я вам! – шепнул начальнику Робладо. – Все в порядке, полковник!

– Что ж, мой друг, – сказал Вискаarra своим обычным надменно-снисходительным тоном, – послушаем вас. Если ваша просьба разумна...

– Ваше превосходительство, я прошу о большой милости, но, надеюсь, ничего неразумного в этом нет. Я уверен, если только это не мешает вашим многочисленным обязанностям, вы не откажете мне. Ведь все знают, как много времени и хлопот вы уже отдали этому делу.

– Говорил я вам! – снова пробормотал Робладо.

– Ну, ну, выкладывайте! – подбодрил просителя Вискаarra. – Я ведь не могу ответить, пока не услышу, о чем вы просите.

– Дело вот в чем, ваше превосходительство. Я только бедный охотник на бизонов...

– А, вы Карлос, охотник на бизонов! Знаю, знаю.

– Да, ваше превосходительство, мы встречались... в день святого Иоанна.

– Как же, как же! Припоминаю. Вы отличный наездник.

– Вы оказываете мне много чести, ваше превосходительство. Но мое умение мне сейчас не поможет. Большое несчастье постигло меня...

– Что такое случилось? Выкладывайте!

И Вискаarra и Робладо догадывались, о чем попросит охотник. Им хотелось, чтобы эту просьбу слышали солдаты, слонявшиеся без дела у ворот, поэтому сами они говорили громко, желая, чтобы и проситель повысил голос.

И Карлос тоже отвечал громко – не затем, чтобы доставить удовольствие собеседникам, нет, у него были на то свои причины. Он тоже хотел, чтобы солдаты, а главное, часовой у ворот слышали его разговор с офицерами.

– Так вот, ваше превосходительство, – продолжал он, – я живу в бедном ранчо, на самом краю поселения, со старухой-матерью и сестрой. Прошлой ночью на них напали индейцы. Мою мать ударили так, что она упала замертво, дом подожгли, а сестру увезли с собой!

– Я слышал об этом, мой друг. Больше того, я сам пустился в погоню за дикарями.

– Знаю, ваше превосходительство. Я в это время был в прерии и вернулся только сегодня ночью. Я слышал, что вы, ваше превосходительство, немедленно погнались за дикарями и очень благодарен вам.

– Не стоит благодарности, я только исполнял свой долг. Я сожалею о том, что случилось, и сочувствую вам. Но негодяи успели удрать, и сейчас нет надежды воздать им по заслугам. Может быть, позже, когда здешний гарнизон будет усилен. Тогда я мог бы сам устроить набег на индейцев, и, может быть, мы отыскали бы вашу сестру.

Охотнику вполне удалось своей почтительностью провести Вискаarra – комендант вновь обрел свою самоуверенность и хладнокровие, и всякий, кто знал о случившемся не больше, чем можно было уловить из их беседы, наверняка обманулся бы, слушая его. Он прекрасно притворялся – ни речь, ни осанка не выдавали его. Но от зорких глаз Карлоса, знавшего всю правду, не укрылась дрожь губ, как ни мало она была заметна; он заметил и неуверенный взгляд Вискаarry и каждую малейшую запинку в его речи.

Да, Карлос обманул его, но он-то не мог обмануть Карлоса.

– О чем же вы хотели просить? – осведомился Вискаarra, посулив Карлосу так много в будущем.

– Вот о чем, ваше превосходительство: позвольте вашим солдатам еще раз пойти по следу грабителей – под вашей ли командой, чему я был бы очень рад, или под командой кого-нибудь из ваших храбрых офицеров... (При этих словах Робладо почувствовал себя польщенным.) Я буду проводником, ваше превосходительство. На двести миль кругом нет такого места, которого я не знал бы так же хорошо, как эту долину. И хоть мне самому не пристало говорить об этом, но поверьте, ваше превосходительство, я могу пойти по следу индейцев не хуже любого охотника на Равнине. Только пошлите солдат, ваше превосходительство, и обещаю вам – я приведу их к грабителям или покрою себя позором! Я не потеряю их след, к у д а б ы о н н и п р и в е л!

– О, вот как! – сказал Вискаarra, многозначительно переглядываясь с Робладо.

Обоим явно стало не по себе.

– Да, ваше превосходительство, по следам я везде пройду.

– Ну, это невозможно, – возразил Робладо. – Ведь это было два дня назад. И потом, мы-то уже раз прошли по этим следам, переправились через Пекос и убедились, что к тому времени разбойники были вне пределов досягаемости. Так что это будет совершенно бесполезная попытка.

– Кабальерос! – снова обратился к обоим Карлос. – Уверяю вас, что я могу найти разбойников. Они не так уж далеко отсюда.

Комендант и капитан вздрогнули и заметно побледнели. Охотник, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

– Чепуха, приятель! – с запинкой выговорил Робладо. – Они... да они теперь за сотни миль, никак не меньше... где-нибудь там, на Льяно Эстакадо, или в горах.

– Простите, капитан, что я не соглашаюсь с вами, но я уверен... я знаю, что это за индейцы, знаю, из какого они племени.

– Из какого племени? – разом переспросили офицеры; лица обоих были серьезны, в голосах слышалась дрожь. – Как – из какого племени? Разве это были не юты?

– Нет, – ответил охотник, который прекрасно видел смятение своих собеседников.

– А кто же?

– Я уверен, что это не юты, – сказал Карлос. – Это, наверно, хикариллы. Они – мои заклятые враги.

– Вполне возможно! – разом согласились офицеры с явным облегчением.

– Вполне возможно! – повторил Робладо. – По описаниям очевидцев можно было думать, что это юты. Но, возможно, люди ошибались. Все были так напуганы, что ничего толком не могли рассказать. И потом, ведь индейцы показывались только по ночам.

– А почему вы думаете, что это были хикариллы? – спросил комендант, которому снова стало легче дышать.

– Отчасти потому, что их было так мало, – ответил Карлос.

– Будь это юты...

– Но их было совсем не так мало. Пастухи донесли о большой шайке. Они угнали огромное стадо. Если бы это был не сильный отряд, они не посмели бы явиться в долину, это ясно.

– Я уверен, что их было немного, ваше превосходительство. Довольно эскадрона ваших храбрых солдат, чтобы захватить и грабителей и добычу.

Услыхав такие слова, малорослые уланы, слонявшиеся поблизости, выпрямились и расправили плечи, чтобы казаться повыше.

– Если только это были хикариллы, – продолжал Карлос, – мне и по следу незачем идти. Они не пошли на Равнину. Если они двинулись в ту сторону, так только затем, чтобы запутать вас, когда вы погнались за ними. Я знаю, где они сейчас: в горах.

– В горах, по-вашему? Вот как!

– Да, я в этом уверен. И не дальше, чем за пятьдесят миль отсюда. Только пошлите солдат, ваше превосходительство, и я приведу их прямо туда, куда надо. Для этого незачем идти той дорогой, по которой грабители выехали из долины, – я уверен, что это ложный след.

Комендант и Робладо отошли от парапета и несколько минут совещались вполголоса.

– Это будет неплохо выглядеть, – говорил капитан.

– В сущности, вам только того и надо. Козыри сами идут вам в руки. Вы посылаете солдат по просьбе этого парня, а кто он тут такой? Ничтожество! Вы оказываете ему услугу, а заодно и себе. Ручаюсь вам, это будет прекрасно выглядеть.

– Но он будет проводником!

– И пусть его! Еще лучше: все останутся довольны. Он, конечно, не разыщет своих хикарилов... Где там! Но почему бы не потешить дурака?

– Но представьте, вдруг он нападет на наши с вами следы? На след стада!

– Он не пойдет в ту сторону. И потом, мы ведь не обязаны идти за ним, куда ему вздумается. Но он сказал, что не пойдет туда, что не намерен идти по следу. Он знает, где там, в горах, гнездо этих хикарилов... Что ж, очень может быть. Разгромить их

– это даже лестно. Вывесим над воротами парочку скальпов – это будет недурно выглядеть. Таких украшений еще не прибавилось за все время, что мы с вами тут сидим. Ну, что скажете? В конце концов, это просто небольшая прогулка – пятьдесят миль верхом.

– Что ж, вообще я не возражаю. Это и правда будет выглядеть недурно... Но сам я не могу

поехать. Не хочу близко подходить к этому малому ни на этой прогулке, ни где-либо еще... Вы, наверно, понимаете, какое у меня чувство? – И комендант выразительно посмотрел на Робладо.

– Да, да... конечно... – ответил тот.

– Солдат поведите вы, а если вам не хочется, пошлите Гарсию или сержанта.

– Я поеду сам, – сказал Робладо. – Так будет вернее. Если охотнику вздумается пойти по каким-нибудь неподходящим следам, я уведу его в другую сторону или просто не соглашусь... Да, лучше мне поехать самому. Черт возьми, и я буду очень рад схватиться с этими краснокожими! Надеюсь привезти вам скальпы!

– захохотал Робладо.

– Когда вы думаете выступить? – спросил полковник.

– Сейчас же. Чем скорее, тем лучше. Так всем будет приятнее, и это докажет, что мы исполнены энергии и патриотизма! – И он опять расхохотался. – Вы отдайте приказание сержанту, а я пойду обрадую нашего охотника.

Робладо поспешно спустился с асотеи, и через минуту заиграл горнист. Звук трубы возвестил: «По коням! «

Глава XXXIV

Все время, пока происходил этот разговор, охотник неподвижно сидел в седле там, где он впервые остановил коня. Офицеров он больше не видел: они отошли от края асотеи, и теперь парাপет скрывал их. Но Карлос догадывался, о чем они совещаются, и терпеливо ждал.

В воротах собралось уже три или четыре десятка солдат, все они с любопытством разглядывали коня и всадника; но раздался хорошо знакомый звук трубы, и они бросились к конюшням; у ворот остался только часовой. Он, как и все солдаты, слышал разговор охотника с офицерами и догадывался, что трубач трубил даром. Карлос был уверен, что его просьбу исполнят, хотя комендант еще не сказал ему этого.

До последней минуты он не составил определенного плана действий. Да и как мог он все обдумать, когда так много зависело от случая?

Лишь одно было ему ясно: он должен застать Вискарру одного. Хотя бы только на минуту – и этого довольно.

Он чувствовал: просить, умолять бесполезно – это будет пустой тратой времени и кончится поражением и смертью. Для мести довольно одной минуты. А мысль о том, что сестра его погибла, не оставляла Карлоса, и он жаждал мести. Что будет дальше – об этом он не думал. Если придется бежать – что ж, тут он полагается на случай и на самого себя: сил и находчивости у него хватит.

Итак, до этой минуты у него не было никакого определенного плана. Но вдруг ему пришло в голову, что комендант может сам повести отряд, выходящий на поиски. Если так, сейчас он ничего не станет предпринимать. Он будет в роли проводника и ему представится полная возможность не только уничтожить врага, но и ускользнуть. Пусть только они выйдут на дикую, неизведанную равнину – там ему не страшны никакие уланы, будь их хоть вдесятеро больше. Никогда им не догнать его на его верном скакуне.

Солдаты собираются в поход – это он понял по сигналу трубы. Пойдет ли с ними Вискарра? – вот вопрос, который все больше тревожил Карлоса, пока он неподвижно сидел на своем коне, с нетерпением глядя вверх, на парапет.

И вот над краем стены снова появилось ненавистное лицо. На сей раз комендант выглянул, чтобы сообщить, как он воображал, радостную весть жалкому просителю. И он сообщил ее напыщено и важно, уверенный, что оказывает охотнику величайшую милость.

Лицо Карлоса осветилось радостью, но не от известия, которое он услышал, хотя именно так подумал Вискарра,

– нет: Карлоса обрадовало, что комендант, как видно, остался один на асотеи. Робладо рядом не было.

– Вы необыкновенно добры, ваше превосходительство, что оказываете такую милость

ничтожному бедняку. Уж и не знаю, как вас благодарить!

– Не стоит благодарности, не стоит. Офицеру его католического величества не нужна благодарность, когда он исполняет свой долг.

При этих словах комендант гордо и достоинством помахал рукой и, казалось, готов был удалиться. Карлос остановил его вопросом:

– И я буду иметь честь служить проводником вашему превосходительству?

– Нет, сам я не пойду с этой экспедицией, ее возглавит мой лучший офицер, капитан Робладо. Он сейчас готовится выступить. Подождите его.

И, круто повернувшись, Вискаarra возобновил свою прогулку по асоте. Без сомнения, ему было не по себе от этого разговора с глазу на глаз, и он рад был распрощаться с охотником. Не стоит задаваться вопросом, почему он соизволил дать все эти объяснения, но Карлосу только и надо было знать то, что он узнал.

Он увидел, что время настало, нельзя терять ни минуты, и мгновенно решил действовать.

До сих пор он неподвижно сидел в седле. Ружье он держал, уперев прикладом в стремя, дуло прижав к плечу, так что его не заметила ни одна душа. Высокие сапоги на ногах Карлоса и серапе, брошенное на его плечи, полностью скрывали ружье. Ускользнул от посторонних взглядов и острый охотничий нож, висевший у левого бедра Карлоса и скрытый под серапе. Это и было все его оружие.

То недолгое время, когда комендант и Робладо совещались, Карлос не потерял даром, это было лишь кажущееся бездействие. Он тщательно осмотрел стены. Он увидел, что из самых ворот каменные ступени в массивной стене ведут вверх, на асотею. Эта лестница предназначалась для солдат, когда по долгу службы им надо было подняться на крышу крепости. Но Карлос знал, что есть еще и другая лестница, для офицеров. И хоть он никогда прежде не бывал в крепости, он правильно заключил, что она должна находиться в смежной части здания. Он заметил также, что в воротах стоит только один часовой и что каменная скамья в глубине ворот – обычное место отдыха караульных – сейчас пуста.

Значит, караульные либо внутри, в здании, либо разошлись по казармам. Надо сказать, что дисциплина в крепости была плохая. Вискаarra, хотя сам щеголеватый и подтянутый, не много спрашивал с солдат. Он был слишком занят собственными удовольствиями, чтобы заботиться о чем-либо еще.

Все это наблюдательный охотник обнаружил еще прежде, чем Вискаarra вторично подошел к парпету и сообщил ему о своем намерении послать солдат. И едва он опять скрылся из виду, Карлос принялся за дело.

Он неожиданно спешился и оставил коня на том же месте, где остановил его с самого начала. Он не привязал вороного ни к поперечине, ни к столбу, а лишь закинул поводья за луку седла. Он знал, что превосходно обученный скакун будет спокойно ждать его.

Ружье он все еще держал под плащом, хотя приклад, плотно прижатый к ноге, теперь был замечен постороннему взгляду. Придерживая его, Карлос направился к воротам.

Одно беспокоило Карлоса – пропустит ли его часовой? Если нет, часовой должен умереть!

Решение мгновенно принято, и, подходя к воротам, охотник под плащом берет за рукоять ножа.

К счастью для Карлоса, да и для самого часового, попытка оказалась успешной: охотник без особых затруднений миновал ворота. Часовой, неуклюжий и ленивый парень, слышал недавний разговор и теперь не заподозрил ничего дурного. Правда, он все-таки остановил было Карлоса, но тот поспешно ответил, что ему надо кое-что сказать коменданту, который велел ему подняться на асотею. Часовой остался не вполне удовлетворен этим ответом и не очень охотно, но все же дал Карлосу пройти.

Карлос тотчас бросился к лестнице и скользнул наверх. Легко и бесшумно, как кошка, поднялся он по каменным ступеням, и, когда вышел на асотею, Вискаarra, стоявший в каких-нибудь пяти-шести шагах от лестницы, не подозревал, что он здесь больше не один.

Да, это был он, Вискаarra, деспот, грабитель, насильник, погубивший сестру Карлоса, похитивший ее честь. Вот он стоит в нескольких шагах от братамстителя, в шести футах от

дула ружья, и все еще не знает о том, что ему грозит. Он отвернулся и смотрит в другую сторону, он не видит опасности.

Охотник лишь на мгновение скользнул по нему взглядом, затем обвел глазами стены, чтобы удостовериться, что наверху никого нет. Он знал, что на обеих башнях стоит по часовому, но не увидел их: они занимали посты на внешних стенах и не были видны с того места, где стоял Карлос. И больше на крыше никого, ни души. Только враг был здесь, и взгляд Карлоса вновь остановился на нем.

Карлос мог выстрелить Вискарре в спину и уже готов был это сделать, но тотчас передумал. Он пришел убить этого человека, но не так. Даже и осторожность подсказывала другой путь. Нож молчалив, он скорее даст мстителю возможность ускользнуть, когда дело будет сделано.

Подумав так, Карлос осторожно опустил приклад ружья наземь и прислонил дуло к парапету. Железо чуть слышно звякнуло о камень. Как ни слаб был этот звук, комендант услышал его, резко обернулся и вздрогнул, увидев незваного гостя.

Он попытался сделать вид, что возмущен, но заметил новое выражение, от которого за эти минуты неузнаваемо изменилось лицо охотника, и тотчас гнев уступил место страху.

– Как вы посмели явиться без спроса, сударь? – начал он. – Как вы...

– Потихе, полковник! Потихе, вас могут услышать!

Это было сказано негромко, сухо и решительно, тоном приказа, и подлый трус, к которому обращены были эти слова, испугался. Отчаянную и непоколебимую решимость увидел он в лице, во всем облике стоявшего перед ним человека, и это лицо ясно говорило ему: «Попробуй послушаться – и ты умрешь!» Выражение это подкреплялось сверкающим лезвием длинного ножа, рукоять которого уверенно сжимала рука охотника.

Вискарра весь побелел от страха. Теперь он понял, что все это значило. Просьба о посылке солдат была только предлогом, чтобы добраться до него, Вискарры. Охотник выследил его, узнал, что это он во всем виноват, и теперь явился потребовать удовлетворения или отомстить за сестру. Все ужасы ночного кошмара вновь обступили Вискарру, мешаясь с ужасом, который предстал перед ним наяву.

Он не знал, что делать, да и не в силах был говорить. Он отчаянно озибался, в тщетной надежде на помощь откуда-то со стороны. Но кругом – ни души, только серые стены, а перед ним сумрачное лицо грозившего врага. Позвать бы на помощь, но это лицо, угрожающая поза... Вискарра понял, что, если крикнет, этот крик будет последним в его жизни. Наконец, задыхаясь, он выговорил:

– Что вам нужно?

– Мою сестру!

– Вашу сестру?

– Да.

– Карлос, я не знаю... Ее здесь нет... Я...

– Лжете! Она здесь, в крепости. Смотрите: пес воет там, под дверью. Почему бы это?

И Карлос показал на дверь нижнего этажа, перед которой в эту минуту вертелся и скулил Бизон, всем своим видом показывая, что он хочет войти. Солдат пытался отогнать его.

Вискарра поглядел в ту сторону. Он увидел собаку, увидел и солдата, но не посмел его окликнуть. Острое лезвие сверкало перед ним. Охотник повторил тот же вопрос:

– Почему бы это?

– Я... я не знаю...

– Опять лжете! Она вошла в эту дверь. Где она сейчас? Отвечайте! Скорее!

– Говорю вам, не знаю. Поверьте...

– Лживый негодяй! Она здесь! Я выследил тебя, я прошел всюду, где шли вы... Не помогали вам ваши хитрости. Солги еще раз – и этот нож будет у тебя в сердце! Она здесь! Где она? Где? Отвечай!

– Нет, не убивайте меня, я все скажу! Она здесь... Она... Клянусь, я не сделал ей ничего плохого! Клянусь, я не...

– Ладно, мерзавец! Стань сюда... сюда, к стене! Живее!

Охотник указал место, откуда видна была часть патио – внутреннего двора. Комендант тотчас повиновался, понимая, что иначе его ждет верная смерть.

– Прикажи, чтобы ее привели сюда. Ты знаешь, кто ее стережет. Веди себя смирно, слышишь? Попробуй только подать знак своим холопам! Одно слово, одно движение – и я проткну тебя ножом! Ну?!

– О Господи, Господи!.. Это погубит меня... Все узнают... Я погиб, погиб!.. Умоляю вас, сжальтесь, подождите немного! Она вернется к вам, клянусь! Сегодня же ночью!..

– Сейчас же, негодяй! Живо, действуй! Зови того, кто знает, где она. Пусть ее приведут! Быстрее, не испытывай мое терпение! Еще минута...

– Боже правый! Не убивайте меня!.. Одну минуту... постойте... Ага!

Последний возглас прозвучал совсем по-другому. Это был крик радости, торжества.

Комендант все еще стоял лицом к лестнице, по которой поднялся Карлос, сам же охотник не смотрел в ту сторону, а потому не заметил, что еще один человек поднялся на асотею... И вдруг чья-то сильная рука стиснула его угрожающе поднятую руку. Он вырвал руку, круто повернулся – перед ним стоял офицер. Он узнал лейтенанта Гарсию.

– С вами я не в ссоре! – крикнул охотник. – Не вмешивайтесь!

Лейтенант, не отвечая, выхватил пистолет и хотел выстрелить ему в лицо. Карлос кинулся на него.

Грянул выстрел, на секунду дым окутал и Гарсию и охотника. И Вискаarra услышал, как кто-то тяжело упал на асотею. Еще миг – и среди дыма появился второй, тот, кто остался невредим.

Это был охотник на бизонов, и с ножа, который он сжимал в руке, капала кровь.

Он кинулся к тому месту, где прежде стоял комендант, но никого там не нашел: Вискаarra уже бежал по асотею ко второй лестнице.

Карлос тотчас же увидел, что здесь, на асотею, не догонит его – Вискаarra успеет спуститься по лестнице. А бежать за ним вниз – безумие: ведь выстрел, конечно, уже переполошил всех.

Отчаяние охватило Карлоса, но лишь на миг. Сейчас же его осенила блестящая мысль – он вспомнил о своем ружье. Пожалуй, комендант еще не ушел от него!

Он схватил ружье и, отскочив в сторону, чтобы не мешал еще не рассеявшийся дым, прицелился.

Вискаarra уже добежал до лестницы и начал спускаться. Только голова и плечи его виднелись над краем стены, когда что-то заставило его остановиться и оглянуться. Трус почти оправился от испуга – ведь помощь была уже совсем близко, – и он оглянулся из любопытства, чтобы посмотреть, чем закончилась схватка между охотником и Гарсией. Он хотел остановиться лишь на мгновение, но едва он повернул голову, раздался выстрел – меткая пуля настигла его, и он покатился вниз по ступеням.

Охотник видел, что пуля попала в цель, он видел к тому же, что и другой офицер мертв, слышал яростные крики внизу, и понял, что, если не убежит, не медля ни секунды, его окружают и пронзят сотней пик.

Первая его мысль была – спуститься по той лестнице, по которой он сюда пришел. Вторая ведет во внутренний двор, а там уже полно солдат.

Он перескочил через тело лейтенанта и кинулся к лестнице.

По ней уже поднимались вооруженные люди. Путь был отрезан!

Опять он перешагнул через убитого, побежал по асотею, вскочил на парапет наружной стены и заглянул вниз.

Страшно было прыгнуть с такой высоты, но на что еще мог он надеяться? Несколько улан уже выбежали на крышу и кинулись к нему, наставив пики, другие стреляли из карабинов; пули засвистели вокруг. Раздумывать было некогда. Взгляд Карлоса упал на вороного; славный конь стоял, гордо изогнув шею, покусывая удила. «Слава Богу, он еще жив! « Вид четвероногого друга придал Карлосу силы. Прыжок – и вот он уже на земле, у подножия стены, целый и

невредимый.

Пронзительным свистом он подозвал коня, вскочил в седло и через минуту уже скакал по долине.

Пули засвистели вслед, уланы торопились в погоню. Но прежде чем они сели на коней и выехали за ворота, Карлос достиг опушки зарослей и скрылся из глаз; густая листва кустарника сомкнулась позади него.

Отряд улан под предводительством Робладо и Гомеса скакал следом за Карлосом. Но когда они приблизились к зарослям, к величайшему их изумлению, над кустами появилось десятка два голов, и дикий воинственный клич раздался им навстречу.

– Индейцы! Дикари! – закричали уланы, сдерживая коней, которые в панике поворачивали назад.

Приказано было остановиться и ждать подкрепления. Весь гарнизон подняли на ноги, чащу окружили и наконец решились войти в нее. Но индейцев обнаружить не удалось, хотя следы их лошадей и разбегались по чаще во всех направлениях.

Потратив несколько часов на не слишком решительные поиски, Робладо с уланами вернулся в крепость.

Глава XXXV

Гарсия был мертв. Вискаarra не умер, хотя, когда его подобрали, могло показаться, будто ему недолго осталось жить, и по всему было видно, что он безмерно боится умереть. Лицо его было залито кровью, и на щеке остался кровавый след пули. Но он был жив и все время стонал и бормотал что-то. Внятно говорить он не мог – пуля, пронзившая щеку, выбила у него несколько зубов.

Он был ранен в лицо, и только. Ни малейшая опасность не грозила ему. Однако городской врач, молодой и не слишком опытный, не сразу мог успокоить своего пациента, и несколько часов кряду Вискаarra оставался отнюдь не в блаженном неведении насчет своей судьбы. Военный доктор умер незадолго перед тем, и на смену ему в гарнизон еще не прислали другого.

Величайшее волнение царило весь этот день в крепости, да и в городе, конечно, тоже. Весь Сан-Ильдефонсо всколыхнули поразительные вести; точно степной пожар, пронеслись они по всей долине.

Рассказывали о случившемся по-разному. Одни говорили, что все поселение окружили дикари, которых ведет Карлос, охотник на бизонов; что дикарей, должно быть, видимоневидимо – ведь они открыто напали на крепость, – но все же после ожесточенной схватки, в которой было немало убитых с обеих сторон, храбрые солдаты отразили нападение; офицеры все перебиты, в том числе и комендант, и в эту ночь надо ждать нового нападения – скорее всего, на город. Так говорили одни.

Но распространился и другой слух: будто восстали мирные индейцы, и это их, а не диких воинов, ведет Карлос, охотник на бизонов. Это они безуспешно пытались напасть на крепость, но опять-таки храбрые солдаты отогнали их, причем обе стороны понесли большой урон, и в том числе погибли комендант и его офицеры; и все это лишь первая вспышка грандиозного заговора, в котором принимают участие все тагноты Сан-Ильдефонсо, и, вне всякого сомнения, сегодня ночью они снова нападут!

Тем, кто задумывался на этих слухах, они казались непонятными. Чего ради воинственные индейцы атакуют крепость, вместо того, чтобы двинуться на почти беззащитный город или на богатые асиенды? И почему вдруг их предводителем оказался охотник Карлос? Почему именно он – он, которому дикари принесли столько несчастий? Кто же в Сан-Ильдефонсо не знал, что они похитили сестру Карлоса! Чтобы он возглавил нашествие индейцев

– нет, это казалось слишком невероятным!

Ну, а заговор, восстание? Но ведь мирные индейцы повсюду спокойно работают на полях, и те, что служат в миссии, тоже заняты своими обычными делами. И если судить по вестям из

рудников, там тоже не заметно никаких признаков заговора. Из двух распространившихся в долине слухов слух о восстании тагносов с охотником во главе казался наиболее правдоподобным. Все знали, что тагносы отнюдь не были довольны своей судьбой. Но сейчас ничто не указывало на такое восстание. Все тагносы заняты были своей повседневной работой. Кто же тогда мятежники? Итак, слухи казались совершенно невероятными.

Вскоре добрая половина горожан собралась перед крепостью; и после того, как из уст в уста были переданы самые разнородные версии, стало наконец известно, что же произошло на самом деле.

Но и подлинные события были не менее загадочны и непонятны, чем слухи. Какая у охотника могла быть причина напасть на офицеров гарнизона? Кто были индейцы, его спутники? Воинственные или мирные? Дикари или повстанцы?

Всего любопытнее, что и сами солдаты, принимавшие участие в воображаемой «битве», не могли ответить на эти вопросы. Одни говорили одно, другие – другое.

Многие слышали разговор Карлоса с офицерами, но, сам по себе вполне естественный, в сочетании со всеми последующими событиями этот разговор лишь окончательно запутывал и без того загадочное дело. Солдаты ничего не могли объяснить, и горожане, отправившись по домам, продолжали спорить и обсуждать эту таинственную историю. Высказывались самые разнообразные догадки. Некоторые думали, что охотник здесь только затем, чтобы от чистого сердца просить о помощи против индейцев, а с ними были просто несколько тагносов, которых он тоже звал в погоню. Комендант же сперва пообещал помочь ему, а потом отказался от своих слов, и этим вызвано было странное поведение охотника.

Было и другое предположение, собравшее больше сторонников: что охотник наметил своей жертвой капитана Робладо. Всему причиной ревность. Ведь все знали, как под конец повел себя Карлос в день праздника, и немало смеялись над ним. Ну, а когда ему не удалось напасть на Робладо, он поспорил с комендантом... и так далее.

Эта догадка, хоть и не слишком похожая на правду, была подхвачена многими, так как неизвестно было, чем же на самом деле объяснялось поведение охотника. Только четыре человека в стенах крепости да трое вне ее знали настоящую причину. Все остальные о ней и не подозревали.

И все сходились в одном – единодушно осуждали Карлоса. Петля еще слишком хороша для него, и уж когда его схватят, он получит по заслугам! Всех возмущала его безграничная неблагодарность. Ведь только днем раньше эти самые офицеры со своими храбрыми солдатами оказали ему такую услугу, погнавшись за индейцами! Должно быть, он просто сошел с ума. Наверно, старуха-мать околдовала его.

Убить лейтенанта Гарсию! Всеобщего любимца! Проклятие!

Это была правда: лейтенанта любили все жители долины, быть может, не за какие-либо добродетели, а просто за то, что он совсем не походил на других офицеров. Он был приветлив, никому не приносил вреда, и все уважали его.

В этот вечер во всем Сан-Ильдефонсо у охотника не было ни единого друга. Впрочем, нет. Один друг у него был. Одно сердце было полно такой же любви к нему, как и прежде, – сердце Каталины, но и она не понимала, почему он вел себя так странно.

Но каковы бы ни были причины, она знала: Карлос не может быть неправ. Что ей вся клевета, все насмешки, которыми его осыпают! Что ей за дело, если он и убил человека! Он не сделал бы этого без серьезных оснований. Должно быть, ему нанесли какое-нибудь ужасное оскорбление. Каталина глубоко верила в это. Зная благородную душу Карлоса, она не могла думать иначе. Он – господин и повелитель ее сердца – не мог совершить ничего дурного.

Весть о случившемся едва не разбила сердце Каталины. Она означала разлуку – надолго, быть может, навсегда! Теперь Карлос не осмелится больше показаться в городе и вообще в Сан-Ильдефонсо. Его изгонят в прерии, будут преследовать, точно волка или свирепого бизона, быть может, схватят и убьют!.. Горьки были ее мысли. Когда теперь она увидит его? Быть может, никогда!

Глава XXXVI

Тем временем Вискаarra лежал на своем ложе и стонал не столько от боли, сколько от страха за свою жизнь.

Если бы не это, он был бы вне себя от ярости, но страх смерти вытеснил все остальные чувства.

Впрочем, если бы он был уверен в своем выздоровлении, он все равно не знал бы покоя. Его воображение было расстроено страшным сном и всем тем, что произошло после. Хотя его окружали солдаты, он все равно боялся охотника на бизонов: ему казалось, что Карлос может сделать все, что захочет, и потом уйдет безнаказанно. Даже в собственной комнате, со стражей у двери, Вискаarra не чувствовал себя в безопасности – рука мстителя может настигнуть его и здесь.

Теперь он, больше чем когда-либо, хотел избавиться от нее

– от той, которая была всему причиной, но он понимал, что дело это деликатное и осуществить его теперь труднее, чем когда-либо. Неизбежно узнают, почему Карлос так безрассудно покушался на его жизнь, слух об этом дойдет до высокого начальства, прикажут произвести расследование, а это его погубит, если только ему не удастся оградить себя от подозрений.

Так думал Вискаarra, надеясь выздороветь; когда же он начинал сомневаться в этом, мысли его становились еще мрачнее.

Он с нетерпением ждал прихода Робладо, который намекал ему на какую-то возможность все уладить. Воинственный капитан все еще обыскивал заросли. Но вот появился Гомес и доложил, что тот решил оставить поиски и возвращается в крепость.

Для Робладо же события этого дня были, напротив, скорее приятны; наблюдая за ним, всякий мог бы убедиться в этом. Что действительно огорчило его, так это рана коменданта: ведь она была не смертельна! Робладо был опытнее врача и прекрасно это знал. Они с Вискааррой были не столько друзьями, сколько сообщниками, – их связывало соучастие в преступлениях,

– и любой из них без сожаления порвал бы эту дружбу в ту самую минуту, когда оказалось бы, что порвать ее выгодно. Дружба эта не помешала Робладо от всей души сожалеть, что пуля не попала в его «друга» чуть повыше или чуть пониже – в голову или в горло. Сожаление объяснялось не злобой или ненавистью к коменданту, а попросту тем, что, случись это, он мог бы извлечь выгоду для себя. Робладо давно мечтал подняться выше по служебной лестнице. Он не отличался скромностью и лелеял надежду, что в один прекрасный день станет начальником крепости. Умри Вискаarra – и он тут же получит его пост. Но Вискаarre не суждено было умереть сейчас, и мысль об этом несколько омрачала радость Робладо.

Да, он радовался. Ведь он и Гарсия были врагами. Они с давних пор невзлюбили друг друга, завидовали друг другу, вот почему Робладо ничуть не жалел о смерти лейтенанта. Но сегодняшняя драма давала еще один повод для радости, повод самый существенный, больше всего отвечавший желаниям и надеждам Робладо.

Хотя попытки охотника на бизонов завоевать благосклонность Каталины казались попросту нелепыми, все, что за последнее время узнал Робладо, пробудило в нем ревность. Мало того, он был сильно встревожен. Странная девушка эта Каталина де Крусес, она не раз проявляла редкостную твердость характера – такую не купишь и не продашь, как тюк товара. В последнее время она дала им – отцу и Робладо – хороший урок. Она топнула ножкой и пригрозила, что уйдет в монастырь, в могилу, если ее станут неволить. Она не отказала Робладо, то есть не отказала прямо, но она настаивала на отсрочке, на праве дать ответ, когда надумает сама, и дону Амбросио пришлось согласиться.

Неудивительно, что капитана одолевало беспокойство. Не то чтобы он ревновал ее, хотя по-своему он ее любил, и его самолюбие было уязвлено при мысли о таком сопернике, но он опасался решительного характера Каталины и боялся, что от него ускользнет ее великолепное приданое. Такая женщина пойдет на любое безумство. Она может и впрямь уйти в монастырь, а то и на Равнины с этим ничтожеством, с этим охотником на бизонов. Такая женщина вполне

способна на подобный шаг, это очень на нее похоже. Правда, в любом случае она не сможет захватить с собой свое состояние, но не все ли равно? Ведь ему-то, Робладо, оно тогда не достанется.

Ну, а теперь нечего больше опасаться охотника на бизонов: после случившегося он капитану уже не соперник. Жизнь его под угрозой. Он не только не сможет встретиться с Каталиной, он не отважится даже показаться в поселении. За этим будут неусыпно следить. И Робладо радовался при мысли о том, как он будет преследовать своего соперника, поймает его и расправится с ним.

Так думал бессердечный капитан – вот почему ему доставили удовольствие события этого дня.

Обшарив заросли и проследив за предполагаемыми индейцами до самого плоскогорья, он возвратился со своими уланами в крепость, чтобы подготовиться к более длительной погоне за беглецом.

Глава XXXVII

Приход Робладо успокоил Вискарру, которого терзали бессильная злоба и страх смерти.

Разумеется, разговор шел о последнем событии – Робладо рассказал о погоне.

– И вы действительно думаете, что с этим охотником был отряд дикарей? – спросил комендант.

– Нет, – ответил Робладо. – Сперва я так думал, вернее – солдаты так думали, и их доклады меня ввели в заблуждение. А теперь я уверен, что это были не индейские воины, а его друзья тагносы. Выходит, отец Хоакин был прав – у охотника на бизонов подозрительные знакомства. Мы давно уже могли арестовать его, это был вполне подходящий повод. Ну, а теперь нам и повода не надо. Он наш, если только мы его поймаем.

– Как вы думаете действовать?

– Ну конечно, он не так-то легко дастся нам в руки. Придется порядком потрудиться, прежде чем мы его схватим. Я вернулся снарядить людей, чтобы можно было подольше не возвращаться. Негодяи выехали из долины верхней дорогой и, наверно, направились в горы. Так и Гомес думает. Мы последуем за ними и попытаемся их нагнать. Нужно немедленно сообщить во все ближайшие поселения, чтобы Карлоса схватили, если он там появится. Только едва ли он это сделает.

– Почему вы так думаете?

– Почему? Да ведь старая-то ведьма, оказывается, жива! К тому же он надеется найти сестру и, уж конечно, будет рыскать вокруг Сан-Ильдефонсо.

– Ага! Вы правы, так оно и есть. Он ни за что не оставит мать в покое, пока она...

– Тем лучше. Тем скорее нам подвернется случай его захватить. Хотя это будет совсем не так легко, дорогой полковник, поверьте мне. Он осторожнее волка, а за его чертовым конем наш гарнизон не угонится. Парня надо заманить в ловушку, иначе его не поймать.

– И вы придумали ловушку?

– Кое-что есть у меня на уме.

– Что же?

– Видите, я уже говорил вам – у Карлоса есть причина рыскать здесь, неподалеку. Разок-другой он, наверно, навестит старую ведьму, но не больше. Другая приманка была бы вернее.

– Вы имеете в виду ее? – Вискаarra указал на комнату, в которой заперли Роситу.

– Да. Говорят, он до глупости привязан к сестре. Так вот, если бы она находилась в таком месте, куда он мог бы прийти, ручаюсь вам, он навестил бы ее. А мы устроили бы там засаду.

– В каком месте? Где? – нетерпеливо спросил Вискаarra.

– Где-нибудь поблизости от их родного ранчо. Там уж ей найдут пристанище. Если вы согласитесь ее отпустить на время, вы легко вернете ее после – вам никто не помешает, когда мы разделаемся с этим Карлосом.

– Соглашусь ли я? Да ведь я только этого и хочу! Пока она здесь, мне не будет покоя. Нам с вами обоим грозит беда, если пойдут толки. Ведь если слух дойдет кое-куда, мы пропали. Разве не так?

– Да, пожалуй, тут вы отчасти правы. О смерти Гарсии нельзя не доложить, а когда узнают, начнут доискиваться причин. Нам надо сочинить собственную версию, и как можно более правдоподобную. На нас не должно пасть и тени подозрения, нельзя дать никакого повода для толков, так что хорошо сейчас спровадить ее.

– Но как спровадить? Вот что меня беспокоит. Если мы отправим ее домой, это вызовет еще больше подозрений. Как это объяснить? Не могут же индейцы ее вернуть! Вы говорили, у вас есть какой-то план?

– Думаю, что есть. Но сперва объясните мне, полковник, что вы имели ввиду, когда называли ее сумасшедшей?

– Она помешалась. Она и теперь сумасшедшая. Мне Хосе сказал: мелет всякую чепуху, не понимает, что ей говорят. Я просто в ужасе, Робладо!

– Она не понимает, что ей говорят?

– Уверен.

– Тем лучше. Значит, не запомнит, где она сейчас и где была. Теперь я знаю, как от нее избавиться. Нет ничего проще. Она вернется домой и скажет, что была в плену и индейцев, если будет способна говорить. Ну как, удовлетворит вас это?

– Еще бы! Но как это устроить?

– Очень просто, дорогой комендант. Вот послушайте. Гомес и Хосе, как и в тот раз, нарядятся индейцами и сегодня ночью или завтра на рассвете увезут ее отсюда, а куда – это я им укажу. Куда-нибудь в горы. Дальше или ближе – не имеет значения. Утром их всех найдут, причем девушка будет связана, точно пленница. А если к тому времени рассудок к ней вернется и она сама тоже вообразит, что она их пленница, – еще лучше. Ну вот, я с солдатами преследую Карлоса и случайно наталкиваюсь на этих индейцев. Можно выстрелить по ним разок-другой на безопасном расстоянии, чтобы никого не задеть. Они удирают, бросив пленницу, мы ее спасаем и привозим обратно в город, а там уж мы ее сбудем с рук. Хаха-ха! Как вам нравится моя выдумка, полковник?

– Великолепно! – ответил Вискаarra. Предвкушая осуществление этого плана, он, видимо, успокоился.

– Да это самого черта собьет с толку. Мы не только отведем от себя подозрения, но и прибавим себе славы. Как же! Удачная операция против дикарей! Вызволили пленницу! Возвратили ее родным! И кого же? Сестру того самого человека, который покушался на вашу жизнь! Поверьте, комендант, даже сам охотник, если это может вас порадовать, будет одурачен. Если только она сумеет связать два слова, она поклянется, что все время была в плену у дикарей. Даже своему брату она повторит эту чепуху.

– Превосходный план! Надо все это сделать сегодня же ночью.

– Ну конечно! Как только солдаты разойдутся по казармам, Гомес может выехать с нею отсюда. Гоняться за Карлосом я сегодня не стану – говоря по совести, не вижу в этом смысла. У нас одна возможность его захватить: расставить ему западню, девушка будет приманкой. Потом мы это устроим, вы можете больше не тревожиться. Завтра в полдень я явлюсь к вам с докладом: отчаянная схватка с хикариллами или ютами, несколько индейцев убито, освобождена пленница, солдаты доблестно сражались, рекомендую капрала такого-то повесить в чине, и так далее. – И капитан расхохотался.

Вискаarra вторил ему; пожалуй, он не стал бы смеяться, если бы Робладо не успел уверить его, что рана его не опасна и через недельку-другую совсем затянется.

Свои уверения Робладо подкрепил тем, что обозвал доктора олухом и наградил его еще другими бранными эпитетами. Вот почему, освободившись от страха неминуемой смерти и от другой терзавшей его мысли, Вискаarra вновь обрел душевное равновесие, которого был лишен за последние сутки. Теперь им безраздельно овладело другое желание – желание отомстить Карлосу.

Поздно вечером, как только отзвучала вечерняя зоря и солдаты разбрелись по казармам, небольшая группа всадников выехала из ворот крепости и направилась по дороге, ведущей в горы. Всадников было трое. В одном из них, закутанном с головы до ног и сидящем на муле, можно было узнать женщину. Двое других в странном одеянии, причудливо разрисованные и украшенные перьями, походили на воинов-индейцев. Но то были не индейцы, а испанские солдаты, переряженные индейцами. Это сержант Гомес и улан Хосе увозили из крепости сестру охотника на бизонов.

Глава XXXVIII

Карлос уже достиг зарослей, а его преследователи еще только отъезжали от стен крепости. Гнаться за ним можно было, разумеется, лишь верхом, а на то, чтобы оседлать коней и взять оружие, требовалось время. Поэтому Карлос уже не боялся, что его нагонят, и не стал запутывать след. Он был уверен в своем скакуне и знал, что уйдет из-под носа у преследователей и ему незачем скрываться в зарослях.

Пробираясь к ожидавшим его друзьям, Карлос уже не думал больше о собственной безопасности и тревожился только о доне Хуане и его спутниках. Он вдруг понял, в каком трудном положении они оказались. Как им удастся ускользнуть?

Не успел он пересечь и половины открытого пространства, а беспокойство о друзьях уже заглушило в нем всякий страх за собственную жизнь, и он представлял себе, что надо сделать. Он не станет углубляться в заросли, а направится сразу к тропе, ведущей на Утес загубленной девушки. Уланы поскачут той же дорогой, а тем временем дон Хуан и тагносы успеют скрыться.

Карлос воспользовался бы этим планом, если бы он мог положиться на благоразумие дон Хуана, но он опасался так поступить. Дон Хуан горяч и не слишком дальновиден. Заметив, что за Карлосом погоня, он, конечно, сочтет своим долгом, как они условились, выйти с людьми из чащи, а именно этого Карлос и не хотел. Вот почему он помчался галопом прямо туда, где дон Хуан со своими спутниками, не слезая с коней, ждали его в засаде.

– Слава богу, с тобой ничего не случилось! – воскликнул дон Хуан. – Но они гонятся за тобой. Вон они скачут, и сколько их!

– Да, – ответил Карлос, бросив взгляд назад. – Но они очень отстают.

– Что же нам делать? – спросил дон Хуан. – Рассеяться в кустах или держаться всем вместе? Ведь они скоро будут здесь.

Карлос задумался и ответил не сразу. У них было три более или менее верных возможности спастись: первая – рассеяться в зарослях, как предлагал дон Хуан; вторая

– держаться всем вместе и немедленно отступить той же дорогой, по которой они прискакали сюда, но только не показываясь на глаза преследователям; и, наконец, – не скрываться, появиться перед ними, а уж затем уходить той же дорогой. Вступить в бой при сложившихся обстоятельствах было бы безрассудно и бесполезно.

Охотник не привык долго раздумывать, он взвесил эти планы мгновенно. Первый он тотчас же отбросил. Рассеяться в чаще – значит, пойти на жертвы. Лес невелик, какие-нибудь две мили в ширину, хотя и вдвое больше в длину. Солдат здесь столько, что они легко могут окружить его, и они, конечно, не преминут это сделать. Заросли прочешут вдоль и поперек, переловят половину людей, сочтут их причастными к происшествию в крепости и сурово накажут, а то и просто застрелят на месте, несмотря на то, что нет никаких доказательств их вины.

Карлос применил бы второй план – попытался бы пробраться через заросли, не показавшись преследователям, но он опасался, что их настигнут до наступления ночи. Мулы под тагносами уже притомились, а у большинства солдат хорошие, быстрые кони. Если бы не это, всем им удалось бы скрыться незамеченными, и тогда дон Хуан и его люди не навлекли бы на себя подозрения в соучастии. а это было бы так важно для будущего... И, однако, о втором плане нечего было и думать. Карлос принял третий.

На эти размышления у охотника ушло вдвое меньше времени, чем у вас на то, чтобы прочесть о них. Не прошло и нескольких секунд, как Карлос ответил дону Хуану, возвысив голос настолько, чтобы его слышали и все остальные. Его ответ был приказом:

– Все до одного – вперед через заросли! Высуньтесь из кустов, но чтобы видны были только головы, плечи и луки. Испустите боевой клич! Тут же поворачивайте назад и рассейтесь во все стороны! За мной!

Наскоро отдав эти распоряжения, Карлос ринулся в заросли и вскоре вынырнул у опушки. Почти одновременно, вытянувшись в неровную линию, показались тагносы; с одной стороны их охранял дон Хуан, с другой – Антонио. Размахивая над головой луками, они испустили воинственный боевой клич, словно и в самом деле были дикими индейцами.

Даже на небольшом расстоянии лишь наметанный глаз мог заметить, что это индейцы – тагносы, а не дикие воины. Головы почти у всех были обнажены, длинные волосы развевались на ветру; по внешнему виду они и впрямь мало чем отличались от своих соплеменников из прерий. У всех были луки – оружие, которым и до сих пор пользуются мирные индейцы, если уже дело доходит до боя, и их боевой клич звучал не менее грозно, чем клич некоторых племен, называемых обычно «воинственными», «дикими». Многие из спутников Карлоса еще не так давно принимали участие в сражениях. Многие лишь совсем недавно стали мирными тружениками.

Их появление произвело именно тот эффект, на какой и рассчитывал охотник на бизонов. Солдаты неслись вперед беспорядочными кучками, некоторые были уже на расстоянии трехсот шагов от зарослей; теперь от неожиданности они осадили лошадей. Передние тотчас повернули бы обратно, если бы не увидели, что новый большой отряд улан выезжает из крепости.

Преследователи растерялись. Они были уверены, что в зарослях дикие индейцы и что их там несметное множество. Их уверенность подкреплялась событиями последнего времени

– ведь солдаты верили, что все эти дни они как раз и гонялись за дикарями. И вот теперь те сами напали на них! Вот почему уланы остановились на равнине, ожидая подкрепления.

Карлос предвидел такое действие своей уловки. Он приказал своим товарищам без шума отойти назад, под прикрытие кустов; и вскоре все они собрались в том самом месте, где недавно стояли в засаде.

Теперь их повел через заросли Антонио – только не к Утесу загубленной девушки, а тропой, которая вела к другому подъему на плоскогорье. Когда они, отъехав на добрые три мили от своей засады, пробирались среди скал наверх, издали они увидели заросли и раскинувшуюся позади долину. На открытом пространстве перед зарослями все еще разъезжали храбрые солдаты; они так и не решились проникнуть в чащу, где, как они думали, притаились свирепые дикари.

Карлос и его спутники поднялись на плоскогорье, круто повернули на север и направились к ущелью, которое было примерно в десяти милях отсюда; однако, пока они пересекали прерию, позади не показался ни один преследователь.

Ущелье тянулось на восток и выходило к нижнему течению Пекоса. Это было русло потока, наполнявшееся водой только в дождливую пору, а теперь совсем пересохшее. Дно устилала мелкая галька, на которой почти нельзя различить следов: лошади лишь смещают камешки, не оставляя знаков, которые может прочесть следопыт. Здесь старые отпечатки невозможно отличить от новых.

Карлос и его спутники спустились в ущелье; они проехали миль пять-шесть вниз по пересохшему руслу и сделали привал. Привал был нужен Карлосу для того, чтобы рассказать остальным, как им действовать дальше; у него был план, который он тщательно продумал за последние час-два.

До сих пор никто из них, кроме него самого, не был скомпрометирован, и он вовсе не хотел, чтобы это случилось. Это могло ему только повредить. Дон Хуан и Антонио не показывались из зарослей, а темные лица остальных, промелькнувших на мгновение за кустами куманики, испуганные солдаты, конечно не могли узнать. Поэтому, если дон Хуан и его пеоны вернутся домой незамеченными, для них все может закончиться благополучно. Это вполне

возможно. Снаряжая свой отряд, Карлос действовал с большой осторожностью. Они выехали в тот ранний час, когда люди еще спят, и никто их не видел. А до того как распространился слух о происшествии в крепости, никто в долине не знал даже, что охотник на бизонов возвратился. Никто не видел, когда разгружали его мулов, и пас их теперь один из пеонов далеко от ранчо. Таким образом, если бы солдаты до завтрашнего дня не появились в долине, дон Хуан и его пеоны успели бы вернуться ночью домой и приняться за свои повседневные дела, не возбудив ничьих подозрений. Разумеется, Робладо будет там утром, но вряд станет противиться его сватовству. В ту ночь сладостны были за ними, а эта дорога ведет в сторону, почти противоположную от дома дона Хуана. Солдатам Робладо понадобится по крайней мере целый день, чтобы следовать по всем ее извилинам. И, конечно, преследователи все равно не узнают, куда направились Карлос и его люди после привала, так как его новый план хоть кого собьет с толку.

В общем, было решено, что дон Хуан со своими пеонами возвратится домой; обратно на ранчо уйдут и пеоны Карлоса; они покроют дом новой крышей – только это и нужно было сделать после пожара, так как стены уцелели, – и останутся там, словно ничего не случилось. Не призовут же их к ответу за дела хозяина!

О том же, где укроется теперь сам Карлос, не должен знать никто, кроме одного-двух верных друзей. Он, конечно, сумеет найти себе пристанище. И в открытой прерии и в какой-нибудь пещере в горах он все равно что дома. Он обойдется и без крыши над головой. Звездное небо ему милее, чем раззолоченный потолок какого-нибудь дворца.

Тагносам велели хранить тайну. Обошлись без клятв. Тагносы

– люди не из болтливых, к тому же они знали, что их собственная безопасность, а может быть, и жизнь зависит от их молчания.

Наконец обо всем уговорились, но Карлос и его спутники задержались на привале почти до захода солнца. Потом все сели на коней и мулов и снова поскакали вниз по руслу.

Когда они отъехали примерно с милю, один из тагносов выбрался по склону из ущелья и направился через прерию к югу. Он должен был возвратиться в долину тропинкой, ведущей на окраину Сан-Ильдефонсо. Этой тропки он достигнет только к ночи, и, конечно, вряд ли кто-нибудь встретится ему: ведь вокруг рыщут «дикие» индейцы!

Немного спустя из ущелья выбрался второй тагнос и поехал в том же направлении, что и первый. Затем их примеру последовал еще один, потом еще и еще... и наконец в ущелье остались только дон Хуан, Антонио и Карлос. Тагносам велели добираться домой разными дорогами, а более сметливых направили самыми запутанными тропками. И вряд ли в крепости нашелся бы такой солдат, который мог бы их выследить.

Карлос и два его спутника покинули ущелье последними, тоже повернули вправо и въехали в долину Сан-Ильдефонсо у самого ее конца. Было уже совсем темно, но все трое хорошо знали дорогу и к полуночи достигли дома молодого скотовода.

Они не решились подъехать к дому, не произведя сначала разведки. Но оказалось, что все спокойно и солдаты здесь еще не появлялись.

Карлос поспешно обнял мать, рассказал о том, что произошло за день, дал кое-какие наставления дону Хуану и, вскочив в седло, простился с ними.

За ним следовал Антонио с мулом, навьюченным съестными припасами. Они выехали из долины и направились к Льяно Эстакадо.

Глава XXXIX

На следующий день опять произошло событие, взволновавшее жителей Сан-Ильдефонсо, и без того взбудораженных рядом необычайных происшествий.

Около полудня через город в крепость возвращались уланы, посланные на поиски убийцы – так теперь называли Карлоса. Никаких следов его они не нашли, но в предгорьях натолкнулись на большой отряд воинственных индейцев. Произошла отчаянная схватка, было убито много индейцев, но, как обычно, оставшиеся в живых ухитрились унести трупы

товарищей, вот почему солдаты возвратились без их скальпов. Однако они захватили гораздо более существенный трофей – молодую девушку, родом из Сан-Ильдефонсо, которую они вызволили из рук индейцев. Как полагает капитан Робладо, доблестный начальник экспедиции, это та самая девушка, которая была похищена несколько дней назад из ранчо в дальнем конце долины.

Капитан и несколько человек, находившихся при спасенной пленнице, остались на площади, остальные вернулись в крепость.

У Робладо были свои причины избрать именно этот путь, вовсе не самый короткий, и задержаться в городе. Прежде всего он хотел сдать свою подопечную местным властям. Затем пускай все горожане своими глазами увидят, что это он ее привез: ведь она – живое доказательство того, какой великий подвиг он совершил. И наконец, для него это удобный случай покрасоваться перед неким балконом.

Капитан осуществил все три своих намерения, но не все вышло так, как ему хотелось. Не умолкала труба, возвещающая о прибытии солдат, спасенная пленница находилась среди них на виду, и конь капитана Робладо – не без помощи острых шпор – гарцевал самым невероятным образом, но все понапрасну: Каталина на балкон не вышла. Ее не видно было среди конторщиков и слуг, и, когда гордый победитель отъехал от балкона, торжество на его лице сменилось угрюмым разочарованием.

Через несколько минут он спешил перед Домом капитула и передал девушку с рук на руки алькальду и другим отцам города. Эта церемония сопровождалась цветистой речью, в которой приводились некоторые потрясающие подробности спасения пленницы, выражено было сочувствие ее родителям, к т о б ы о н и н и б ы л и, а под конец оратор высказал предположение, что несчастная жертва, наверно, и есть та самая девушка, которую похитили индейцы несколько дней назад.

Все это выглядело как нельзя более правдоподобно и убедительно. Робладо, сдав свою подопечную алькальду, сел на коня и отъехал, сопровождаемый бурей восторгов; отцы города провожали его громкими славословиями, жители – рукоплесканиями и криками «viva».

– Да вознаградит вас Бог, капитан! – доносилось до его слуха, когда он выбирался из толпы.

Проницательный наблюдатель заметил бы в этот миг странное выражение, промелькнувшее в уголках глаз Робладо, – иронию и вместе с тем сильное желание рассмеяться. И действительно, доблестный капитан едва не расхохотался в лицо восторженной толпе. Он сдерживался лишь потому, что хотел насладиться шуткой вместе с комендантом – к нему он теперь спешил.

Но вернемся к пленнице.

Обступившая ее толпа жаждет удовлетворить свое любопытство. Как ни удивительно, но именно это чувство преобладает. Сочувствия почти незаметно, хотя при подобных обстоятельствах его следовало бы ожидать. Лишь очень немногие произносят: «Бедняжка!», и эти немногие – преимущественно бедные темнокожие туземки.

Хорошо одетые лавочники – испанские переселенцы и креолы, мужчины и женщины, – смотрят на девушку равнодушным взглядом или с любопытством зевак, жадных до чужой беды.

Такое равнодушие к чужому страданию вовсе несвойственно народу Новой Мексики – вернее, женщинам этой страны,

– ибо если мужчины там и жестоки, то женщины добры и отзывчивы.

Поведение их могло бы показаться странным, однако в данном случае для этого были основания. Они знали, кто такая эта спасенная девушка, знали, что она сестра охотника на бизонов – сестра Карлоса-убийцы! Это и заглушало в них лучшие чувства.

Карлос навлек на себя всеобщее негодование. Местные жители называли его не иначе, как злодеем, разбойником, неблагодарным. Каков негодяй! Убить славного лейтенанта, любимца всей округи! И что могло его толкнуть на это? Наверно, ссора из-за пустяков или ревность! В самом деле, что толкнуло его на это? Какая иная причина могла быть у этого дьявола, этого

белоголового еретика, если не жажда крови? Неблагодарный негодяй! Покушаться на жизнь доблестного коменданта, того самого коменданта, который не жалел сил и трудов, стараясь вырвать сестру убийцы из рук дикарей-индейцев!

И наконец комендант добился своего. Подумать только: вот она здесь, она возвратилась домой, живая и невредимая, благодаря коменданту. Ведь это он послал своего капитана и солдат разыскивать ее – сестру человека, который чуть не убил его. Дьявол! Убийца! Разбойник! Они рады бы увидеть его на виселице. Добрый католик никогда бы так не поступил, только грешник, еретик, кровожадный американец мог это сделать! Уж он получит по заслугам, когда его поймают!

Такие чувства волновали всех жителей долины за исключением бедных рабов – поработанных индейцев – и нескольких креолов. Впрочем, и они не одобряли поступков Карлоса, хотя в них силен был мятежный дух и они всем сердцем ненавидели испанский режим.

Неудивительно, что при таком отношении к охотнику на бизонов несчастная девушка, его сестра, вызывала так мало сочувствия.

Никто не сомневался в том, что освобожденная пленница

– его сестра, хотя лишь немногие из присутствующих знали их. Ее брат, такой знаменитый теперь, до праздника святого Иоанна был почти неизвестен горожанам. Он редко бывал в городе, а его сестра еще реже, и только очень немногие из стоявших здесь видели ее прежде. Но сходство было несомненное. Такие прелестные золотые волосы, белоснежную кожу, яркий румянец на щеках редко увидишь в Северной Мексике, хотя где-нибудь в другой части света они никого не удивят. А в объявлениях, расклеенных по стенам, описывались именно эти приметы «убийцы». Разумеется, это его сестра. К тому же здесь были люди, видевшие Роситу на празднике, где ее красота вызвала не только восхищение, но и зависть.

Росита была, как всегда, прекрасна, только румянец на ее щеках поблек и какое-то странное, дикое выражение появилось во взоре. На обращенные к ней вопросы она либо не отвечала совсем, либо что-то невнятно бормотала. Она сидела молча: лишь порой у нее вырывались какие-то бессвязные, странные возгласы; несколько раз она повторила слова «индейцы» и «дикари».

– Она помешалась, – говорили люди друг другу. – Ей кажется, что она все еще у дикарей.

Возможно, что так оно и было. Конечно, ее окружали не друзья.

Алькальд спросил, нет ли среди присутствующих ее родных или знакомых, кому он мог бы ее доверить.

Из толпы вышла какая-то простая девушка, которая только что здесь появилась: она знает бедняжку; она позаботится о ней и проводит домой.

Вместе с этой девушкой была индианка, вернее – метиска, по-видимому, ее мать. Они увели спасенную пленницу. Вскоре все разошлись по домам и занялись своими обычными делами.

Росита и спутницы свернули в узкую улочку, прорезавшую предместье, где ютилась беднота, миновали ее и оказались за пределами города. Затем, пройдя несколько сот ярдов по глухой тропинке в зарослях, они вышли к небольшому заброшенному ранчо и там скрылись. А через несколько минут к дверям подъехала повозка, запряженная волами, которыми правил пеон.

Девушка вышла из дому, ведя Роситу за руку, и обе сели в повозку.

Они уселись на охапку сена, брошенную на дно повозки, и пеон погнал волов. Выехав из зарослей, повозка покатила по большой дороге, ведущей к последним фермам на краю долины.

Девушка смотрела на Роситу жалостливым взглядом; она помогала ей поудобнее устроиться, чтобы та как можно меньше страдала от тряски; она подбадривала ее ласковыми словами, однако говорила с нею не как с подругой или старой знакомой. Ясно было, что эта девушка никогда раньше не видела Роситу.

Когда они проезжали по глухому участку дороги, примерно в миле от города, позади показался быстро скачущий всадник. Через несколько минут он уже нагнал их. Под всадником

красовался великолепный мустанг; сразу видно было, что этого коня берегут и холят – он был резвый и игривый, а бока его так и лоснились.

Всадник подъехал к повозке и велел пеону остановиться; мелодичный голос сразу же выдал во всаднике женщину, а нежные щеки, шелковистые волосы и тонкие черты лица свидетельствовали о том, что это настоящая сеньорита. Неудивительно, что на расстоянии ее можно было принять за мужчину: на плечи было накинуто простое серапе, широкие поля сомбреро почти совсем скрыли черные блестящие волосы, и сидела она в седле по-мужски, как заправский наездник-мексиканец.

– Это вы, сеньорита? – удивленно и вместе с тем почтительно сказала девушка в повозке.

– А ты не узнала меня, Хосефа?

– Нет, сеньорита. Ох, горе мне! Где же вас узнать, когда вы так нарядились?

– А как нарядилась? Самый обыкновенный костюм!

– Конечно, сеньорита, только не для такой важной сеньоры, как вы!

– Да, видно, меня никак нельзя узнать в этом наряде. Я встретила нескольких знакомых, и они мне не поклонились! – Всадница засмеялась. – Бедняжка!..

– продолжала она, вдруг изменив тон и сочувственно глядя на спутницу Хосефы. – Сколько ей пришлось выстрадать! Бедная девочка! Боюсь, что мне сказали правду. Святая дева! Как похожа...

Сеньорита не договорила. Позабыв о присутствии Хосефы и пеона, она высказала вслух свои мысли. Последние слова невольно сорвались с ее уст.

Спохватившись, она испытующе посмотрела на них обоих. Пеон был занят волами, зато лицо девушки загорелось любопытством.

– На кого похожа, сеньорита? – спросила она простодушно.

– На одного моего знакомого. Это не имеет значения, Хосефа. – Сеньорита поднесла палец к губам и многозначительно посмотрела в сторону пеона.

Хосефа, которая знала ее тайну и догадывалась, кто этот знакомый, промолчала.

Сеньорита подъехала ближе к повозке со стороны, где сидела Хосефа, и, наклонившись к ней, прошептала:

– Оставайся там до утра, все равно ты не успеешь вернуться засветло. Останься – может быть, ты что-нибудь услышишь. Приходи пораньше, но не домой, а к заутрене. Смотри, не опоздай. Я буду в церкви. Постарайся увидеться с Антонио. Отдай ему вот это. – Алмаз на золотом кольце сверкнул на мгновение в пальцах сеньориты, и тотчас Хосефа зажала его в руке. – Скажи ему, для кого, а кто послал – это ему незачем знать. Вот тебе деньги на расходы и еще немного, чтобы дать ей. Нет, лучше дай ее матери, если только она согласится принять.

На колени Хосефы упал кошелек.

– Разузнай что-нибудь. Разузнай, милая Хосефа!.. До свидания! До свидания!

Последние слова сеньорита произнесла второпях; повернув своего лоснящегося мустанга, она поскакала обратно к городу.

Она могла не сомневаться, что Хосефа последует ее наставлениям остаться там до утра – девушка была не меньше, чем сама сеньорита, заинтересована в этой поездке.

Хорошенькая Хосефа была невестой метиса Антонио, и удалось бы ей увидеть его или нет, она не собиралась торопиться домой. Если она увидит его, тем приятнее будет задержаться на ранчо; если же нет, она задержится в надежде на встречу.

Простая повозка, казалось, вдруг превратилась в прекрасный экипаж с рессорами и бархатными подушками – Хосефа слышала, что есть такие, хотя никогда их не видела: ведь в руках у нее кошелек, полный монет, шестой части которых хватит на все расходы, и ей предстоит встретиться с Антонио!

Сердобольная девушка перетряхнула сено, положила голову Роситы себе на колени, укрыла ее своей шалью, чтобы не пронизывала вечерняя сырость, и велела пеону трогать. Тот громко крикнул на волов, ткнул их стрекалом, и они снова потащили повозку по пыльной дороге.

Глава XL

Ходить к заутрене – для мексиканских сеньор модный обычай, особенно для тех из них, которые живут в больших и маленьких городах. Только забрезжит рассвет

– и они выходят из широких дверей своих домов и спешат по городским улицам к церкви, где оглушительно звонит колокол. Сеньоры закутаны (богатые – в шелковые шарфы и мантильи, а кто победнее – в скромные аспидно-черные шали) так плотно, что их невозможно узнать. Каждая держит под складками переплетенную книжечку – молитвенник.

Последуем за ними в храм и посмотрим, что там происходит.

Если вы опоздаете к началу и, войдя, встанете у двери, то увидите несколько сот коленопреклоненных людей – вернее сказать, увидите их спины.

Спины эти отнюдь не одинаковы – так же, как не бывает одинаковых лиц. Они самых различных очертаний, размеров, цвета и общественного положения. Вы заметите здесь спины сеньор в мантильях; иные позволили этому элегантному одеянию соскользнуть на плечи, тогда как у других голова совсем скрыта под ним, – вот вам уже два разных стиля. Увидите вы здесь и спины миловидных простолюдинок с грациозно перекинутым назад концом шали, повисшей без намека на изящество и, может быть, не совсем даже чистой. Вы разглядите и спину лавочника, едва прикрытую короткой холщовой курткой; спину водовоза, обтянутую поношенным кожаным камзолом; спину щеголя, задрапированного в мягкий нарядный шерстяной плащ; и рваное серапе бедняка, городского парии. Перед вами предстанут спины широкие и узкие, прямые и сутулые; не исключена возможность, что вы увидите и один-два горба, особенно в церкви большого города. Но в какую мексиканскую церковь вы не зашли бы во время богослужения, я обещаю вам, что вы узрите всевозможнейшие спины. Однако они не будут расположены в каком-либо порядке, отнюдь нет. Спина сеньоры в мантилье может оказаться втиснутой меж двух грубых, засаленных шалей, а спина одетого в полосатое или в крапинках серапе бедняка окажется рядом с великолепным шерстяным плащом какого-нибудь франта. Я не несу ответственности за размещение всех этих спин, обещаю вам только большое их число и разнообразие.

Единственное лицо, которое, скорее всего, будет обращено к ним, – это бритая физиономия тучного патера, облаченного в полотняную сутану. Когда-то она, несомненно, была белой и чистой, но теперь у нее такой вид, словно ее кинули в корзину для грязного белья, но по какому-то недоразумению вернули, так и не выстирав. Патер столь же мало похож на праведника, как и самый закоренелый грешник его паствы. Вот он мечется по небольшому возвышению то с жезлом, то с кадилом курящегося ладана, а вот он взял и куколку – изваяние святого. Вы услышите какуюто тарабарщину из скверной латыни, которую он бормочет во время этого представления. В эти минуты вы непременно вспомните игру мистера Робина или пьесу «Великий маг», если вам довелось их посмотреть.

Вскоре до вас донесется позвякивание колокольчика, которое удивительно преобразит все эти спины. Ненадолго вы увидите их в самом странном положении – не в вертикальном, как надлежит быть спинам, а сникнувшими и скособочившимися. Пока они будут отдыхать, возможно, мелькнет и лицо, но только в профиль, и если оно красиво, то заставит вас забыть о спине. Впрочем, тогда перед вами будет уже не спина, а скорее бок. Быть может, профиль поразит вас красотой, но, уж наверно, не набожным выражением. Вы заметите глаз, посматривающий кокетливо и лукаво, а если вы наблюдательны, то увидите и другой профиль, более грубо очерченный, к которому эти кокетливые, лукавые взгляды обращены. Это происходит в те минуты, когда спины, отдыхая, обвисают. Как они добиваются такой позы, вам покажется загадкой, анатомической головоломкой, а между тем это очень просто. Такое положение легко дается тому, кто знает, как это делается: стоит только перенести опору с колен на бедра. Немудрено, что вы изумились, ибо, замаскированная мантильями, шарфами, шальями и юбками, эта хитрость продлевается весьма искусно.

Но вот зазвонил колокольчик – и спины снова выпрямились. Для этих богомольцев его звон то же самое, что для солдат команда «смирно». Как только он звякнет, спины,

подтянувшись, мгновенно становятся на несколько дюймов выше. Патер еще раз бормочет молитву пресвятой деве и «Отче наш» и разыгрывает еще одну пантомиму, а спины остаются тем временем застывшими в неподвижности. И вдруг они снова укорачиваются, как прежде, мелькают профили, они обмениваются кивками и лукавыми взглядами, и так до тех пор, пока опять не зазвонит колокольчик. Тут патер начинает третий тур представления, за ним следует четвертый и так далее, пока богослужение не закончится.

Каждое утро, еще задолго до завтрака, повторяется в мексиканской церкви это смехотворное коленопреклонение и бормотанье молитв. Заняты этим и мужчины и женщины, хотя среди представительниц слабого пола богомолки гораздо больше, и в числе ревностных молеющих много сеньор местного высшего света.

Что же заставляет всех этих людей вставать с постели в столь ранний час, дрожать от холода на улицах и мерзнуть в церкви? Что это – вера или суеверие? Благочестие или ханжество? Разумеется, многие из этих глупцов и в самом деле верят, что все это угодно Богу: они механически преклоняют колени и твердят молитвы, а за это на них снизойдет милость Господня. Однако среди самых ревностных посетителей заутрени, безусловно, много и таких, которых волнуют совсем иные чувства. В стране, где мужчины ревнивы, женщины особенно предприимчивы и хитры, этот ранний час – для них золотая пора. Ведь только на редкость ревнивый страж решится в эти холодные часы встать с постели.

Дождитесь конца представления у дверей храма. Там стоит большая чаша святой воды. Выходя из церкви, каждый погружает руку в эту чашу и окропляет себя водой. Вот маленькая, вся в кольцах рука на мгновение окунает кончики пальцев в сосуд – и тут же ловко передает любовную записку кавалеру в плаще. Возможно, вы увидите, как богатая сеньора, тщательно закутанная в серапе, уходит из церкви в направлении, противоположном тому, откуда она пришла. Ну, а если вы столь любопытны, что пренебрежете приличиями и последуете за ней, то, пожалуй, окажетесь свидетелем запретного свидания в глухом переулке или где-нибудь в тополевой аллее.

Утро в мексиканском городе столь же богато приключениями, как и ночь.

Едва лишь колокол церкви Сан-Ильдефонсо стал сзывать к заутрени, из ворот одного из самых больших и богатых домов города выскользнула женщина. Рассвет чуть брезжил; женщина была закутана с головы до пят, однако ее высокая, стройная фигура, достоинство и грация осанки, легкая горделивая походка выдавали важную сеньору. Подойдя к церкви, она остановилась и огляделась по сторонам. Лицо ее скрывали складки низко опущенной мантильи, но по тому, как она стояла, как поворачивала голову то вправо, то влево, ясно было, что она пристально вглядывалась в богомольцев, которые, словно тени, приближались в предрассветном сумраке. Она, несомненно, ждала кого-то и, судя по нетерпеливому взору, каким она окидывала каждого появлявшегося на площади, тот, кого она ждала, был ей очень нужен.

Наконец к церкви подошел последний богомолец. Оставаться дольше на улице не имело смысла. С видимым разочарованием сеньорита проскользнула через портал и исчезла за дверью. Еще мгновение – и она уже стояла на коленях перед алтарем, повторяя слова молитвы и перебирая четки.

Но не она последней вошла в церковь; вскоре появилась еще одна прихожанка. Когда сеньорита уже входила в храм, на дальний угол площади выехала повозка и там остановилась. С повозки соскочила молодая девушка; быстро перебежав через площадь, она прошла в портал. На вновь пришедшей была пунцовая юбка, вышитая кофточка и шаль, – так одевается в этих краях беднота, простонародье. Девушка была простая крестьянка.

Она вошла в церковь, но, прежде чем опуститься на колени, внимательно оглядела ряды спин. На одной из них, окутанной мантилей, взгляд ее задержался. Она узнала ту самую сеньориту, о которой мы говорили. Девушка, видимо, успокоилась; проскользнув меж спин, она опустила на колени рядом с сеньоритой так близко, что их локти почти соприкасались.

Она проделала все это совсем бесшумно, и сеньорита не заметила свою новую соседку, лишь легкий толчок в локоть заставил ее поднять голову и оглянуться. Лицо ее осветилось

радостью, однако губы продолжали твердить молитву, словно ничего не произошло.

Но вот раздался сигнал, возвещающий, что можно немного отдохнуть, и две коленопреклоненные фигуры – сеньорита и простолюдинка – склонились друг к другу; руки их сблизились. Еще мгновение – и из-под шали показалась маленькая коричневая рука, из-под мантильи

– нежные белые пальцы, унизанные кольцами.

Словно сговорившись, они коснулись друг друга, и хотя это длилось едва полсекунды, тонкий наблюдатель мог бы заметить, как из одной руки в другую – из коричневых пальцев в белые – проскользнула свернутая трубочкой бумажка. Но поистине лишь тонкий наблюдатель заметил бы этот маневр – он был проделан так ловко, что никто из стоящих на коленях впереди или сзади не увидел ничего предосудительного.

Обе руки тут же скрылись под накидками; прозвенел колокольчик, сеньорита и крестьянка снова выпрямились и с самым благочестивым видом стали повторять слова молитвы.

Но вот служба кончилась. Окропляя себя святой водой, девушки торопливо перекинулись несколькими словами; но вышли они из церкви врозь и разошлись в разные стороны. Крестьянка быстро пересекла площадь и скрылась в узкой улочке. Сеньорита горделивой поступью направилась к своему дому; лицо ее сияло радостью.

Она вошла в дом и поспешила в свою комнату. Развернув маленький листок бумаги, она прочитала:

«Дорогая Каталина! Вы сделали меня счастливым. Лишь час назад я был самым несчастным человеком на свете. Я потерял сестру и думал, что лишился вашего уважения. Мне возвращено и то и другое. Сестра моя со мной, а драгоценный камень, сверкающий у меня на пальце, говорит о том, что даже клеветы не удалось отнять у меня вашу дружбу, вашу любовь. Вы не считаете меня убийцей. Да, я не убийца, я – мститель. Вы узнаете обо всем. Об ужасном заговоре, жертвами которого стали я и мои родные. Жестокость этого заговора так чудовищна, что он кажется невероятным. Да, я стал его жертвой. Я больше не могу показаться в Сан-Ильдефонсо. Отныне меня будут травить, как волка, и если схватят, то расправятся со мной, как с волком. Но теперь, когда я знаю, что вы не заодно с моими врагами, мне ничего не страшно.

Если бы не вы, я ушел бы далеко отсюда. Но с вами я не в силах расстаться. Лучше я буду ежечасно рисковать жизнью, чем покину места, где вы живете, – ведь вы мне дороже всех на свете!

Сколько раз я осыпал поцелуями ваше кольцо! Этот залог любви у меня отнимут лишь вместе с жизнью.

Враги гонятся за мной, как ищейки, но я не боюсь их. Мой славный конь всегда при мне, а с ним я могу смеяться над своими трусливыми преследователями. Но я должен во что бы то ни стало еще раз прийти в город. Я должен увидеть вас, дорогая. Должен сказать вам то, чего нельзя доверить бумаге. Не откажите мне! Я приду на старое место, чтобы увидеться с вами, завтра в полночь. Не откажите, дорогая, любимая! Мне надо объяснить вам многое такое, что очень важно, и я могу это сказать только с глазу на глаз. Вы увидите, что я не убийца, что я попрежнему достоин вашей любви.

Спасибо! Спасибо за вашу доброту к моей бедной маленькой сестренке! Бог даст, она скоро поправится. До свиданья, моя любимая! К. «Прочитав записку, прекрасная Каталина поднесла ее к губам и пылко поцеловала.

– Достоин моей любви! – прошептала она. – Да, он достоин любви королевы! Отважный, благородный Карлос!

Она снова поцеловала листок и, спрятав его на груди, неслышно вышла из комнаты.

Глава XLI

Желание Вискарры отомстить Карлосу возрастало с каждым часом. Недолго длилась радость, охватившая его, когда он избавился от страха смерти. Так же недолго радовался он,

избавившись от беспокойства из-за пленницы. Его терзало совсем иное чувство. Превыше всего он ценил свою красоту – и теперь лишился ее. Он обезображен на всю жизнь!

Когда он увидел свое лицо в зеркале, сердце его запылало, как горящий уголь. И хотя он был трусом, он почти пожалел, что его не убили на месте.

Он потерял несколько зубов, но зубы можно вставить новые, а вот щека непоправимо изуродована. Пуля вырвала кусок мяса. Здесь будет отвратительный шрам, который останется навсегда.

Ужасен был вид Вискарры. Ужасны были его мысли. Глядя на то, что сделал с его лицом охотник на бизонов, он громко стонал. Он клялся отомстить. Пусть только Карлоса поймают – пытки и смерть ждут его! Смерть ему и его родным!

Порой Вискаarra даже раскаивался, что отослал сестру охотника. Зачем он испугался последствий? Зачем не отомстил, убив ее? Он уже не любит эту девчонку. Ее язвительный смех до сих пор гложет его сердце. Она была причиной всех его страданий

– страданий, которые прекратятся только с его жизнью, – причиной горечи и унижений, от которых он не избавится до конца своих дней! Почему он ее не убил? Это была бы сладостная месть ее брату, едва ли не лучшая награда за пережитое.

Терзаемый этими мыслями, Вискаarra метался на своем ложе, стонал в тоске и отвратительно ругался.

Карлоса надо поймать. Он, Вискаarra, всеми силами будет добиваться этого. И надо схватить его живым. Незачем торопиться с наказанием. Конечно, Карлос умрет, но смерть не должна прийти мгновенно. Нет, Вискаarre будут примером дикари прерий. Охотник на бизонов умрет так, как умирают пленные у индейцев: его привяжут к столбу и сожгут. Вискаarra клялся в этом.

А потом – его мать. Ее считают колдуньей. С ней и надо расправиться так, как расправляются с колдуньями. В этом случае ему не придется действовать одному. Уж конечно, отцы иезуиты поддержат его. Они охотно идут на такие фантастические жестокости.

А когда сестра Карлоса останется одна на свете, за нее некому будет вступить. Она окажется всецело в его власти. Он поступит с ней, как ему вздумается,

– ему никто не станет мешать... Не любовь говорила в нем, а желание отомстить.

Вот какие дьявольские замыслы проносились в голове этого презренного негодяя.

Не меньше жаждал смерти охотника на бизонов и Робладо. Его самолюбию был также нанесен удар: он больше не сомневался в том, что Каталина серьезно увлечена этим человеком, а, быть может, их уже связывает взаимная любовь и согласие. Робладо навестил ее как-то после трагического случая в крепости. Он заметил, что она держала себя совсем не так, как прежде. Теперь, когда «убийца» был так безнадежно опозорен, капитан надеялся восторжествовать над ним. Однако, хотя Каталина и не сказала ничего в защиту Карлоса – разумеется, она не смела, – она в то же время не поддержала и противную сторону и никак не показала, что возмущена его поступком. Оскорбительные эпитеты Робладо, присоединенные к тем, которыми, не скупясь, осыпал Карлоса ее отец, казалось, причиняли ей боль. Несомненно, она вступилась бы за него, если бы осмелилась.

Робладо заметил все это во время своего утреннего визита.

Но гораздо больше он узнал о ее поведении через свою шпионку. Одна из служанок Каталины, Висенса, почему-то невзлюбила свою госпожу, предала ее и с некоторых пор сделалась пособницей своего поклонника – военного. Немного золота, посулы, да еще солдатвозлюбленный – это был Хосе, – и Висенса стала послушным орудием Робладо. Через Хосе он получал сведения о Каталине, а та ничего и не подозревала. И хотя эта система шпионажа была установлена лишь недавно, она уже принесла плоды. Робладо узнал, что Каталина ненавидит его и любит кого-то другого. Кто этот другой – Висенса не знала, но Робладо догадался без труда.

Неудивительно, что он желал смерти Карлоса, охотника на бизонов. Он жаждал его смерти не меньше, чем Вискаarra.

Оба из кожи вон лезли, чтобы добиться своего. Во все стороны на розыски были посланы

отряды солдат. На стенах города расклеили объявления – плод совместного творчества коменданта и его капитана, – в которых было написано, что за голову Карлоса назначена немалая награда; еще большую сумму обещали тому, кто приведет его живым.

Не остались в стороне и местные граждане: в доказательство лояльности и усердия они тоже сочинили объявление, сообщая, что жертвуют крупную сумму, целое состояние, человеку, которому посчастливится поймать Карлоса. Объявление подписали все именитые люди города, и имя дона Амбросио красовалось одним из первых. Поговаривали даже о том, чтобы собрать добровольцев, которые уж постараются помочь солдатам, преследующим еретика-убийцу, а вернее – заработать большие деньги, назначенные за его поимку.

Вот уж действительно загадка, долго ли проживет Карлос, когда голова его оценена так высоко!

Робладо, сидя дома, обдумывал, как поймать беглеца. Он уже разослал по долине своих самых надежных шпионов и велел им днем и ночью слоняться среди жителей. Они должны были немедленно сообщить ему все, что узнают о том, где бывает Карлос или те, с кем он прежде встречался, – за это им обещали хорошо заплатить. Установили наблюдение за домом молодого скотовода дона Хуана. И хотя Вискаarra и Робладо собирались с ним расправиться на особый лад, они решили пока его не трогать: так будет легче осуществить их план. Нанятые шпионы были не солдаты, а городские жители и бедные скотоводы; появление военных в этой части долины, куда они обычно не заходят, могло бы расстроить замысел Вискаrrы и Робладо. Но и солдаты были наготове, однако они держались поодаль от ранчо Карлоса, чтобы не спугнуть птицу и не помешать ей вернуться в свое гнездо. Что ж, все это было разумно и логично.

Итак, Робладо, сидел у себя дома и обдумывал, как поймать Карлоса. Стук в дверь прервал его размышления над какими-то бумагами. Это были донесения его шпионов, только что полученные в крепости и адресованные ему и коменданту.

– Кто там? – спросил он, прежде чем разрешить войти.

– Это я, капитан, – ответил резкий, визгливый голос.

Робладо, несомненно, узнал голос, так как крикнул:

– А, это ты? Входи!

Дверь отворилась, и в комнату вошел человек небольшого роста, смуглый, с плутоватым лицом куницы. У него была вертлявая, скользкая походка, и, несмотря на мундир, саблю и шпоры, вид у него был приниженный. В словах его сквозило раболепие, и честь он отдавал офицеру раболепно. Именно таких и нанимают для подозрительных дел люди, подобные Вискаrrе и Робладо; и для этих целей он уже не раз им служил. Это был солдат Хосе.

– Ну, что скажешь? Ты видел Висенсу?

– Да, капитан. Я встретился с нею вчера вечером.

– Есть новости?

– Не знаю, новость ли это для капитана, только она сказала мне, что сеньорита отправила ее вчера домой.

– Ее?

– Да, капитан, белоголовую.

– Ага! Дальше!

– Вы ведь знаете, когда вы ушли, алькальд предложил ее любому, кто захочет взять. Так вот, вперед вышла одна девушка и сказала, что она ее знакомая. И еще была там женщина – мать этой девушки. Ее им сразу и отдали, и они увели ее в дом в зарослях за городом.

– Но она там не осталась. Я знаю, что она убралась оттуда, хотя еще не слышал подробностей. Как же это было?

– Так вот, капитан: только они вошли в дом, как подъехала повозка с возницей-тагносом, и девушка, дочка той женщины, Хосефа, забралась на повозку вместе с белоголовой, и они поехали. Но ни девушка, ни ее мать раньше не видели белоголовой. И как повашему, капитан: кто послал их и повозку?

– А что сказал Висенса?

– Их послала сеньорита, капитан.

– Ага! – воскликнул Робладо. – И Висенса уверена в этом?

– Это не все, капитан. Когда повозка тронулась, а может, чуть позже, сеньорита уехала из дому на своем коне. Она закуталась в простое серапе и надела на голову сомбреро, будто какая-нибудь дочь скотовода. Такой костюм, по-моему, совсем не к лицу важной сеньорите. Она поскакала окольной дорогой. Но Висенса думает, что она свернула на большую дорогу, когда проехала мимо домов, и, наверно, догнала эту повозку. Времени у нее было достаточно.

Эти сведения, видимо, произвели большое впечатление на Робладо. Он помрачнел, нахмурился, глаза его блеснули

– казалось, какой-то новый план пришел ему на ум. Он помолчал, занятый собственными мыслями, потом спросил:

– Это все, Хосе?

– Все, капитан.

– Может быть, Висенса еще что-нибудь узнала. Повидай ее сегодня вечером опять. Скажи, чтобы не спускала глаз с сеньориты. Если ей удастся разведать, что они переписываются, я ей хорошо заплачу, да и тебя не забуду. Узнай подробнее о той женщине и о ее дочери. Разущи тагнасо, который их возил. Не теряй времени, Хосе. Ступай!

Угодливый солдат раболепно поблагодарил, еще раз раболепно отдал честь и скрылся за дверью.

Как только он вышел, Робладо вскочил с места и взволнованно зашагал по комнате, разговаривая сам с собой:

– Черт возьми! Как же я об этом не подумал? Они переписываются... Ну конечно! Дьяволы! Что за женщина! Он наверняка уже все знает, если только он и сам не поверил, будто мы спасли его сестру от индейцев. Надо установить слежку за домом дона Амбросио. Может быть, это и будет та ловушка, в которую мы его поймаем? Любовь – более надежная приманка, чем братская привязанность. Ага, сеньорита! Если это правда, тогда у меня найдется козырь, какого вы никак не ждете. Я заставлю вас принять мои условия, не прибегая к помощи вашего глупого папаши!

Еще несколько минут Робладо обдумывал свои планы, мечтая о мести и победе, затем он вышел из комнаты и отправился к коменданту, чтобы передать ему сведения, которые только что получил от Хосе.

Глава XLII

Дом дона Амбросио де Крусес не был городским особняком. Он находился в предместье – вернее, на самой окраине города, примерно в восьмистах ярдах от площади. Стоял он одиноко, на довольно большом расстоянии от других домов. Его не назовешь виллой или коттеджем – в Мексике нет ни того, ни другого, ни даже чего-либо похожего. В этой стране на протяжении тысячи миль, от ее северной границы до южной, архитектура однообразна и однотипна. Небольшие дома, ранчо бедняков, различаются в зависимости от трех разных климатов – жаркого, умеренного и холодного, которые, в свою очередь, зависят от высоты местности. В жарких краях – иначе говоря, на побережье и в некоторых долинах в центре страны – ранчо – это легкая постройка из камыша и жердей, крытая пальмовыми листьями. На Равнинах, лежащих выше, на плоскогорьях, – а надо сказать, что большинство населения живет именно там, – все ранчо без исключения глинобитные. На лесистых склонах гор, высоко над уровнем моря, ранчо сложены из бревен; у них широкий свисающий карниз и крыша, крытая дранкой; они несколько не похожи на бревенчатую хижину американских глухих лесов и намного опрятнее и живописнее тех.

Это о ранчо. Как видите, тут есть некоторое разнообразие. О домах богачей этого не скажешь. На протяжении тридцати градусов широты, от одной границы Мексики до другой, и, пожалуй, по всей Испанской Америке, все они строятся на один лад. Если же вам изредка встретится дом необычной архитектуры, то, расспросив, вы узнаете, что его хозяин –

иностранец: англичанин – владелец рудников, фабрикант-шотландец или же немец-коммерсант.

Все это относится лишь к домам в сельской местности. В маленьких городишках дома такие же, как и загородные, с очень небольшими изменениями. В больших же городах, хотя там и сохранились некоторые чисто мексиканские черты, архитектура зданий приближается к архитектуре европейских городов, разумеется, главным образом испанских.

Дом дона Амбросио мало чем отличался от других богатых загородных особняков. Он был похож на тюрьму, крепость, монастырь или казармы – что вам больше по душе; все же вид его заметно оживляла окраска стен

– перемежающиеся красные, белые и желтые вертикальные полосы. Благодаря этому чисто восточному сочетанию веселых красок мексиканское жилище кажется не таким угрюмым. Такой стиль широко распространен в некоторых частях Мексики.

Все линии дома очень просты. Глядя на него спереди, с дороги, вы увидите длинную стену с огромными воротами посередине и тремя или четырьмя несимметрично расположенными окнами. Окна заслонены вертикальными железными прутьями. Это оконная решетка. Ни стекол, ни переплетов в окнах нет. Ворота тяжелые, деревянные, обиты железом и запираются железными засовами. Передняя стена – в один этаж, но она возвышается над крышей, образуя парапет высотой по грудь человеку, и благодаря этому кажется выше. Так как крыша плоская, снизу парапет не виден.

Заверните за угол справа или слева. Не рассчитывайте, что вы увидите фронтоны, – у таких домов его не бывает. Вместо него далеко тянется глухая стена такой же высоты, как первая вместе с парапетом; а если вы пройдете вдоль нее до самого конца и снова заглянете за угол, вы обнаружите еще одну такую же стену

– она замыкает прямоугольник.

Вам так и не пришлось бы увидеть фасад дома дона Амбросио, если подразумевать под этим наиболее нарядную часть здания. Мексиканец не придает значения наружному виду своего жилища. Только из внутреннего двора – патио – пред вами предстанет фасад, и, возможно, он поразит вас своим великолепием и изысканностью. Вот тогда-то вы и сможете судить о вкусе владельца дома.

Пройдемте в патио. Привратник, отозвавшись на стук или звонок, откроет вам небольшую калитку – часть упомянутых ворот. Мы проходим через сводчатый коридор

– портал, прорезающий здание, и вот мы во дворе. Теперь перед нами настоящий фасад дома.

Двор вымощен цветными кирпичами, выложенными наподобие шахматной доски. Посередине струей бьет фонтан, бассейн его украшен орнаментом. В больших кадках, чтобы корни не повредили мостовую, растут аккуратно подстриженные деревья. По сторонам этого двора вы увидите двери; некоторые из них застеклены и со вкусом задрапированы занавесями. Двери зала, столовой и спален расположены с трех сторон, с четвертой находятся кухня, кладовая, амбар, а также конюшня и каретный сарай.

Надо упомянуть еще об одной важной части дома: это крыша – асотея. Туда поднимаются по каменной лестнице. Крыша плоская и очень прочная, так как покрыта цементом и не боится дождя. Со всех сторон она обнесена парапетом такой высоты, что он не мешает любоваться окрестностями, но ограждает от назойливых взоров прохожих. После захода солнца или когда оно прячется за облака, асотея – самое приятное место для прогулок. По крыше дома дона Амбросио прогуливаться особенно приятно, так как она больше похожа на сад. Вокруг расставлены покрытые черным лаком горшки с редкими растениями, а зеленые ветви и яркие цветы, поднимаясь над стенами, удивительно украшают дом и снаружи.

Но это не единственный сад при жилище богатого владельца рудников. За домом раскинулся еще один, продолговатой формы, с двух сторон обнесенный высокими глинобитными стенами. Эта ограда тянется до берега реки. Вдоль реки нет забора; достаточно широкая и глубокая в этом месте, она заменяет ограду. Сад большой, а в конце его насажены еще и фруктовые деревья. Его украшают со вкусом проложенные дорожки, цветочные клумбы и зеленые беседки самой разнообразной формы и величины. Пройдясь по этому саду, можно

подумать, что дон Амбросио, хотя он всего-навсего богатый выскочка, обладает изысканным вкусом – ведь такие очаровательные уголки не часто встречаются в Мексике. Но не им придуманы эти теннистые деревья и благоухающие беседки. Все это затея его красавицы-дочери, которая проводит немало часов в тени сада.

Дону Амбросио вид рудника – огромной выемки в скале, среди груд кварца, и в глубине ее вид богатой жилы

– был милее всех цветов на свете. Куча слитков серебра приковала бы к себе его взор куда вернее, чем поле, сплошь покрытое черными тюльпанами или голубыми георгинами.

Каталина совсем не походила на отца. У нее был вкус возвышенный и утонченный. Ей были чужды мысли о богатстве и спесь богачей. Она охотно отказалась бы от своего вызывавшего так много толков наследства, чтобы разделить жизнь в скромном ранчо с человеком, которого она любила.

Глава XLIII

Солнце клонилось к закату. Его огненный шар спешил поцеловать снежную вершину Сьерра-Бланка, высившуюся на западе. Белую мантию, ниспадавшую с плеч горы, окрасили розовые блики, во впадинах ущелий она становилась алой, пурпурной и от контраста с темными лесами, росшими на склонах Сьерры, казалась еще прекраснее.

В этот вечер закат был особенно яркий. На западе громоздились разноцветные облака; золото, пурпур и лазоревая синева сочетались в пышном великолепии; облака принимали самые причудливые очертания, и могло показаться, что это сияющие, восхитительные существа из какого-то иного мира. Эта картина должна была радовать глаз, развеселить сердце, полное печали, а счастливое сделать еще счастливей.

Она не осталась незамеченной. На нее устремлены были глаза, очень красивые глаза, и все же в них была печаль, никак не гармонизировавшая с картиной, на которую они смотрели.

Не сияние закатного неба омрачило эти глаза. Хотя они и были устремлены на него, не о нем была печаль, отразившаяся во взоре. Не тем полно было сердце.

Обладательница этих глаз – не юная девочка, а девушка в расцвете красоты. Она стояла на асоте великолепного дома и, казалось, любовалась пышным закатом, однако размышляла она не о закате, но о вещах далеко не столь приятных.

Даже отблеск пламенного неба, падая на ее лицо, не мог рассеять пробежавшие по нему тени. Сумрак в душе оказался сильнее, чем свет внешнего мира. Тени омрачали прекрасное лицо, потому что тень окутала сердце.

И все же лицо ее было прекрасно и прекрасна фигура, высокая, величавая, с нежной грацией и мягкими очертаниями. Эта красавица была Каталина де Крусес.

Она стояла на асоте одна, окруженная лишь растениями и цветами. Склонившись над низким парапетом, она смотрела на запад и видела заходящее светило.

Порой она поднимала глаза к небу и солнцу, но чаще смотрела в глубину сада, на теннистую рощицу диких китайских деревьев, сквозь стройные стволы которых сверкала серебряная лента реки. На этой рощице ее глаза время от времени задерживались с выражением какого-то странного интереса. Неудивительно, что это место притягивало ее взор. Здесь впервые она, точно завороченная, слушала обеты любви; оно было освящено поцелуем, и в своих мечтах она вознесла его с жалкой земли в небесную высь. Неудивительно, что для нее не существовало места прекраснее. В самых прославленных садах мира, даже в раю не могло быть такого прелестного теннистого уголка, как маленькая зеленая беседка, которую она сама устроила в листве этих диких китайских деревьев.

Почему же ее взгляд так печален? Ведь в этом прибежище сегодня же ночью она встретится с тем, кто сделал для нее этот уголок священным. Почему она так печальна? Ведь, предвкушая встречу, она должна бы сиять от радости.

Временами, когда она думала о предстоящей встрече, так оно и было. Но на ум приходила и другая мысль, это она вызывала тревожное чувство, из-за нее набегали на лицо тени. Что же

это за мысль?

Каталина держала в руках бандолу. Она опустилась на землю и стала наигрывать старинную испанскую песню. Но она не в силах была справиться с собой. Мысли блуждали далеко, пальцы не слушались.

Она положила бандолу, снова встала и принялась ходить взад и вперед по асотею. Прогулка не приносила успокоения. Порой сеньорита останавливалась и, опустив глаза, казалось, над чем-то задумывалась. Потом снова начинала ходить и опять застывала на месте. И еще и еще раз, все молча, без единого слова.

Один раз она прошла вокруг асотеи, заглядывая во все уголки между растениями и цветочными горшками, словно искала что-то; но поиски не увенчались успехом, ничто не привлекло ее внимания.

Она опять села на скамью и взяла бандолу. Но, едва коснувшись пальцами струн, отложила инструмент и вскочила, словно вдруг вспомнила что-то очень важное.

– Как же я не подумала об этом? Ведь я могла уронить в сад! – прошептала она и сбежала по лесенке вниз, в патио.

Узкий коридор вел из патио в сад. Через мгновение Каталина уже шла по усыпанным песком дорожкам, поминутно наклоняясь и заглядывая за каждое деревце, за каждый кустик – всюду, где могло бы остаться незамеченным то, что она искала.

Она обшарила все уголки, потом ненадолго задержалась в зеленой беседке меж китайских деревьев – ведь это место было ей особенно мило. Но вот она покинула сад; на лице ее по-прежнему тревога: видно, сеньорита не нашла то, что потеряла.

Она вернулась на асотею, опять взяла в руки бандолу и, как прежде, проведя по струнам, отложила ее, поднялась и опять заговорила сама с собой:

– Как странно! У меня в комнате ее нет... В зале, в столовой, на асотею, в саду – нигде нет... Куда она могла затеряться? О Господи! Что, если она попала в руки отца? Там все так ясно, нельзя не понять... Нет, нет, нет!.. А вдруг она попала в другие руки? В руки его врагов! Там сказано: сегодня ночью... Правда, не сказано, где, но упомянуто время, а о месте нетрудно догадаться... Если бы я знала, как предупредить его! Но я не знаю, и он придет. Горе мне, теперь уже ничего нельзя предотвратить! Только бы она не попала врагам! Но куда же она могла затеряться? Матерь божия, куда же?..

Все это говорилось с таким волнением, что было ясно: сеньорита потеряла что-то очень для нее важное и дорогое. Это было не что иное, как записка, принесенная Хосефой, в которой Карлос писал, что придет сегодня ночью повидать Каталину. Неудивительно, что ее так встревожила потеря. Содержание записки не только могло погубить ее доброе имя, но подвергало опасности жизнь любимого ею человека. Вот почему черные тени омрачили ее лицо, вот почему она в тревожных поисках обошла весь сад и асотею.

– Придется спросить Висенсу, – продолжала она. – А очень не хочется. Я не верю ей больше. Она так изменилась! Была искренняя, честная, а стала лгуньей и лицемеркой. Уже два раза я уличила ее во лжи. Что это значит?

Каталина помолчала, словно в раздумье.

– И все-таки придется спросить ее. Может быть, она нашла бумажку, подумала, что это что-нибудь ненужное, и бросила в огонь. По счастью, она не умеет читать. Но ведь она встречается с теми, кто умеет... Да, я совсем забыла про солдата, ее друга. Что, если она нашла записку и показала ему?.. Боже праведный!

Мысль о такой возможности была мучительна, сердце сеньориты забилось сильнее, она учащенно задышала.

– Это было бы ужасно! – продолжала она. – Хуже ничего быть не может!.. Не нравится мне этот солдат, в нем есть что-то хитрое и низкое... Говорят, он дурной человек, хотя комендант и благоволит к нему. Упаси Бог, если записка у него! Нельзя терять времени. Позову Висенсу и спрошу ее.

Она подошла к парапету и крикнула вниз:

– Висенса! Висенса!

- Что, сеньорита? – раздался голос откуда-то из дому.
- Поди сюда!
- Сейчас, сеньорита.
- Быстрей! Быстрей!

Девушка в короткой пестрой юбке и белой кофточке без рукавов вышла в патио и поднялась по лестнице на крышу.

Светло-коричневый цвет кожи выдавал, что она метиска – родилась от брака индейца с испанкой. Она была недурна собой, но, взглянув на ее лицо, никто не подумал бы, что она добра, честна, приветлива: лицо это было злобное и хитрое. И держалась она дерзко и вызывающе, как человек, виновный в преступлении, которое уже обнаружено, и готовый на все. Такой тон появился у нее недавно, и ее хозяйка наряду с другими происшедшими в ней переменами заметила и это.

- Что вам угодно, сеньорита?

– Я потеряла небольшой листок бумаги, Висенса. Он был свернут трубочкой... не так, как письма, а вот так. – И она показала девушке листок, свернутый так же. – Тебе не попадалась такая бумажка?

- Нет, сеньорита, – тотчас последовал ответ.

– Может быть, ты вымела ее или бросила в огонь? Она такая неважная с виду, да и в самом деле пустяковая, но на ней рисунок, который мне хотелось переснять. Не уничтожили ее, как ты думаешь?

– Не знаю, сеньорита. Только я-то ее не уничтожала. Уж я-то ее не выметала и не бросала в огонь. Как же я выкину бумажку, раз я не умею читать? Ведь так можно выкинуть что-нибудь нужное.

Была ли правдой или ложью вторая часть ее рассуждений, но вначале Висенса сказала правду. Она не уничтожила бумажку – она ее не вымела и не сожгла.

Она отвечала прямо и простодушно, даже как-будто сердясь немного, словно обижаясь, что ее заподозрили в такой небрежности.

Хозяйку ответ, казалось, удовлетворил, а заметила ли она тон Висенсы – об этом трудно судить, так как она сказала только:

- Ладно. В конце концов это неважно. Можешь идти, Висенса.

Девушка отошла с угрюмым видом и стала спускаться по лестнице. В последнюю секунду она поглядела на хозяйку, уже стоявшую к ней спиной, и злобная, насмешливая улыбка искривила ее губы. Конечно, она знала о потерянной бумажке больше, чем сказала своей госпоже.

Каталина вновь устремила взор на заходящее солнце. Через несколько минут оно скроется за снеговой вершиной горы. Пройдет несколько часов, а потом – радостная встреча!

Робладо, как и прежде, сидел у себя дома. И, как прежде, раздался негромкий стук в дверь. Опять он спросил: «Кто там?», и снова раздался ответ: «Я!» И, как прежде, он узнал голос и велел стучавшему войти. Опять, раболепно отдав честь, к офицеру подошел солдат Хосе.

- Ну, Хосе, какие новости?

- Только это, – ответил солдат, протягивая свернутый трубочкой листок бумаги.

- Что это? От кого? – поспешно спросил Робладо.

– Капитан разберется лучше меня – я ведь не умею читать. А взяли эту бумажку у сеньориты, и похоже, что там письмо. Кто-то передал его сеньорите вчера утром в церкви – так Висенса думает. Она видела: сеньорита, как вернулась от заутрени, читала его. Висенса думает, что его принесла в долину крестьянка Хосефа. Да капитан, наверно, и сам увидит...

Робладо был уже поглощен запиской, он не слышал и половины того, что говорил Хосе. Дочитав до конца, он вскочил со стула, словно его ткнули шилом, и в волнении зашагал по комнате.

– Скорее! Скорее, Хосе! – крикнул он. – Пришли сюда Гомеса. Никому ни слова! Будь готов, ты тоже мне понадобишься. Сейчас же пришли Гомеса! Ну!

Солдат отдал честь на этот раз менее раболепно – уж очень он торопился! – и стремглав

выскочил из комнаты.

– Вот удача, ей-Богу! – пробормотал Робладо. – Не было еще случая, чтобы влюбленный дурак не попадался на такую приманку! И сегодня же в полночь! У меня хватит времени, чтобы подготовиться. Если бы я только знал место! Но об этом ничего не сказано.

Он перечитал записку.

– Не сказано, черт возьми! Какая досада! Что делать? Нельзя же действовать вслепую... Ага, знаю! Надо выследить ее! Выследить до самого места. Висенса может это сделать, а мы тем временем заляжем поблизости в засаде. Висенса скажет нам, где они встретились. Мы успеем их окружить – не сразу же они расстанутся. Мы их застигнем в минуту сладкого свиданья. Тысяча чертей! Только подумать, кто стал на моем пути – презренная собака, бизоний палач! Терпение, Робладо, терпение! Сегодня же... сегодня ночью!

Стук в дверь. Вошел сержант Гомес.

– Отбери двадцать солдат, Гомес! Лучших, слышишь! Будь готов к одиннадцати. Времени у тебя хватит, но чтобы был готов, когда я позову. Никому из чужих ни слова! Вели седлать коней, да скажи людям, чтобы помалкивали. Зарядите карабины. Будет для тебя дельце. Потом узнаешь, какое. Ступай, готовься!

Сержант, не сказав ни слова, пошел выполнять приказ.

– Вот проклятье! Знал бы я, где место, хотя бы приблизительно! Возле дома? В саду? А может гденибудь подальше, за городом? Вполне вероятно. Вряд ли он рискнет прийти к самому городу – тут могут узнать его или коня. Чтoб он сдох, его конь!.. Нет, нет! Я еще заполучу этого коня, не будь я Робладо! Если бы только разузнать заранее, где они встретятся, дело было бы верное. Но нет, ничего не сказано о месте. Как же, «старое место»! Тысяча чертей! Они встречались и раньше, и, наверно, часто... часто... О!

Мучительный стон вырвался из груди Робладо, и он заметался по комнате, словно теряя рассудок.

– Сказать Вискарре сейчас, – продолжал он, – или когда уже все будет кончено? Лучше подожду. Вот будет лакомая новость к ужину! А может быть, я подам к столу гарнир из ушей охотника на бизонов!

И негодяй разразился дьявольским смехом. Потом прицепил саблю, захватил пару тяжелых пистолетов и, проверив, хорошо ли укреплены шпоры, быстро вышел из комнаты.

Глава XLIV

До полуночи оставался один час. В небе светила луна, но она уже склонилась к горизонту, и скалы, стеной замыкавшие долину с юга, отбрасывали длинную, во много ярдов, тень.

Вдоль каменного плоскогорья, у самого его подножия, ехал к городу всадник. Ехал он осторожным шагом и время от времени бросал на дорогу беспокойные взгляды, – должно быть, чего-то опасался и хотел остаться незамеченным. Очевидно, именно поэтому он держался в тени скал, так как, приближаясь к местам, где склон был пологий и не отбрасывал тени, он останавливался и тщательно осматривался, а потом быстро проезжал это место. Если бы он не старался не попасться кому-либо на глаза, он, конечно, не жался бы к утесам, а избрал гораздо лучшую дорогу, пролежавшую совсем недалеко.

Проехав таким образом несколько миль, всадник оказался наконец напротив города, в трех милях от него. Отсюда в город вела дорога, соединявшая его с проходом в скалах, где можно было подняться на левую половину плоскогорья.

Всадник придержал коня и некоторое время в раздумье глядел на дорогу. Решив отказаться от нее, он проехал еще с милею под тенью утесов, потом опять остановился и окинул внимательным взглядом местность справа от себя. К городу или куда-то выше вела узкая тропка. Всадник, видимо, быстро убедился, что она-то ему и нужна, повернул коня, отделился от утесов и выехал на открытое место.

В сиянии месяца стало видно, что он молод и прекрасно сложен; одет он был как скотовод; благородный вороной конь под ним весь лоснился в серебряном свете. Всадника

нетрудно было узнать. В этой стране людей с темной кожей его белое лицо и светлые кудри, выбивавшиеся из-под полей сомбреро, не оставляли сомнения в том, кто он. Это был Карлос, охотник на бизонов. Следом бежала большая, похожая на волка собака; прежде, в тени, ее не было видно. То был пес Бизон. Чем ближе подъезжал всадник к городу, тем он становился осторожнее.

Раскинувшаяся перед ним местность, хотя и ровная, не была сплошь открытой; на его счастье, кое-где возвышались небольшими островками группы деревьев; тропка пролегла через рощицы кустарника, они выделялись то тут, то там, словно заплатки на равнине. Бесшумно, без лая, первой входила в рошу собака; всадник следовал за ней. А выехав на опушку, он снова останавливался, тщательно осматривал открытое пространство, отделявшее его от следующей роши, и только тогда ехал дальше.

Путешествуя таким образом, он наконец оказался в нескольких сотнях ярдов от от предместий города. Уже видны были стены зданий и купол церкви, сверкавший над кронами деревьев. Всадник устремил взор на стену, которая была ближе других. Он узнал ее очертания. Это был парпет над домом дона Амбросио; всадник приближался к нему сзади.

В небольшой роще, последней в долине, Карлос остановился. За ней до берега реки, которая, как уже говорилось, замыкала сад дона Амбросио, лежало открытое ровное пространство – луг, принадлежащий дону Амбросио, где обычно паслись его лошади. Их перегоняли через реку по грубо сколоченному мосту, который начинался за оградой сада; но там был еще один мост, более легкий и тщательно сделанный, – он соединял луг и сад и предназначался только для пешеходов. По этому укромному мостику выходила из сада дочь дона Амбросио, когда ей хотелось насладиться прогулкой по чудесному лугу на другом берегу реки. Чтобы в сад не вторгались посторонние, на середине маленького мостика была запертая на замок калитка.

От роши, где остановился Карлос, до мостика было немногим больше трехсот ярдов, и только темнота могла бы помешать его разглядеть. Но все еще сияла луна, и Карлос ясно видел высокие сваи и выкрашенную светлой краской калитку. Реки он не мог видеть, берега тут высокие, а сад скрывали тополя и китайские деревья, росшие у самой воды.

Въехав в рощицу, Карлос спешил, отвел коня в самую густую тень деревьев и оставил его там. Он не привязал коня, а только перекинул поводья через переднюю луку седла, чтобы они не волочились по земле. Он давно приучил своего благородного скакуна оставаться на месте без привязи.

Затем он подошел к краю зарослей и остановился, глядя на мостик и деревья за ним. Карлос приходил сюда не впервые, но никогда еще не испытывал он такого сильного душевного волнения, как сейчас.

Он готовился к предстоящей встрече и давал себе слово говорить откровенно, так, как никогда раньше не осмеливался. Он сделает предложение... Будет ли оно отклонено или принято? От этого зависела его судьба. Сердце его так сильно билось, что стук отдавался в ушах.

В городе царила глубокая тишина. Жители давно уже спали, ни один луч света не пробивался из дверей или окон – все они были плотно закрыты и наглухо заперты. На улицах не было ни души, лишь несколько ночных стражей охраняли город. Закутанные в темные плащи, они сидели на лавках у домов и дремали, зажав в руке длинные алебарды, а у ног на мостовой стояли их фонари.

Глубокая тишина царила и в жилище дона Амбросио. Огромные ворота были накрепко заперты, привратник скрылся в своей сторожке, а это означало, что все обитатели уже дома. Если тишина – это сон, то здесь все спали. Однако слабый луч света проникал из-за стеклянной двери сквозь неплотно задернутые шелковые занавеси и падал на мощеный двор – значит, по крайней мере, один из обитателей бодрствовал. Свет шел из комнаты Каталины.

Вдруг тишину разбил гулкий звон колокола. Это часы на церковной башне возвестили полночь. Едва отзвучал последний удар, как свет в комнате внезапно погас – его уже не было видно сквозь занавеси.

Вскоре тихо отворилась стеклянная дверь, и появилась плотно закутанная женская фигура. Крадучись, неуверенным шагом она скользила по теневой стороне двора. Широкий плащ не мог скрыть ее стройности и изящества, а походка пленяла грацией, несмотря на скованность и настороженность движений. Это была сеньорита.

Обойдя патио, она вошла в коридор, который вел в сад. Перед тяжелой дверью, преграждающей выход из дома, она остановилась. Но лишь на мгновение. Из-под плаща появился ключ, и большой засов нехотя уступил нажиму женской руки. Но он не поддавался бесшумно: ржавое железо закрипело, и Каталина вздрогнула в испуге. Она даже возвратилась обратно в коридор, чтобы проверить, не услышал ли кто-нибудь шума; стоя в темном проходе, она оглядела патио. Уж не дверь ли это хлопнула, когда она возвращалась? По крайней мере, так ей почудилось, и она стояла, с тревогой глядя на двери, выходящие во двор. Но все они были плотно затворены, и дверь ее комнаты тоже: Каталина, уходя, закрыла ее. И все же сомнения не покинули сеньориту, и она вернулась к воротам не совсем успокоенная.

С опаской она отворила их и через коридор вышла в сад. Держась в тени деревьев и кустов, она вскоре достигла рощицы в конце сада. Здесь она остановилась; сквозь стволы деревьев она оглядела открытое пространство, отделявшее ее от рощи, где был теперь Карлос. Она смутно видела очертания деревьев, но и только; в тени их на таком расстоянии нельзя было разглядеть человека в темной одежде.

Каталина выскользнула из рощицы; через мгновение она уже стояла перед калиткой на середине мостика, в самом высоком его месте. Здесь она опять остановилась, достала из-под плаща белый батистовый платок и, выпрямившись во весь рост, обеими руками расправила платок высоко над головой.

В воздухе носились светляки, и их огоньки сверкали на темном фоне рощи, но это не помешало Каталине заметить среди этих огоньков более яркую вспышку, словно кто-то чиркнул спичкой. Она получила ответ на свой сигнал.

Каталина опустила платок и, достав небольшой ключ, вставила его в скважину замка. Растворив калитку, она отошла обратно под тень деревьев и в ожидании остановилась.

Даже в темноте глаза ее светились любовью: она увидела, как из рощи вышел человек и направился к мостику. Человек этот был ей дороже всего на свете; она ждала его, щеки ее пылали и сердце наполнилось радостью.

Глава XLV

Каталине не почудилось, что она слышала стук захлопнувшейся двери, когда она возвращалась по коридору. В эту минуту действительно закрыли дверь – ту, что вела в спальню служанок. Если бы Каталина поспешила, то увидела бы, как кто-то метнулся по двору и вошел в эту дверь. Но Каталина опоздала. Дверь уже закрылась, и кругом снова было тихо. «Видно, это почудилось мне», – подумала она.

Но нет, ей это не почудилось. Как только члены семьи разошлись по своим спальням, за дверью комнаты Каталины начали следить. С полосы света, пробивавшейся сквозь занавешенное стекло, не сводила глаз Висенса.

Еще с вечера служанка попросила разрешения ненадолго отлучиться. Ей не отказали. Она отсутствовала почти час. Солдат Хосе привел ее к Робладо, и там они обо все уговорились.

Висенсе велено было выследить, когда сеньорита выйдет из дому, и потом пойти за ней до места тайного свидания. Узнав, что это за место, она должна сейчас же бежать туда, где ее будут ждать Робладо и солдаты, и сразу привести их к влюбленным. Робладо решил, что это самый верный план действий, и позаботился о том, чтобы этот план осуществить.

Дверь спальни служанок находилась как раз напротив комнаты Каталины. Сквозь замочную скважину Висенса увидела, что свет погас и сеньорита проскользнула в патио. Она подождала, пока та вошла в коридор, затем, тихонько отворив дверь, прокралась за ней.

Как раз тогда, когда сеньорита отперла ворота в сад, Висенса, притаившись, стояла у стены возле входа в коридор. Услыхав, что Каталина возвращается, – ее выдал звук шагов, –

хитрая шпионка метнулась обратно в комнату служанок и затворила за собой дверь.

Не сразу она отважилась выйти снова, но пришлось – ведь в замочную скважину теперь уже нельзя было ничего увидеть. Висенса все же поглядела в нее, но хозяйка не возвращалась, – значит, она пошла дальше в сад. И опять Висенса тихонько отворила дверь и выскользнула из спальни. На цыпочках подошла она к коридору и украдкой туда заглянула. Там уже не было темно: ворота остались открытыми, и лунный свет залил весь проход. Можно было не сомневаться, что сеньорита вышла и теперь она в саду.

В саду ли? Висенса вспомнила о мостике. Она знала, что у ее госпожи есть ключ от калитки и она нередко днем и даже ночью уходит гулять за реку. А вдруг сеньорита и на этот раз перешла мост? Теперь она уже где-нибудь далеко на том берегу... Что, если она не узнает, в какую сторону ушла ее госпожа, и испортит все дело?..

Как только эта мысль мелькнула у нее в голове, Висенса бросилась по коридору в сад и, пригнувшись, что есть духу побежала по дорожке.

Не увидев никого меж фруктовых деревьев и цветочных клумб, она стала было отчаиваться, но вид густой рощицы в конце сада ее обнадежил: вот самое подходящее место для свидания, правильно рассудила искушенная в подобных делах Висенса.

Но подойти к рощице оказалось не так-то просто. Между цветочными клумбами и этой рощей лежало открытое пространство – зеленая лужайка. Если там, в рощице, кто-нибудь есть, он непременно заметит приближающегося человека – ведь луна светит так ярко. Висенса сразу это поняла и остановилась, раздумывая, как же ей все-таки туда пробраться.

Можно, кажется, сделать только одно. Высокая стена ограды отбрасывает на лужайку полосу тени в несколько футов шириной. А что, если незаметно добраться до рощи, прячась в этой тени? Девушка решила попытаться.

С хитростью, присущей метисам, она распласталась на земле и поползла, так она достигла опушки рощи, как раз позади зеленой беседки. Здесь она остановилась, подняла голову и посмотрела сквозь листву. Она увидела то, что хотела.

Каталина стояла на мосту выше того места, где залегла метиска, и ее силуэт вырисовывался на фоне синего неба. Висенса увидела поднятый вверх белый платок и догадалась, что это сигнал. Она видела вспышку в ответ на этот сигнал, видела, как ее хозяйка отперла замок и распахнула калитку.

Хитрая шпионка не сомневалась больше, что свидание состоится в рощице, и могла бы вернуться с этими сведениями к Робладо. Но Робладо ясно приказал ей не уходить до тех пор, пока она не увидит своими глазами, что влюбленные встретились в условленном месте, поэтому она стала ждать, как они поступят дальше.

Заметив знакомый платок, Карлос в ответ поджег щепотку пороха. Он не стал терять времени. На мгновение подошел он к коню, шепнул ему что-то такое, что тот великолепно понял, и вышел из рощи. Бизон следовал за ним по пятам. Дойдя до мостика, Карлос наклонился и, прошептав несколько слов собаке, отправился дальше. Собака не последовала за ним – она улеглась на берегу реки.

Еще мгновение, и влюбленные встретились.

Висенса лежала, прижавшись к земле, и издали следила за ними. Луна озаряла их лица, и при этом свете отчетливо были видны белое лицо и вьющиеся волосы Карлоса. Девушка знала охотника на бизонов – да, это был он.

Она увидела все, что нужно было знать Робладо. Место свидания – здесь, в конце сада. Оставалось только возвратиться к офицеру и сказать ему об этом.

Она уже собралась уползти и даже приподнялась, как вдруг, к своему ужасу, увидела, что влюбленные идут через рощицу к той самой беседке, за которой она укрылась.

Они шли, казалось, прямо на Висенсу. Если бы она встала или попыталась ускользнуть, они непременно заметили бы ее.

Выбора не было – нужно было оставаться на месте по крайней мере до тех пор, пока не представится лучшая возможность убраться отсюда. И Висенса скорчилась под тенью листвы.

Через минуту влюбленные вошли в беседку и сели на скамью, стоявшую в этом укромном

уголке.

Глава XLVI

Каталина и Карлос были так взволнованы, что несколько минут не могли вымолвить ни слова. Первой заговорила Каталина.

– Как ваша сестра? – спросила она.

– Ей лучше. Я велел отстроить наше ранчо, она теперь там. Родные стены сотворили чудо. Рассудок сразу вернулся к Росите, она только иногда немного забывается. Но я надеюсь, что она скоро поправится.

– Как я рада! Бедная девочка, сколько ей пришлось выстрадать в плену у этих грубых дикарей!

– Грубых дикарей! Да, Каталина, вы назвали их настоящим именем, хотя и не знаете, о ком говорите.

– О ком? – удивленно повторила сеньорита. Она, как и все, была уверена, что сестра Карлоса побывала в плену у индейцев.

– Отчасти из-за этого я хотел увидеться с вами сегодня. Я не мог жить, не объяснив вам своего поведения, – вы, наверно, не могли понять меня. Но теперь вы все узнаете. Слушайте, Каталина!..

Не опустив ни одной подробности, Карлос рассказал подруге об ужасном заговоре. Каталина была поражена.

– Какие злодеи! – воскликнула она. – Какая невероятная жестокость! Подумать только, что есть на свете такие изверги! Если бы это не вы мне сказали, дорогой Карлос, я не поверила бы, что возможна такая подлость! Я знала, что оба они дурные люди, я слышала об их подлых делах, но такого злодейства и вообразить не могла. Святая дева! Что за люди! Чудовища! Непостижимо!

– Теперь вы знаете, справедливо ли меня называют убийцей.

– Дорогой Карлос, не думайте об этом! Я никогда этому не верила. Я знала, что вы не можете поступить несправедливо, неблагородно. Но не бойтесь! Весь свет узнает...

– Свет! – с горькой усмешкой прервал Карлос. – Для меня нет света. У меня нет дома. Даже для тех, с кем я вместе вырос, я всегда был чужой – отверженный еретик. А теперь и того хуже: я беглец, меня преследуют, за мою голову назначена награда, и немалая. По правде говоря, я никогда не думал, что так дорого стою!

Карлос засмеялся, но веселость его длилась недолго. Он продолжал:

– Свет для меня – вы, Каталина! А теперь вы останетесь для меня только в сердце. Я должен проститься с вами и уехать, уехать далеко. Здесь меня ждет смерть... нет, хуже, чем смерть. Я должен уйти. Мне придется уехать на родину своих родителей, к нашим давно забытым родственникам. Возможно, я найду себе там пристанище и друзей, но счастья нет для меня без вас и не будет никогда!

Каталина молчала, опустив полные слез глаза. Она вздрогнула от мелькнувшей у нее мысли и страшилась ее высказать. Но сейчас не время для ложной скромности и излишней робости, да это и не в ее характере. От одного слова зависит счастье всей ее жизни и счастье любимого человека. Прочь девичью застенчивость! Она скажет, что думает!

Она наклонилась к Карлосу близко-близко, взяла его за руку и, глядя ему в глаза, сказала с нежностью, но твердо:

– Карлос, вы ведь хотите, чтобы я уехала с вами?

В то же мгновение он обнял ее и поцеловал.

– Боже мой! Возможно ли это?! – воскликнул он. – Так ли я понял? Каталина, дорогая, я хотел предложить вам это, но не смел. Я боялся. Мне казалось – это безумие. Вы всем жертвуете ради меня! Дорогая моя, дорогая, неужели это правда? Неужели вы хотите уехать со мной?

– Да, хочу! – последовал краткий, но решительный ответ.

– О Боже! Я слишком счастлив! Целую неделю я так страдал и вот снова счастлив. Да, неделю тому назад я тоже был счастлив, Каталина. Я пережил удивительное приключение, оно сулило мне богатство. Я был полон надежд, я надеялся завоевать вас, Каталина... нет, дорогая, не вас – вашего отца. Я надеялся с помощью золота заручиться его согласием. Смотрите! – Карлос протянул руку, полную сверкающего металла. – Это золото. Я нашел золото. Я надеялся, что сравнюсь с вашим отцом в богатстве, а потом добыю его согласия. Увы, сейчас и золото не поможет... Но ваши слова возвратили мне счастье. Не думайте, что вы теряете богатство... Нет, я знаю, вы о нем и не думаете, дорогая. Я дам вам такое же – быть может, много больше. Я знаю, где можно добыть этот драгоценный мусор, и я все скажу вам, когда у нас будет для этого время. Сегодня ночью...

Каталина прервала его. Ее острый слух уловил звук, показавшийся ей странным. Что-то слегка зашуршало за беседкой, словно ветер тронул листву. Но ведь ветра не было, ни малейшего дуновения. Значит, шорох был от чего-то другого. От чего же?

Подождав секунду-другую, они вышли из беседки и пошарили в кустах, откуда, по-видимому, исходил шорох, но ничего не обнаружили. Они осмотрели все кругом, но нигде не было ничего, что могло бы так зашуршать. Теперь было гораздо темнее, чем тогда, когда они вошли в беседку. Луна опустила ниже, ее серебряное сияние потускнело, но все же было еще достаточно светло, чтобы заметить любой крупный предмет на расстоянии нескольких ярдов. Каталина не могла ошибиться. Она, несомненно, слышала какой-то шорох. Может быть, это была собака? Карлос прошел на мостик. Нет, Бизон лежал там, где хозяин его оставил. Он не подходил к беседке. Что же это было? Не ящерица ли? Может быть, ядовитая змея?

Но что бы это ни было, в беседку нельзя возвращаться – они останутся снаружи. Недобрые предчувствия шевельнулись в душе Каталины: она вспомнила о потерянной записке и о том, как где-то хлопнула дверь, когда она шла сюда. Все это она торопливо рассказала своему другу.

До этого Карлос не придавал большого значения тому, что могло быть явлением естественным, – взмахнула крыльями испугнутая ими птица, проползла змея или ящерица. Но слова Каталины заставили его насторожиться. Он сразу понял, что в этом кроется что-то дурное. Не раз он сталкивался с коварством индейцев и привык соображать быстро. Он тут же решил тщательно исследовать землю.

Он опять прошел за беседку и, опустившись на колени, внимательно осмотрел кусты и траву. Спустя мгновение он поднялся и с удивлением воскликнул:

– Клянусь, вы правы, Каталина! Здесь, несомненно, кто-то был. Кто-то лежал на этом самом месте. Только куда же он девался?.. Да ведь это была женщина! Вот след ее платья.

– Висенса! – воскликнула сеньорита. – Не иначе, как моя служанка Висенса! Смилуйся, Господь! Она слышала все от слова до слова!

– Конечно! Она выследила, когда вы ушли из дому, и пошла за вами. Но что ее толкнуло на это?

– Горе мне! Один Бог знает. Она так странно вела себя последнее время... Просто несносно! Карлос, дорогой, – продолжала сеньорита, и в ее голосе звучало уже не огорчение, а тревога, – вам нельзя здесь больше оставаться. Кто знает, что она натворит? Вдруг она позовет моего отца! А вдруг еще хуже... Святая дева! Неужели?..

Тут Каталина поспешно рассказала Карлосу о знакомстве Висенсы с солдатом Хосе и обо всем, что касалось этой девушки. Он должен уйти, нельзя медлить ни минуты!

– Хорошо, я уйду, – сказал Карлос. – Но не потому, что боюсь их. Сейчас слишком темно, чтобы стрелять из карабинов, а их сабли меня не достанут: ведь со мной мой верный конь, он мигом примчится на мой зов. Но мне и вправду лучше уйти. Тут что-то кроется. Не станет же эта девушка так стараться из одного только любопытства. Я уйду сейчас же.

Итак, Карлос принял решение. Но столько осталось недосказанного: еще раз произнести любовные клятвы, назначить час новой встречи, быть может, последней, перед тем как со всем покончить и бежать через Великие Равнины.

Не раз Карлос, уже ступив на мост, снова возвращался к Каталине: еще одно ласковое

слово, еще прощальный поцелуй...

Наконец, обменявшись последним «до свиданья», влюбленные расстались. Каталина направилась к дому, а Карлос готов был перейти мост, но рычанье Бизона заставило его, насторожившись, остановиться.

Собака зарычала снова, на этот раз более грозно, а затем свирепо залаяла, предупреждая хозяина о близкой опасности.

Сперва Карлос хотел перебежать через мост и мчаться к коню

– тогда он успел бы вовремя скрыться. Вместо этого он вернулся в рожицу, чтобы предостеречь Каталину и поторопить ее. Каталина тем временем уже вышла на лужайку, но, услышав лай собаки, остановилась. Спустя мгновение к ней подбежал Карлос. Но он не успел и слова сказать, как за оградой сада раздался конский топот – по обеим сторонам скакали всадники. Судя по беспорядочному стуку копыт, одни из них остановились, другие проскакали дальше вдоль ограды. Вот подковы загрели по настилу большого моста, тотчас неистово залаяла собака, и уже между стволами деревьев видны темные силуэты всадников на другом берегу. Сад окружен!

Глава XLVII

После того как влюбленные вошли в беседку, Висенса долго еще сидела на корточках, прислушиваясь к их разговору; от нее не ускользнуло ни одно слово. Однако ее удерживал не интерес к разговору, а опасение, что ее обнаружат, если она попытается уйти. Она поступила благоразумно, потому что при лунном свете из беседки хорошо видна была лужайка, которую ей предстояло пересечь. Только тогда, когда луна зашла, у Висенсы появилась надежда скрыться незамеченной. Улучшив минуту, когда влюбленные не смотрели в ее сторону, она отползла на несколько ярдов, поднялась и стремглав побежала в темноту.

Как ни странно, сеньорита услышала шелест не тогда, когда девушка отползала от беседки. Чтобы лучше спрятаться, Висенса на пути наклонила ветку, а потом отпустила ее, и ветка распрямилась, шумя листьями. Вот почему влюбленные ничего не обнаружили, хотя сразу же вышли из беседки. В ту минуту они уже не могли ни увидеть, ни услышать шпионку. Она прошмыгнула в коридор, прежде чем зашуршала ветка.

Висенса не задержалась ни на мгновение. Она не возвратилась к себе в комнату, а пробежала двор и поспешила к воротам. Крадучись прошла она портал, словно боялась разбудить привратника.

И вот Висенса уже у ворот; она достала из кармана ключ, но только не от самих ворот, а от калитки.

Ключ этот она припасла еще с вечера, зная, что он ей понадобится. Теперь она вставила его в замок и повернула с величайшей осторожностью, чтобы замок не щелкнул и не заскрипел. Так же осторожно она подняла щеколду и, открыв калитку, тихонько вышла на улицу. Медленно и бесшумно она затворила за собой калитку и во весь дух побежала по дороге, ведущей к соседнему леску.

Здесь, неподалеку от дома дона Амбросио, притаились в засаде Робладо и его солдаты. Чтобы никто их не видел и ничто не нарушило его плана, Робладо привел сюда солдат поздно вечером, кружной дорогой. Здесь он поджидал теперь свою шпионку.

Девушка добралась до места и быстро рассказала офицеру все, что видела. Повторить то, что она слышала, уже не было времени. Узнав, почему она задержалась, Робладо смекнул, что нельзя терять ни минуты. Свидание может закончиться, прежде чем он нагрянет, и тогда добыча ускользнет от него.

Будь у Робладо больше времени в запасе, он действовал бы иначе. Тогда бы он отправил часть людей дорогой, пролежавшей ниже, и они подошли бы к саду прямо со стороны луга. Разумеется, он провел бы всю операцию намного спокойнее и осмотрительнее.

Однако он понимал, что, действуя верно, но медленно, может и опоздать. Нет, тут нужно торопиться, это ясно! И Робладо тотчас же отдал распоряжение своим спутникам. Людей

разделили на два неравных отряда. Один должен был занять позицию вдоль садовой ограды справа, другой – слева; большому отряду было приказано оставить у стены лишь нескольких человек, остальные должны были во весь опор нестись через большой мост на другой берег и отрезать выход из сада. Видимо, именно этому отряду предстояла главная роль – им командовал сам Робладо. Он прекрасно знал, что без лестницы не взобраться на стены, – значит, если Карлос в саду, он попытается скрыться через мостик. А если он вздумает бежать через коридор к воротам и затем на улицу, то его перехватили бы пешие солдаты во главе с Гомесом, – Висенса должна была провести их ко входу в коридор со стороны внутреннего двора.

План был задуман неплохо. Робладо хорошо знал местность. Он нередко прогуливался здесь, и высота стен и все подступы к саду ему были великолепно известны. Конечно, если бы удалось окружить сад, прежде чем Карлос заметит, что подходят солдаты, можно было бы не сомневаться в успехе. Его бы убили или схватили.

Не прошло и нескольких минут после появления шпионки, как Робладо уже отдал распоряжения своим людям. А еще через пять минут они выехали из леса, пересекли небольшую полянку, отделявшую их от дома дона Амбросио, и начали окружать сад. Тогда-то и раздалось первое предостерегающее рычание Бизона.

– Бегите! Бегите! – закричала Каталина, увидев, что Карлос возвращается. – Обо мне не думайте! Они не осмелятся посягнуть на мою жизнь! Я не совершила никакого преступления. Оставьте меня, Карлос, бегите!.. Матерь божья, вот они!

Темные фигуры выходили из коридора и устремлялись в сад. Напрямик через кусты, гремя своими саблями, они спешили к влюбленным. То были пешие солдаты. Несколько человек остались в проходе, остальные подбегали все ближе.

Сначала Карлос хотел бежать именно в ту сторону. Ему казалось, что он мог бы добежать до дома, подняться на асотею и соскочить вниз. Воспользовавшись темнотой, он вернулся бы на луг где-нибудь в дальнем его конце. Но он увидел, что коридор отрезан, и оставил эту мысль. Он посмотрел на стены ограды – нет, слишком высоки, не перелезть. Можно бы попытаться, но тем временем враги нападут на него. Надо прорваться через мост – это единственный выход. Теперь он понял, что не должен был возвращаться. Каталине не угрожала опасность – ее жизни, во всяком случае. Наоборот, для нее куда опаснее, если он останется с нею. Надо было сразу бежать через мост. Теперь он отрезан от своего коня. Он мог бы его окликнуть, благородный скакун тотчас примчится на зов, но тогда враги бросятся за ним и, возможно, поймут его. А это все равно, что лишиться собственной жизни. Нет, коня звать нельзя! Карлос не дал сигнала. Что же ему делать? Остаться с Каталиной? Но его сейчас же окружают, схватят, а то и убьют, как собаку! Ведь он и жизнь Каталины подвергнет опасности. Нет! Он должен сделать отчаянную попытку и вырваться из сада; если возможно, достичь луга, а там...

Карлос не стал думать, что будет дальше.

– Прощайте, дорогая! – воскликнул он. – Я должен покинуть вас. Не отчаивайтесь! Если мне суждено погибнуть, я унесу с собой вашу любовь в небеса! Прощайте! Прощайте!

Поспешно вымолвив эти прощальные слова, он кинулся прочь так стремительно, что не услышал ответа.

Сеньорита опустилась на колени; сложив руки и подняв глаза к небу, она молилась о его спасении.

В несколько прыжков Карлос вновь очутился под сенью рощи. На противоположном берегу он видел своих врагов и по голосам мог судить, что их там много. Они громко разговаривали, перекликались. Карлос узнал голос Робладо: он приказал половине улан спешиться и следовать за ним на мост. Сам он уже слез с лошади.

Карлос видел, что единственный путь к спасению – это быстро перебежать мост и прорваться через толпу. Только так он еще, пожалуй, достигнет луга и пробьет себе дорогу навстречу коню. Ну, а когда он будет в седле, пусть они попробуют его поймать! Это отчаянное решение – пробиться сквозь строй: ему грозит почти верная смерть. Но еще вернее, что его

ждет смерть, если он останется здесь.

Колебаться было некогда. Несколько человек уже спешили и направились к мостику. Надо перейти мост, прежде чем они на него вступят. Вот один уже там. Его надо отбросить назад.

Взвезд курок пистолета, Карлос ринулся к калитке. С другой стороны тоже приближался человек. Они встретились лицом к лицу. Их разделяла лишь калитка. И тут Карлос увидел, что противник его – сам Робладо!

Ни один не проронил ни слова. Робладо тоже держал пистолет наготове и выстрелил первым, но промахнулся. Поняв это и страхась пули противника, он попятился и крикнул солдатам, чтобы стреляли из карабинов.

Однако прежде чем они успели выполнить приказ, раздался выстрел: охотник разрядил свой пистолет, и Робладо, испустив громкое проклятие, покатился к берегу. Карлос распахнул калитку и хотел броситься вперед, но сквозь дым и мрак разглядел направленные на него дула карабинов. Тут его осенило: нет, бежать через мост нельзя! И он привел в исполнение новую мысль, хотя за это время солдаты едва успели нажать курки карабинов.

Блеснул свет, раздался треск, а когда дым рассеялся, Карлоса уже не было на мосту. Неужели он вернулся в сад? Но нет, несколько солдат уже отрезали ему отступление в ту сторону.

– Он убит! – раздались крики. – Черт побери! Он свалился в воду. Смотрите!

Все взгляды обратились на реку. Конечно, туда упал человек

– об этом свидетельствовали пузырьки и расходящиеся по воде круги, но больше ничего не было видно.

– Он утонул! Он пошел ко дну! – кричали солдаты.

– Смотрите, как бы он не уплыл! – сказал кто-то.

По берегам забегали люди, пристально вглядываясь в воду.

– Не может быть! Не видно ни всплеска!

– Здесь он не мог улизнуть, – сказал солдат, стоявший немного пониже моста. – Я все время глядел на воду.

– И я тоже! – закричал другой, стоявший выше. – Мимо меня он не проплывал.

– Значит, он убит и лежит на дне!

– Давайте выудим его!

Но Робладо, который уже поднялся – он увидел, что отделался всего лишь раной в руку, – помешал им выполнить это намерение.

– Рассыпаться по берегу! – прогремел он. – В обе стороны! Скорей, а не то он ускользнет! Торопитесь!

Все бросились выполнять приказ, как вдруг солдаты, двинувшиеся вниз по течению, остановились, изумленные. В сотне ярдов от них, согнувшись, взбирался вверх по крутому берегу человек. Еще секунда – он выпрямился и с быстротой молнии помчался через луг к роще.

– Держи! – раздались крики. – Вот он! Святые угодники, он и есть!

В трескотне ружейных выстрелов послышался пронзительный свист. Прежде чем верховые успели тронуться, из рощи навстречу бегущему вылетел конь. Человек мгновенно прыгнул в седло, громко, презрительно рассмеялся и ускакал в темноту.

Почти все уланы вскочили на лошадей и во весь опор понеслись за ним; но после недолгой скачки по долине они отказались от погони и возвратились к своему раненому командиру.

Сказать, что Робладо был взбешен, значило бы ничего не сказать: его состояние трудно передать словами. Но ведь осталась другая жертва, и на нее он мог излить свою досаду и злобу.

Каталину захватили в саду, когда она молилась о спасении любимого человека. Ее оставили на попечении Хосе, остальные солдаты бросились на помощь преследователям Карлоса. Хосе хорошо знал охотника и, не отличаясь храбростью, вовсе не стремился участвовать в погоне.

Каталина слышала выстрелы и крики и поняла, что борьба отчаянная. Слышала она и резкий свист и презрительный смех, заглушивший все остальные звуки. И слышала, как замерли вдали крики преследователей.

Сердце ее радостно забилося. Она знала, что Карлос на свободе.

Теперь, только теперь она подумала и о себе. Она тоже замыслила бежать. Она знала, что ей предстоит выслушивать оскорбительные насмешки мерзкого начальника этих негодяев. Что делать, как избежать встречи с ним? Разве только, если уговорить Хосе! Она знала подлый нрав этого человека. Не соблазнится ли он золотом? Надо попытаться. И попытка увенчалась успехом. Против большой суммы негодяй не устоял. Он сообразил, что его не слишком сурово накажут, если он и упустит пленницу, которую можно в любой момент опять захватить. За такие деньги он рискнет навлечь на себя недовольство капитана. К тому же у капитана есть причины быть к нему снисходительным. Итак, деньги уплачены, и сеньорите позволено уйти.

Чтобы создать видимость побега, Хосе попросил ее запереть изнутри дверь своей комнаты; она выполнила это в точности.

Едва Робладо перешел мост, его встретил Хосе и, запинаясь, с трудом переводя дыхание, сообщил, что прекрасная пленница скрылась в доме. Она выскользнула и убежала. Будь это обыкновенная пленница, он, конечно, пристрелил бы ее. А догнал он ее, когда она уже входила в комнату, и она заперла дверь перед самым его носом!

В первую минуту разъяренный Робладо хотел было взять дом приступом. Однако он одумался: это, пожалуй, покажется смешным. Да и толку будет немного. Ретироваться с поля сражения побуждала его и боль в раненой руке.

Снова перешел он мост, сел с помощью солдат на коня и, собрав свое доблестное войско, двинулся обратно в крепость, предоставив разбуженному городу гадать о причинах переполоха.

Глава XLVIII

На следующее утро весь город только и говорил что о ночном происшествии. Сперва предполагалось, что индейцы совершили набег и солдаты, как всегда их отбили. Что за доблестные защитники народа!

Потом пронесся слух, что захватили Карлоса-убийцу, а в перестрелке убили капитана Робладо. Но вскоре оказалось, что Карлос не пойман – его только ловили и чуть-чуть не поймали. Робладо дрался с ним один на один, ранил его, но преступник в темноте ускользнул, бросившись в реку. Он прострелил капитану руку, вот почему капитан не взял его в плен.

Слух этот шел из самой крепости и был близок к истине. А о ранении Карлоса присочинили, чтобы придать немного блеска поведению Робладо; но потом стало известно, что охотник на бизонов скрылся, не получив ни единой царапинки.

Люди не переставали удивляться: как же это преступник отважился подойти к городу, зная, что за его голову назначена награда? Уж наверно, у него была на это важная причина. Скоро стала известна и она – вся история выплыла наружу. То-то настал праздник для сплетников! Каталина давно была признана первой красавицей Сан-Ильдефонсо, а теперь завистливые женщины и ревнивые мужчины могли смотреть на нее свысока. Ее репутация сильно пострадала. То, что сделала она, хуже, чем неравный брак. Местная аристократия была возмущена тем, что Каталина унизила себя близостью с бедняком, чуть ли не нищим, а городская беднота, до фанатизма религиозная, осуждала ее за дружбу с «убийцей» и, что еще хуже, с «еретиком».

Случай этот вызвал необычайное волнение. Цена за голову охотника поднималась, как акции на бирже. В Доме капитула собрались на совет члены городского управления и местные тузы. Было вывешено новое объявление. Теперь за поимку Карлоса предлагалась еще большая сумма, и, кроме того, всякому, кто снабдит его съестными припасами или окажет ему содействие, грозили суровой карой. А тот из граждан, кому вздумалось бы приютить охотника на бизонов под своей крышей, не только понесет положенное наказание, но и все его имущество будет конфисковано.

Не осталась в стороне и церковь. Святые отцы пугали гневом господним и грозили отлучением всякому, кто помешает вершить правосудие над еретиком-убийцей.

Вот в каком положении оказался беглец. К счастью, Карлос умел обойтись и без крыши над головой. Он был как дома и в просторах пустынной прерии и в скалистых ущельях в горах, где враги его умерли бы с голоду; да они и не посмели бы отправиться туда за ним. Если бы ему пришлось искать пищи и крова у жителей Сан-Ильдефонсо, на него, конечно, донесли бы и предали бы его. Но охотник так же мало нуждался в них, как дикие обитатели прерии. Ему могла служить постелью и зеленая лужайка и голая скала, а раздобыть себе пищу он мог даже на бесплодной Льяно Эстакадо, и там ему не страшна была целая армия преследователей.

Дон Амбросио не принял участия в совете. Горе и гнев удержали его дома. Между ним и дочерью произошла бурная сцена. Отныне ее будут неотступно сторожить, будут держать в доме отца, как пленницу,

– наказание научит ее смирению!

Невозможно описать, что чувствовали Робладо и комендант. Их душила бешеная злоба. Они едва не обезумели от разочарования, унижения, физических и душевных страданий. Весь день они не выходили из дому и только и делали, что замыслили и прикидывали, как бы вернее изловить своего заклятого врага.

Робладо столь же страстно желал добиться успеха, как и Вискаarra. У обоих было достаточно оснований ненавидеть Карлоса, и оба ненавидели его всем своим существом.

Робладо больше всего терзался из-за того, что ему не удастся самому участвовать в погоне, может быть, в течение нескольких недель. Хотя рана его не была опасна, ему приходилось держать руку на перевязи, и он не мог управлять лошадью. Теперь стратегические планы его и коменданта будет выполнять кто-нибудь другой, не столь заинтересованный в поимке преступника, как они сами. Хорошо еще, что из СантаФе, из штаб-квартиры, прислали двух лейтенантов, а не то гарнизон на время и вовсе остался бы без офицеров. Но ни один из новичков – ни Яньес, ни Ортига – не был способен поймать охотника на бизонов. Им нельзя было отказать в храбрости, Ортиге во всяком случае, но оба они совсем недавно приехали из Испании и не знали еще, как живут и воюют здесь, на границе.

Солдаты с готовностью преследовали преступника и проявляли примерное рвение. Они стремились его поймать, рассчитывая на обещанную большую награду, и всякий раз охотно шли в разведку. Однако напасть на Карлоса отважился бы только многочисленный отряд. В одиночку или вдвоем никто, не исключая хваленного Гомеса, не осмелился бы подойти к нему на расстояние выстрела, тем более сойтись с охотником лицом к лицу и попытаться схватить его.

Многие на собственном опыте убедились в беспримерной храбрости Карлоса, другие слышали сильно приукрашенные рассказы о ней, и в гарнизоне его так боялись, что одно лишь появление Карлоса обратило бы в бегство целый отряд.

Охотник на бизонов и в самом деле был ловок, силен и бесстрашен, а богатое воображение местных жителей еще и преувеличивало эти его качества. Мало того: и солдаты и мирные жители прониклись уверенностью, что Карлос заколдован, а потому неуязвим; ведь ему покровительствует его мать-колдунья – иными словами, ему покровительствует сам дьявол! Многие утверждали, что его не берет ни пуля, ни стрела, ни сабля, и те, кто разрядил в него карабин во время схватки на мосту, вполне этому верили. Любой из них готов был поклясться, что попал в Карлоса и непременно убил бы его, не будь он под защитой нечистой силы.

Удивительные рассказы распространялись среди солдат и жителей долины. Карлос появлялся то здесь, то там, и всегда верхом на своем черном, как уголь, коне (конь тоже слыл заколдованным). Охотника видели на краю плоскогорья – он мчался во весь опор вдоль самого обрыва, он даже мог бы стряхнуть пепел своей сигары вниз, в долину. Другие встречали его ночью в зарослях, на глухих тропах, и, по их словам, лицо и руки его были красны и светились, как раскаленные уголья. Пастухи видели его наверху, на Утесе загубленной девушки, и даже внизу, в долине, однако никто не отваживался подойти близко и заговорить с ним. Все бежали от него, все уклонялись от встречи. Кто-то утверждал даже, что видел, как Карлос переходил

мостик, ведущий в сад дона Амбросио, и новый град сплетен посыпался на верную Каталину. Впрочем, злопыхателей постигло горькое разочарование, ибо они слышали, что мост больше не существует – дон Амбросио велел его сломать на другой день после того, как узнал о недостойном поведении своей дочери.

Власть суеверий над невежественным населением Новой Мексики так велика, как нигде в мире. Можно сказать, что они здесь – основа религии. Отцы миссионеры, насаждавшие среди солнцепоклонников Кецалькоатля религию Рима, поощряли многие суеверия, обращая их себе на пользу. Вполне понятно, что паства не рассталась со всеми этими предрассудками, как бы ни были они нелепы. Вот почему новомексиканцы верили в колдовство и колдунов ничуть не меньше, чем в Бога.

И надо ли удивляться тому, что дьявол оказался причастен к делам Карлоса, охотника на бизонов. Его искусство в верховой езде, бегство из-под носа преследователей, даже если не считать их сверхъестественными, были, конечно, необычайны и романтичны. Но жители Сан-Ильдефонсо относились к ним теперь иначе. Карлосу помогает нечистая сила: и ловкость, с какой он опрокинул быка, схватил цаплю и скакал по краю пропасти в день праздника, и то, что он ускользал невредимым от карабинов и пик, – все от дьявола.

Но странное дело: за последние дни с преступником часто сталкивались те, кто к этому вовсе не стремился, а вот тем, кому непременно хотелось с ним повстречаться, это никак не удавалось. День за днем, с утра до вечера, безуспешно рыскали по округе лейтенанты Яньес и Ортига со своими солдатами. Не видели Карлоса и многочисленные шпионы, разосланные повсюду, где он мог бы появиться. Сегодня они доносили, что видели его здесь, завтра – там. Преследователи мчались в указанное место – и всякий раз обнаруживалось, что за охотника приняли какого-нибудь скотовода на черном коне. Солдаты все снова и снова бросались по ложному следу, пока эта безуспешная погоня не изнурила вконец людей и лошадей. И, однако, эти поиски стали единственной обязанностью гарнизона: комендант и не думал отказываться от погони, пока у него оставался хоть один солдат.

Особенно зорко следили за одним местом. Днем и ночью переодетые солдаты и специально нанятые шпионы не спускали с него глаз. Это было ранчо охотника на бизонов. Переодетых солдат и шпионов разместили вокруг таким образом, что они могли, оставаясь незамеченными, видеть все происходящее вне стен дома. Днем они занимали одни посты, ночью – другие, один тайный караул сменялся другим, и наблюдение не прерывалось ни на минуту. Однако в обязанности шпионов не входило напасть на Карлоса, если бы он появился. Они лишь должны были уведомить отряд, стоявший поблизости наготове, а уж там достаточно сил, чтобы захватить преступника.

Мать и сестра охотника жили опять в своем ранчо. Пеоны починили его и настлали крышу – задача несложная, поскольку стены не пострадали от пожара. И теперь жилище их было таким же уютным, как и прежде.

Никто не беспокоил мать и сестру Карлоса – ведь они не должны были знать, что за ними неусыпно следят. Не без умысла к ним относились так терпимо: за каждым их движением зорко наблюдали. Стоило им покинуть ранчо, как за ними шли следом; а о том, что они вышли из дому, нужно было немедленно сообщить начальнику прятавшегося в засаде отряда. Суровое наказание грозило всякому, кто не выполнял бы этого строгого приказа.

Объяснялось все это очень просто. Вискаarra и Робладо подозревали, что Карлос навсегда покинет эти места и возьмет с собой мать и сестру. Почему бы нет? Почему бы ему не уехать отсюда? Долина Сан-Ильдефонсо никогда уже не будет ему домом, меж тем он без труда найдет себе приют по ту сторону Великих Равнин. Здесь он навсегда предан анафеме. Только смерть может избавить его от постоянного страха за свою жизнь. Вот почему оба офицера считали, что Карлос намерен уехать в другие края. Но, конечно, он не оставит мать и сестру, пока их держат как заложниц. Он не уйдет далеко отсюда. Рано или поздно эта лиса попадет в капкан, и тогда они с ним расправятся.

Так рассуждали комендант и его капитан, и именно поэтому было строжайше приказано охранять ранчо. Его обитательницы были настоящие пленницы, хотя они и не подозревали об

этом, – по крайней мере, так думали Вискаarra и Робладо.

Однако, несмотря на все их хитроумные планы, несмотря на шпионов, разведку и солдат, на обещанные награды и угрозу сурового наказания, день следовал за днем, а преступник по-прежнему оставался на свободе.

Глава XLIX

Давно уже Карлоса не было ни слышно, ни видно, а те донесения, которые о нем поступали, после проверки оказывались ложными. Комендант и его собрат начали беспокоиться. Вдруг он и впрямь навсегда уехал отсюда в другие края? Этого они теперь боялись больше всего. У обоих были основания желать, чтобы он убрался подальше от этих мест, и еще совсем недавно они очень обрадовались бы такому исходу дела. Но после неудачной попытки схватить Карлоса оба они – и соблазнитель и охотник до приданого – уже не хотели этого. Страстное желание отомстить взяло вверх над подлой любовью одного и корыстолюбием другого. Всеобщее сочувствие, вызванное их злоключениями, еще больше разжигало их ярость. Можно было не опасаться, что она когда-нибудь заглохнет. Вискаarre достаточно было взглянуть в зеркало – и она вспыхивала в его груди с новой силой.

Вискаarra и Робладо сидели на асоте крепости и рассуждали о том, справедливы ли их предположения.

– Он обожает свою сестру, – заметил комендант, – да и мать тоже, хоть она и карга. А все-таки, дорогой мой Робладо, каждый больше всего дорожит собственной жизнью. Дорога мне рубаха, но шкура еще дороже. Он прекрасно понимает, что если останется здесь, то рано или поздно попадется нам в руки, и знает, что его тогда ждет. Правда, он ловко удирал, но не всегда же ему будет так везти. Повадились кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить. Негодяй хитер – уж, конечно, он знает эту поговорку. Вот поэтому я и боюсь, что он все-таки убрался отсюда. Может, и не навсегда, но, во всяком случае, не скоро покажется. Допустим, он и вернется, но как мы будем поддерживать эту вечную слежку? Она изведет самого дьявола. Она так нам надоест, как осада Гранады доброму королю Фердинанду и грязная сорочка его воинственной супруге. Ей-Богу, мне это уже и так опротивело!

– Хуже будет, если он удерет от нас, – возразил Робладо. – Лучше уж я буду всю жизнь за ним гоняться.

– Да, да, я тоже, капитан. Не думайте, я вовсе не намерен отказаться от слежки. Нет, черт побери! Посмотрите на меня!

Вискаarra вспомнил об изуродовавшем его шраме, и горькая гримаса еще более обезобразила его лицо.

– А все-таки, – продолжал он, – после того, что произошло, вряд ли он оставит их здесь даже ненадолго. Вспомните, какой опасности он подвергал себя, когда пришел за сестрой.

– Конечно, – задумчиво ответил Робладо, – конечно. Меня больше всего удивляет, почему он не уехал с ними в ночь, когда вернулась Росита, в ту самую ночь... Ведь, судя по письму, он был там, в своем ранчо. Правда, чтобы подготовиться к путешествию через прерии, нужно время. В какое-нибудь наше селение он не переедет, а чтобы уехать далеко, надо подготовиться, хотя бы женщинам. Сам-то он, наверно, в пустыне как дома, не хуже антилопы или степного волка. Но если бы он уж очень захотел, он все-таки мог бы уйти тогда и взять их с собой.

– Мы промахнулись, что в ту ночь не послали наших людей к его ранчо, – заметил Вискаarra.

– Я бы послал, если бы боялся, что он сбежит.

– Как это «если бы»? А вы не боялись? Разве нельзя было этого ожидать?

– Нисколько, – сказал Робладо.

– Я не понимаю вас, дорогой капитан. Как же так?

– А так, что в долине есть магнит, который притягивает его сильнее, чем мать или сестра, и я об этом знал.

– Вот оно что! Теперь я понимаю вас.

– Да! – скрипнув зубами, злобно продолжал Робладо.

– Именно она, эта бесценная красотка, которая, невзирая ни на что, будет моей женой. Ха-ха! Он не мог сбежать, не потолковав с ней. Да, разговор у них был, и одному Богу известно, порешили ли они, что это их последняя встреча. Но ничего, это я за них решил, и дон Амбросио мне помог. Черт побери, надеюсь, больше она уже не будет гулять по ночам! Нет, он не бежал. Я не допускаю этого – и по двум причинам. Прежде всего из-за нее... Любили ли вы когда-нибудь? Я хочу сказать, любили ли вы понастоящему? – И он снова расхохотался.

– Пожалуй, был такой грех, – тоже смеясь, ответил Вискаarra.

– Вот и в моей жизни тоже был такой идиотский случай. Что ж, тогда вы сами должны знать: уж если человек влюблен всерьез, его никакими канатами не оттащишь от места, где живет дама его сердца. Да, я думаю, наш охотник, хоть он ей совсем не родня, любит и боготворит эту мою будущую супругу. Ха-ха-ха! И уж поверьте, никакая опасность, даже страх перед виселицей не заставит его уехать из Сан-Ильдефонсо, пока у него есть надежда еще на одно тайное свидание. Ну, а так как он знает, что сеньорита готова бежать ему навстречу, он эту надежду не потерял. А второе основание полагать, что он все еще скрывается неподалеку, – это то, о чем вы говорили. Вряд ли он покинет мать и сестру после того, что произошло. Его мы не ослепили, хотя слава Господу или дьяволу, мы всем, кроме него, отвели глаза. Он знает все, Висенса подтвердила нам это. Вот почему, я уверен, он не бросит их надолго. Этот охотник хитер, как койот, он наверняка пронюхивает, где наши засады, знает насчет приманки и уж постарается не попасться нам на глаза. Никуда он далеко не ушел и через этих своих проклятых пеонов поддерживает связь с матерью и с сестрой.

– Что же нам делать?

– Я уже об этом думал.

– Если мы помешаем пеонам ходить, куда им заблагорассудится, они сразу поймут, что вокруг ранчо засада.

– Конечно, комендант. Так никуда не годится!

– Вы придумали другой план?

– Отчасти.

– Так выкладывайте же!

– Вот слушайте. Кое-кто из пеонов постоянно навещает Карлоса в его логове. В этом я убежден. За ними, разумеется, следили, но они уходят только днем, и всякий раз оказывалось, что по своим обычным делам. Но есть там один, который уходит из ранчо ночью, а выследить его никак не удастся. Как за ним ни шпионят, он всегда исчезает в зарослях. Вот я и думаю, что это он встречается с охотником.

– Очень похоже на то.

– Так вот, если бы нашелся кто-нибудь, кто выследил бы его или хоть напал на след... Но тут-то и загвоздка. Больше всего нам нужен теперь хороший следопыт, а во всем гарнизоне не найти ни одного.

– Но есть же в долине еще охотники, и не только на бизонов. Неужели среди них не найти подходящего?

– Конечно, охотники есть, и, говорят, никто из них не сочувствует этому преступнику. Да только боюсь, все они нам не годятся. Нам нужен такой, чтоб ему хватало и ловкости и отваги, тут чем-нибудь одним не обойтись. Они его крепко ненавидят, но и боятся тоже. Есть, правда, один, – я слышал о нем кое-что, – как раз такой человек, какой нам нужен. Он не побоится встречи не то что с Карлосом, но и с самим чертом. Ну, а насчет ловкости и всяких там индейских хитростей – так у него среди охотников репутация еще солиднее, чем у Карлоса.

– А кто он такой?

– Их двое, они неразлучны. Один – мулат, он прежде был в рабстве у американцев. Он беглый, и конечно, ненавидит все, что ему напоминает о его хозяевах. А нашего охотника он, говорят, ненавидит лютой ненавистью. Отчасти все из-за тех же воспоминаний о прошлом, а отчасти потому, что завидует охотничьей славе Карлоса. Так или иначе, а нам это на руку. Его

дружок тоже вроде мулата: он самбо – сын негра и индианки с побережья Матамораса или Тампико. Он давно уже в наших краях, а как он сюда попал, никто не знает. Только этот самбо и мулат с давних пор неразлучны: живут вместе, вместе охотятся и горой стоят друг за друга. Оба они здоровенные молодцы, и хитрости им тоже хватает. Но мулат у них первый – из них двоих он первый подлец. Совесть их обоих не очень-то обременяет. Словом, они-то нам и нужны.

– Тогда почему бы нам их сейчас же не заполучить?

– В том-то и беда, что сейчас их здесь нет. Они на охоте. Они понемногу прислуживают миссии: поставляют святым отцам оленину и всякую другую дичь. Теперь, видно, наши смиренные, воздержанные монахи вздумали полакомиться бизоньими языками – у них есть какой-то там особенный рецепт – и послали своих охотников за свежей дичью.

– А давно они ушли, не знаете?

– Да уж несколько недель назад, задолго до того, как возвратился Карлос.

– Тогда, может быть, они скоро вернутся?

– Очень возможно. Пожалуй, я поеду сейчас в миссию, разузнаю поточнее.

– Поезжайте. Хорошо бы нам их заполучить. По вашему описанию выходит, что эти два молодчика стоят всего нашего гарнизона. Не теряйте времени.

– Ни минуты не потеряю, – ответил Робладо. И, наклонившись над парашетом, крикнул: – Эй, Хосе! Коня!

Вскоре пришел вестовой и доложил, что лошадь оседлана. Робладо уже шагнул к лестнице, но тут навстречу ему над каменным полом асотеи показалась коротко остриженная голова с выбритой на темени круглой, как плешь, тонзурой. Еще мгновение

– и на асотею появился сам отец Хоакин, учтивый и улыбающийся.

Глава L

Это тот самый служитель церкви, который присутствовал на праздничном обеде в крепости в день святого Иоанна. Он – старший из двух отцов иезуитов и безраздельно хозяйничает в миссии. Младший его собрат, отец Хорхе, поселился в Сан-Ильдефонсо недавно, тогда как отец Хоакин заправляет миссией почти с самого ее основания. Он здесь старожил и поэтому знает всю подноготную каждого жителя долины. К семье Карлоса, охотника на бизонов, он почему-то всегда питал глубокую неприязнь, которую и обнаружил в тот вечер на обеде у Вискары, хотя и не объяснил, чем она вызвана. Он ненавидит «белоголовых» совсем не потому, что считает их еретиками, – отец Хоакин в душе не придает подобным вещам никакого значения, хотя всегда грозно обрушивается на отступников церкви. Его религиозное рвение – это чистейшее лицемерие и мирская хитрость. Нет такого порока, распространенного в долине Сан-Ильдефонсо, которому не предавался бы больше всех отец Хоакин. Он искусный игрок в монте и при случае не прочь смошенничать, он авторитетнейший судья в петушиных гонках и всегда готов поставить несколько золотых. Но это еще не все, чем может похвастаться святой отец. Бывая под хмельком – а это не редкость, – он любит рассказывать о своих любовных похождениях в молодости и даже совсем недавно. И хотя новообращенным при миссии полагалось бы быть темнокожими тагносами, там постоянно вертятся несколько юных метисов, мальчишек и девчонок, которых здесь называют племянницами и племянниками отца Хоакина.

Вы, наверно, считаете, что все это сильно преувеличено.

Можно ли себе представить, чтобы какой-нибудь почтенный священник пользовался уважением своей паствы, ведя такой образ жизни? И я бы так думал, если бы мне не привелось собственными глазами наблюдать нравы духовенства Мексики. Безнравственность отца Хоакина – отнюдь не исключение в среде его собратьев. Напротив, это явление очень распространенное, можно даже сказать

– общее правило.

Итак, совсем не религиозный пыл восстановил монаха против семьи бедного охотника,

ничуть не бывало. Он затаил злобу еще против покойного главы семьи: иезуиту порядком доставалось от него при прежнем коменданте.

Отец Хоакин взошел на асотею суетливый и озабоченный, ему явно не терпелось рассказать какую-то новость, и, судя по его торжествующей улыбке, он заранее предвкушал впечатление, которое произведет эта новость на слушателей.

– Добрый день, святой отец!.. Добрый день, ваше преподобие! – в один голос сказали комендант и Робладо.

– Добрый день, дети мои! – ответил иезуит.

– Вы пришли очень кстати, святой отец, – сказал Робладо. – Вы избавили меня от поездки в миссию – я как раз собирался к вам.

– Что ж, если бы вы пришли, капитан, я угостил бы вас отменным завтраком. Мы наконец получили бизоньи языки.

– Вот как! – разом воскликнули Вискаarra и Робладо с таким оживлением, что отец Хоакин даже удивился.

– Ах вы, разбойники прожорливые! Понимаю, к чему вы клоните. Вы не прочь получить от меня несколько штучек. Так знайте, что вы и ломтика не получите, пока не дадите мне чего-нибудь промывать пыль в глотке. Я умираю от жажды!

Офицеры громко расхохотались:

– А чего бы вам хотелось, святой отец?

– Погодите, дайте подумать... Ага! Стаканчик того самого бордо, которое вам недавно прислали.

Принесли вина; отец Хоакин выпил залпом целый стакан и причмокнул губами как знаток, вполне оценивший достоинства напитка.

– Прекрасно! Превосходно! – воскликнул он и возвел глаза к небу, как будто все хорошее исходит оттуда и туда возвращается.

– Так вы получили бизоньи языки? – нетерпеливо спросил Робладо. – Значит, ваши охотники вернулись?

– Да, вернулись. Из-за этого я и пришел к вам.

– Великолепно! А я как раз из-за этого собирался в миссию.

– Ставлю золотой, что у нас на уме одно и то же! – объявил отец Хоакин.

– Мне невыгодно спорить, отец мой, вы всегда выигрываете.

– Бросьте! За мои новости вы с радостью отдадите золотой.

– Какие новости?.. Какие у вас новости? – подступили к нему оба офицера.

– Еще стаканчик бордо, или я задохнусь. Эта пыльная дорога хуже чистилища. Ну, вот это мне поможет!

И святой отец осушил еще один стакан вина и снова причмокнул губами.

– А теперь выкладывайте свои новости, ваше преподобие!

– Так вот, слушайте: наши охотники вернулись.

– Ну и что?

– Что? Они привезли новости.

– Какие?

– О нашем друге, охотнике на бизонов.

– О Карлосе?

– О ком же еще!

– Какие новости? Они его видели?

– Его самого не видели, но напали на его след. Они обнаружили его логово и знают, где он сейчас.

– Прекрасно! – воскликнули Вискаarra и Робладо.

– Они берутся найти его в любое время.

– Великолепно!

– Вот видите, друзья мои, что у меня за новости. Можете ими воспользоваться как вам угодно.

– Дорогой падре, – заметил Вискаarra, – вы умный человек, помогите нам советом. Вы ведь знаете, как обстоит дело. Наши уланы не способны поймать этого негодяя. Что нам делать, как по-вашему?

Такое доверие очень польстило иезуиту.

– Друзья, – сказал он, привлекая к себе обоих сразу, – я уже думал об этом. На мой взгляд, вы великолепно обойдетесь и без улан. Посвятите наших двух охотников, насколько это необходимо, в свои дела, снарядите их, и пускай отправляются по следу. И если они вам не поймают этого негодяя еретика, значит, отец Хоакин ничего не смыслит в людях.

– Как раз об этом мы и думали! – воскликнул Робладо. – Ведь я из-за этого и собирался к вам!

– И вы правильно рассудили, дети мои. Я полагаю, что это самый верный путь.

– А возьмутся ли за это наши охотники? Они люди свободные, они могут и не пойти на такое рискованное дело.

– Рискованное! – повторил иезуит. – Опасность не испугает их, можете мне поверить. Они храбры, как львы, и проворны, как тигры. Будьте спокойны, они не остановятся перед опасностью.

– Так вы думаете, они согласятся?

– Можете считать, что они согласились, я уже выяснил это. У них свои причины не слишком любить Карлоса, и вам не придется долго уговаривать их. Да они, наверно, уже собрались в дорогу – ведь они прочитали объявление – и, надо думать, прикинули, какое богатство сулит поимка Карлоса. Подтвердите, что они получают солидное вознаграждение, и не пройдет и трех дней, как они принесут вам уши этого охотника на бизонов или его скальп, а не то и всю тушу, если вам это больше нравится. Уж они-то его выследят, будьте покойны!

– А не послать ли с ними солдат? Карлос может быть не один. У нас есть основания полагать, что с ним метис – его правая рука, а с такой поддержкой он окажется нешуточным противником для ваших охотников.

– Вряд ли. Ведь это сущие дьяволы. Но спросите их самих. Им лучше знать, нуждаются ли они в подмоге. Это их дело, пусть они и решают.

– Послать за ними сейчас или вы сами пришлете их сюда? – спросил Робладо.

– А не лучше ли кому-нибудь из вас отправиться к ним? Такое дело не терпит огласки. Если они явятся сюда, люди, пожалуй, догадаются, о чем у вас с ними может быть разговор. А уж если до Карлоса дойдет, что эти молодцы его ищут, тогда едва ли им удастся его поймать.

– Вы правы, отец мой, – сказал Робладо. – А как нам увидаться с ними, чтобы никто об этом не узнал?

– Нет ничего проще, капитан. Отправляйтесь к ним в дом – в лачугу, вернее сказать. Они живут в хибарке среди скал. Место это глухое, вряд ли вы кого-нибудь встретите по дороге. Вам надо ехать тропой через заросли, но я дам вам проводника, он знает это место и доведет вас. Молодчики вас, должно быть, ждут: я им намекнул, чтобы они не уходили из дому на случай, если понадобятся. Будьте покойны, вы наверняка их застанете.

– А когда вы пришлете проводника?

– Он уже здесь – мой слуга поведет вас. Он внизу, во дворе, вам незачем терять время.

– Конечно, Робладо, – поддержал комендант. – Лошадь ваша оседлана, поезжайте, не откладывая.

– Еду, сейчас же!.. Где ваш проводник, отец мой?

– Эстебан! Эй, Эстебан! – крикнул иезуит, наклонившись над парапетом.

– Я здесь, сеньор! – ответили снизу.

– Иди сюда! Быстро!

На асоте тотчас появился мальчик-индеец: он снял шляпу и почтительно приблизился к отцу Хоакину.

– Проводишь капитана по тропе через заросли к хижине охотников.

– Хорошо, сеньор.

– Да смотри, никому ни слова об этом!

- Хорошо, сеньор.
- Если скажешь, отхлестаю плетью. Ступай!

Робладо в сопровождении мальчика спустился по лестнице, ему помогли сесть на лошадь, и он выехал из ворот крепости.

Отец Хоакин осушил еще стаканчик бордо, предложенный Вискарой, затем вспомнил, что в миссии его ждет роскошный завтрак, и, распрощавшись с хозяином, отправился восвояси.

Вискара остался на асоте один. Если бы кто-нибудь был там и наблюдал за ним, он заметил бы, что стоило Вискаре взглянуть в сторону Утеса загубленной девушки, как на лице его появлялось странное, тревожное выражение.

Глава LI

Робладо въехал в заросли; в нескольких шагах впереди его лошади рысцой бежал мальчик Эстебан. Около полумили Робладо ехал по проселочной дороге, которая вела из города к одному из проходов в скалах, затем свернул на узкую тропку, по которой, кроме охотников да пастухов, разыскивающих своих овец, почти никто не ходил и не ездил. Еще две-три мили пути, и он добрался до цели своего путешествия – жилища охотников, притулившегося у подножия утеса.

Это и в самом деле была жалкая хижина. Несколько стволов древовидной юкки, в изобилии растущей вокруг, заменяли столбы, они поддерживали односкатную крышу – вернее, навес, верхним краем примыкавший к утесу. Крыша была устлана жесткими листьями той же юкки, наваленными плотным слоем. Было там и что-то вроде двери, сделанной из досок, отщепленных от более толстых стволов юкки, и подвешенной на полосах буйволовой кожи. Окном служило отверстие со ставнем из того же материала, подобным же образом подвешенным. Стены были сплетены из виноградных лоз, вкривь и вкось скрепленных тонкими жердями и кое-как промазанных глиной. Хозяева старались тратить поменьше труда на постройку дома, поэтому четвертую стену заменяла гладкая поверхность отвесного утеса, и полоса копоти отметила на ней путь дыма, выходявшего вместо трубы просто через отверстие в крыше. Дверь находилась сбоку и примыкала к утесу, окно же было вырезано в передней стене хижины, так что хозяева увидели бы всякого, кто вздумал бы прийти сюда по тропе. Только случалось это редко: свирепые охотники почти ни с кем не водили знакомства, и жилище их было в стороне от проезжей дороги. С одной стороны ее загораживали скалы, с другой скрывали еще и густые заросли.

За домом виднелся небольшой загон, кое-как сложенный из камней. Там стояли три тощих, облезлых мула и две такие же жалкие лошади. К коралю примыкало поле, вернее – то, что когда-то было полем; теперь, запущенное, заброшенное, оно поросло травой и сорняками. Впрочем, кое-где можно было обнаружить следы человеческого труда: местами в беспорядке торчали неухоженные кустики маиса, а между ними тянулись усики дынь и тыкв. Сразу видно было, что люди, поселившиеся на этой земле, ей не хозяева.

У порога лежали пять или шесть собак, больше похожих на волков; на земле под нависшей скалой валялось несколько обтрепанных выючных седел. Два старых, потертых, рваных седла для верховой езды торчали на горизонтальном шесте; на нем же висели уздечки, связки вяленого мяса и стручки красного перца.

Войдя в этот дом, можно было увидеть двух не слишком опрятных индианок – одна месила тесто для грубого хлеба, другая жарила мясо. У самой скалы меж двух камней горел огонь, а рядом на полу были свалены в беспорядке глиняные горшки и тыквенные бутылки.

Стены этого жилища украшали луки, колчаны и шкуры животных; покрытые шкурами камни, сложенные в двух углах комнаты (там была только одна комната), служили постелью. В третьем углу стояли два охотничьих ружья, одно длинноствольное, другое испанское, с коротким стволом, и два длинных копья, а над ними висели охотничьи ножи, пороховницы, сумки и всякое другое снаряжение, необходимое охотнику Скалистых гор. Были там и сети и прочие принадлежности для рыбной ловли и охоты за мелкой дичью. Вот и вся обстановка и

утварь этой лачуги. Все это Роблаго увидел бы, войди он в хижину; но он не вошел, так как те, кто был ему нужен, не сидели в четырех стенах. Мулат лежал, растянувшись на земле, а самбо, по обычаю своей родины – побережья жарких стран, – в гамаке, повешенном меж двух деревьев.

Вид этих людей внушил бы отвращение всякому, однако Роблаго он успокоил. Именно такие пособники ему и нужны! Он видел обоих и раньше, но никогда к ним не приглядывался. А теперь, глядя на их наглые, мрачные физиономии и темные мускулистые тела, он подумал: «Да, вот эти справятся с Карлосом. Внушительная парочка. Если судить по внешности, то любой без труда его одолеет – они и крупнее и плотнее его».

Мулат был повыше своего приятеля. Тот уступал ему и в силе, и в храбрости, и в пронизательности. Если не считать самбо, вряд ли можно было сыскать во всей стране еще кого-нибудь с такой отталкивающей физиономией, как у мулата. Ну, а самбо – тот был ему под стать.

У мулата была темно-желтого цвета кожа, редкие усы и борода. За толстыми фиолетовыми, как у негра, губами красовались два ряда огромных волчьих зубов. Желтоватые крапинки густо усеивали белки его ввалившихся глаз. Над глазами нависли густые черные, широко раздвинутые брови; дырами зияли вывернутые ноздри толстого приплюснутого носа. Густая копна курчавых волос, вернее – шерсти, скрывала огромные уши. На голове на манер тюрбана был повязан старый клетчатый мадрасский платок, давным-давно не приходивший в соприкосновение с мылом. Курчавые волосы, вылезавшие из-под складок тюрбана на лоб, придавали лицу мулата еще более дикое и свирепое выражение. Все в этой физиономии говорило о жестокости, наглой дерзости, коварстве и отсутствии каких бы то ни было человеческих чувств.

Одежда мулата мало чем отличалась от той, какую носят все охотники прерий. Она состояла из шкур и одеяла. Необычен был лишь головной убор – память о тех временах, когда мулат был невольником в Южных штатах.

У самбо было лицо не менее свирепое, чем у его приятеля. Отличалось оно только цветом кожи. Оно было бронзово-черным – сочетание окраски кожи двух рас, к которым принадлежали его родители. Губы у него были толстые и лоб покатым, как у негра, а индеец сказывался в волосах, почти гладких, свисавших длинными змеевидными прядями на шею и плечи. Однако его внешность обращала на себя меньше внимания, чем вид его дружка-мулата. Он носил обычную для своего племени одежду – широкие шаровары из грубой бумажной ткани и безрукавку из той же материи, грубое серапе и вместо пояса шарф. Грудь, шея, плечи и массивные темные, как бронза, руки были обнажены.

Роблаго подросел как раз к концу сценки, в которой наглядно выразился характер самбо.

Полулежа в гамаке, он наслаждался крепкой сигарой и время от времени отгонял мух бичом из сыромятной кожи. Потом окликнул одну из женщин, свою теперешнюю жену:

– Эй, девчонка! Дай мне поесть! Жаркое готово?

– Нет еще, – ответил голос из хижины.

– Тогда принеси мне маисовую лепешку и перцовку!

– Ты ведь знаешь, дорогой, перцовки нет в доме,

– прозвучал ответ.

– Поди сюда! Ты мне нужна!

Женщина вышла из хижины и с явной неохотой приблизилась к гамаку.

Пока она не подошла совсем близко, самбо сидел не шевелясь, потом неожиданно взмахнул бичом, который он до сих пор прятал за спиной, и изо всей силы обрушил его на плечи женщины, защищенные лишь тонкой сорочкой. Удары сыпались один за другим, пока несчастная женщина не отважилась наконец отойти на безопасное расстояние.

– Так-то, девчонка! В другой раз, когда я попрошу лепешку и перцовку, у тебя они найдутся, не правда ли, душечка?

И, снова улегшись в гамаке, дикарь разразился громовым хохотом, к которому присоединился мулат. Он собирался точно так же поступить и со своей дражайшей половиной,

но как раз в эту критическую минуту у хижины остановился Робладо.

Оба вскочили на ноги и почтительно его приветствовали. Они знали, кто он такой. Разговор поддерживал в основном мулат – ведь из них двоих он был главный, – самбо же оставался в тени.

Беседа велась вполголоса, чтобы не услышали женщины и Эстебан. Как и советовал отец Хоакин, приятели были наняты для того, чтобы выследить охотника на бизонов и, мертвого или живого, доставить его в крепость. В первом случае их ожидало немалое вознаграждение, во втором – почти вдвое большее.

Они не пожелали помощи солдат. Это их не прельщало. Им вовсе не хотелось уменьшить щедрую награду, делить ее еще с кем-нибудь. Для двоих эта сумма была бы целым состоянием, и блестящая перспектива ее получить разжигала их стремление добиться успеха.

Покончив с этим делом, капитан поскакал обратно в крепость, а мулат и самбо стали тут же собираться на охоту за человеком.

Глава II

Через полчаса мулат и самбо – первого звали Мануэль, второго Пепе – готовы были отправиться в путь. Сборы не отняли и половины этого времени, но добрых пятнадцать минут было затрачено на то, чтобы подкрепиться жарким и выкурить по крепкой сигаре; а лошади пока что грызли брошенные им початки кукурузы.

Но вот сигары докурены; приятели вскочили в седла и поскакали.

Мануэль был вооружен длинноствольным ружьем, какими обычно пользуются американские охотники, и ножом, тоже американским, с тяжелым крепким клинком, обоюдоострым на несколько дюймов от конца, – страшным оружием в единоборстве. И то и другое Мануэль привез с собой из долины Миссисипи, там же он научился пользоваться этим оружием.

У седла лошади Пепе болталось на ремне испанское охотничье ружье; на боку у Пепе висел большой, тяжелый нож – мачете, а за спиной – лук и колчан со стрелами. В некоторых случаях – например, когда нужно добыть дичь или нанести удар, не поднимая шума, – мачете и лук удобнее, чем любое огнестрельное оружие. Из лука стреляют быстрее, чем из ружья; а если первая стрела не попала в цель, что ж, это не пуля – меньше вероятности, что она выдаст намеченной жертве врага.

Кроме этого оружия, у каждого охотника за поясом торчал пистолет, а на седельной луке висело свернутое лассо.

Позади, на крупе лошадей, они везли провизию – связки вяленого мяса и завернутые в оленью шкуру холодные маисовые лепешки. Снаряжение довершали тыквенная бутылка для воды с двумя горлышками, рожки, пороховницы и сумки. За лошадьми по пятам бежали два громадных тощих пса, такие же свирепые и дикие на вид, как и их хозяева. Один из них был волкодав местной породы, другой – испанская ищейка.

– Как поедem, Мануэль? – спросил самбо, когда они отъехали от хижины. – Напрямик к Пекосу?

– Нет, нет, вверх полезем, в обход. Увидят нас в долине – еще догадаются, за кем это мы. Ему ктонибудь сболтнет – тогда не видать нам тех денег. Нет, поедem старой дорогой – через сухое русло к Пекосу. Дольше будет, зато вернее.

– Черт побери! – воскликнул Пепе. – Да там крутизна – помрешь, пока влезешь. Моей бедной скотине, пожалуй, не под силу. И так выдохлась. Мы ведь сколько гонялись за бизонами!

Они пересекли заросли и по дороге, огибавшей скалы, подъехали к месту, где в отвесный склон врезалась лощина. По дну ее можно было подняться на верхнее плоскогорье. Подъем был крутой, очень трудный. Любая лошадь заартачилась бы, кроме выросшего в горах мустанга, – эти всюду карабкаются, как кошки. Даже собаки взбирались с трудом на этот почти вертикальный откос. Однако охотники спешили и, таща за собой лошадей, полезли вверх;

вскоре они достигли плоскогорья.

Отдышавшись немного и дав передохнуть лошадям, они опять сели в седла и поскакали галопом через прерии на север.

– Ну, Пепе, сынок... – пробормотал мулат. – Нам, может, кто попадется навстречу. Может, тут пастух гоняется за антилопой. Слышишь?

– Ага, Мануэль, понимаю.

Это были последние слова, которыми они обменивались на протяжении десяти миль. Ехали они гуськом: впереди Мануэль, следом Пепе, позади собаки. Те тоже бежали друг за дружкой – волкодав за ищейкой.

Проехав десять миль, они достигли высохшего русла реки, наискосок пересекавшего дорогу. По этому самому руслу ехали Карлос и его спутники в день, когда они бежали после происшествия в крепости. Теперь сюда спустились охотники. Как тогда Карлос, они свернули вниз по направлению к устью – к берегу Пекоса. Здесь они въехали в рощу и, спешившись, привязали коней к деревьям. Хотя лошади лишь недавно вернулись после долгого пути и сейчас пробежали еще не менее тридцати миль, они совсем не казались измученными. Несмотря на худобу, они были сильны и выносливы, как это присуще их породе, и могли бы без ущерба пробежать еще миль сто. Их хозяева прекрасно это знали, иначе они не были бы уверены в успехе своей охоты на человека.

– Как бы он не ускакал, вороной у него хорош, – заметил мулат, поглядев на мустангов. – Ничего, нагоним, а, Пепе?

– Да уж нагоним.

– Пара кляч изматает рысака, а, Пепе?

– Верно, Мануэль, изматает!

– Не хочу я надрываться, надо сделать игру полегче. Исхитримся, Пепе?

– Надеюсь, Мануэль!

– Он наверняка засел в пещере. Лучше местечка ему не найти. Не схватят, когда спит, солдатам тут в жизнь не взобраться. И назад, в долину, ему выйти легко. Ходит взад и вперед, никакие шпионы его не углядят. Больше ему негде быть. Наверняка он в пещере с конем вместе. Только вот загвоздка: когда его поймать? А, Пепе?

– То-то и оно! Кабы знать, когда он там, а когда нет!

– Ну, это нетрудно. Устроим засаду – и все.

– Думаешь, он там бывает днем?

– Думаю, Пепе. В долину он выходит ночью, это ясно – только ночью. Может, не к себе домой, куданибудь по соседству. Уж наверно, он встречается с Антонио. В пещеру Антонио нельзя идти: белоголовый хитер, он идет ему навстречу. Это наверняка!

– Может, нам выследить Антонио?

– Можно, только это не годится. Тогда надо драться сразу с двоими. И не надо убивать Антонио. У людей нет зла на Антонио. Найдут с ним Антонио – будет хуже. Нет, сынок, хватит с нас белоголового – много дела поймать его. Помни: поймать – не убить. Пусть-ка сами убивают. На что нам выслеживать Антонио? Мы знаем, где он сам. Кабы не знали, другое дело.

– А может, пойти к пещере днем, Мануэль? Что-то я плохо помню, где это.

– Миля, не меньше. Пошли бы, если он спит... А когда он спит? Может, ты скажешь?

– А если не будет спать?

– За милую увидит нас в ущелье, вскочит в седло, ускачет вверх, на плоскогорье, – ищи его тогда! Может, три дня пропадут, а может, и вовсе не найдем.

– А знаешь, Мануэль, я придумал! Пойдем к входу в ущелье, заляжем до ночи поблизости. Как станет темно, заползем туда, где поуже. Он проедет мимо – другой дороги в долину у него нет, понимаешь? – тогда мы его и подстрелим.

– Эх, ты! Да мы так потеряем половину платы! А если промахнемся в темноте? Тогда все потеряем. Ну нет! Все – или ничего! Жизни своей не пожалею, а его надо взять живьем, только живьем!

– Ладно, тогда пускай он выедет из ущелья, – заметил Пепе.

– Отъедет подальше, а мы заберемся в пещеру. Будем ждать, пока придет обратно. Что скажешь, Мануэль?

– Неплохо придумано, сынок. Ладно, так и сделаем. Только зря соваться не будем. Сперва пускай он выедет из ущелья, тогда пойдем. Увидим, что он убрался, – и в пещеру. Так мы его наверняка захватим... Смотри, солнце садится. Пора! Поехали!

– Поехали!

Они сели на коней и выехали на берег реки. В этом месте не было брода, но что с того? Не медля ни минуты, они заставили лошадей войти в воду и поплыть; за ними последовали собаки; и вскоре все они выбрались на другой берег. Вода текла с них ручьями. Вечер был холодный, но что для таких людей жара или холод! Они не замечали своей промокшей одежды. Не задерживаясь, они поскакали прямо к отвесным скалам, в которые упиралась долина. Здесь, у подножия Льяно Эстакадо, они свернули вправо, огибая утесы.

Охотники проскакали две или три мили вдоль каменной стены и подъехали к скалистому отрогу, врезавшемуся в долину. Отходя от плоскогорья, он постепенно суживался и становился все более пологим. В конце его беспорядочно громоздились обломки скал и каменные глыбы. Здесь не было деревьев, но темные вздыбленные камни придавали этому месту какой-то взъерошенный вид. Меж камней и в расселинах скал мог бы укрыться целый отряд всадников вместе с лошадьми.

К этому выступу скалистого мыса и направился мулат. За мысом скрывалось ущелье, где находилась пещера; второй такой же кряж огораживал ущелье с южной стороны. Оно глубоко вгрызалось в скалу, а оттуда вверх, на плоскогорье, вела узкая крутая тропа. Это было то самое ущелье, где перебили стадо молодого скотовода дона Хуана. Здесь больше не видно было трупов. Стервятники, волки и медведи немало потрудились над ними, и теперь на дне ущелья валялись одни лишь кости, уже побелевшие.

Наконец охотники достигли цели путешествия. Они провели своих коней меж каменных глыб и крепко привязали их; потом стали карабкаться по расселинам и скалам вверх и добрались до вершины хребта. Отсюда открывался вид на вход в ущелье. Он был шириной ярдов в триста, и ни человек, ни лошадь не могли бы пройти мимо Мануэля и Пепе незамеченными, разве что ночь будет уж очень темная. Но охотники надеялись на луну; при свете ее они увидят и кошку, если она вздумает проскочить в ущелье.

Облюбовав себе местечко, они залегли в засаде. Снизу, из лощины, лежащей по обе стороны хребта, никто не мог бы их увидеть. А их лошади были спрятаны среди скал.

Охотники на человека ясно представляли себе план действий. У них были основания предполагать, что Карлос, объявленный вне закона, поселился здесь, в пещере, в этом ущелье, хорошо знакомом Мануэлю. По ночам он, уж наверно, выходит отсюда, отправляется в долину – отсюда до его ранчо всего миль десять – и где-то на полпути встречается с Антонио, а тот рассказывает ему обо всем, что происходит в Сан-Ильдефонсо, и кстати передает ему съестные припасы.

Здесь они намеревались ждать, пока Карлос выедет из ущелья, потом забраться в пещеру и наброситься на него, когда он вернется. Конечно, они могли бы подкараулить его, когда он будет проезжать мимо, но они не были уверены, что им удастся его схватить. Если он будет верхом на своем коне, им его не поймать. Можно, конечно, подкрасться совсем близко и выстрелить в него, но в этом случае, как сказал мулат, есть риск, что он ускользнет.

К тому же они гнались вовсе не за его скальпом. Оба они, и в особенности Мануэль, хотели во что бы то ни стало захватить Карлоса живым и заработать двойную плату. Пусть это и труднее и опаснее, зато, если они его поймают, награда будет удвоена, а за деньги эти головорезы были готовы на все. Впрочем, они вовсе не были так отважны, чтобы стремиться к открытой схватке. Они знали безудержную храбрость белоголового и надеялись взять верх над ним, прибегнув к хитрости.

С самого начала они решили выследить его, а потом подкрасться к нему, когда он будет спать, и постепенно, в пути, обдумали план действий. В голове Мануэля этот план зрел задолго до того, как он предложил его Пепе.

Их надежды подогревались уверенностью, что жертва и не подозревает о том, кто за ним гонится. Карлос ни от кого не мог узнать об их возвращении с охоты, поэтому он не будет уж очень осторожен. Конечно, знай Карлос, что они отправились по его следу, он повел бы себя иначе, чем теперь, когда он думает, что скрывается от солдат. От солдат он в любое время спрячется где-нибудь на Льяно Эстакадо. Охотники

– другое дело. Если при первой попытке им не удалось бы разделаться с ним, они выследят его и найдут, куда бы он ни усекал.

Оба они, Мануэль и Пепе, не сомневались: белоголовый не заподозрит, что они здесь, до той минуты, пока они его не схватят. Поэтому-то они и рассчитывали на успех.

Разумеется, они приняли меры, которые должны были обеспечить им удачу, если только их предположение правильно: Карлос сейчас в пещере и выйдет из ущелья ночью.

Скоро они это узнают. Солнце уже село. Ждать осталось недолго.

Глава LIII

Карлос действительно был в это время в пещере. После случая в крепости он поселился здесь, сделав эту пещеру своим «логовом» по тем самым причинам, о которых Мануэль говорил своему сообщнику. Она обеспечивала ему надежное убежище и при этом находилась недалеко от его друзей, от долины. Он мог спокойно выходить из ущелья ночью и возвращаться перед рассветом. Днем он спал. Здесь он мог не бояться, что его выследят солдаты. Но если бы даже и выследили, из входа в пещеру открывался вид на ущелье почти на милю, до самого устья, и кто бы ни появился с той стороны, Карлос заметил бы его еще издали. И хотя по обе стороны ущелья вздымались неприступные утесы, у охотника была возможность бежать, если бы солдаты вошли в ущелье снизу, из долины. Как уже сказано, из ущелья вверх, на плоскогорье, вела узкая, крутая, опасная тропка. Несмотря на ее крутизну, славный вороной смело взбирался по ней, а наверху, на широком просторе Льяно Эстакадо, Карлос только посмеялся бы над своими преследователями-уланам.

Лишь в часы его сна или после наступления темноты враги могли бы подкрасться к нему. Но и этого Карлос не боялся. Он спал так же безмятежно, как если бы его окружала надежная охрана. И у него был страж – верный страж Бизон. Из последней отчаянной схватки на мосту Бизон все-таки вырвался, и хотя его искололи пиками, раны были неопасны. Как и прежде, он был рядом со своим хозяином, и, когда тот спал, умный пес сидел на уступе и смотрел вниз, в ущелье.

От одного лишь вида солдатских мундиров шерсть встала бы дыбом на спине Бизона и он бы предостерегающе зарычал. Даже в темноте собака почует приближение постороннего еще за несколько сот ярдов, и это позволит хозяину вовремя скрыться от самых быстроногих преследователей.

Пещера была просторная, достаточно просторная, чтобы вместить людей с их лошадьми. Кристально чистая вода стекала со скал в ее глубине в круглую, точно чаша, выемку, казалось, созданную рукой человека. Но это лишь казалось. Сотворила эту чашу и наполнила ее чудеснейшей водой сама природа. В этих местах такие водоемы не редкость. В горах Вако и Гваделупских, расположенных еще южнее, часто встречаются пещеры с такими родниками.

Трудно представить себе лучший приют для беглеца, кто бы он ни был – разбойник, изгнанник, преследуемый законом, – и для Карлоса теперь это было самое подходящее убежище. Он давно знал о существовании пещеры, а кроме него, о ней знали лишь такие же охотники на бизонов, как он, да дикие индейцы. К этому темному, мрачному ущелью жители долины никогда не приближались.

Здесь, в пещере, Карлос мог сколько угодно предаваться размышлениям, а размышления его подчас бывали очень горьки. Обо всем, что происходило в долине, ему рассказывал Антонио. Каждую ночь он виделся с Антонио в условленном месте, у Пекоса, и узнавал от него новости. Хитрый мулат Мануэль угадал верно. Если бы Антонио приходил в пещеру, его могли бы выследить и тем самым обнаружить убежище Карлоса. Вот почему охотник каждую ночь

уходил отсюда, чтобы встретиться с Антонио подальше.

В городе у Антонио была ловкая помощница – ему сообщала новости Хосефа. От нее он узнал, что Каталину де Крусес держат под замком; что Робладо всего лишь ранен и уже поправляется; что на поиски Карлоса отправились отряды, возглавляемые вновь приехавшими офицерами, и что награда за его голову увеличена. О слежке, установленной за ранчо, Карлос знал давно. Эта затея, не такая уж хитрая, все же сильно досаждала ему: он не мог навещать мать и сестру. Однако через Антонио он все-таки поддерживал с ними постоянную связь. Казалось, после происшедшего ему следовало бы беспокоиться за сестру; но негодяй Вискаarra еще не оправился после ранения, а кроме того, Карлос правильно рассудил, почему Роситу отпустили на свободу. За нее он не очень боялся – по крайней мере, в ближайшее время; а вскоре он увезет ее далеко, туда, где ей не будет грозить опасность.

И сейчас он ждал удобного случая. Он не сомневался: как бы ни были бдительны враги, он в любое время сумеет выкрасть мать и сестру. Но вместе с ними должна бежать и та, что дорога ему не меньше. А ее охраняют куда строже, с нее не спускают глаз!

Ради нее одной он каждый день рисковал жизнью, ради нее проводил одинокие часы в пещере, обдумывая все новые безрассудно смелые планы.

Каталину держат под замком, стерегут ее неусыпно дни и ночи напролет. Как же ее освободить? Эта мысль не давала ему покоя.

Каталина поклялась, что уйдет вместе с ним. О, почему они не бежали сразу? Почему медлили? Как он мог упустить такую драгоценную минуту! Промедление оказалось роковым. Неужели задуманное не осуществится долгие месяцы, годы, быть может, никогда?..

Злоба врагов, презрение, с каким относились к нему в долине, мало заботили Карлоса. Он беспокоился лишь о Каталине, лишь мысль о ней неотступно тревожила его. В часы бодрствования он думал об одном – как спасти не себя, а любимую.

Можно ли удивляться, что он так ждал ночи? Можно ли удивляться, что он нетерпеливо мчался к Пекосу, к месту тайного свидания с Антонио?

Снова спустилась ночь. Карлос вывел коня на откос у выхода из пещеры, вскочил в седло и поскакал вниз по ущелью. Впереди бежал Бизон.

Глава LIV

Охотникам на человека, как они и предполагали, не пришлось долго ждать. Светила луна – на это они тоже рассчитывали. Луна была яркая, и лишь порой ее ненадолго закрывали пробегающие по небу облака.

Однако ветра не было, воздух словно застыл. Здесь, на высоте, воздух так чист и прозрачен, что самый легкий звук слышен на большом расстоянии, каждый шорох отдается вдалеке.

Шорохи и шумы были слышны, хотя собаки и лошади охотников, приученные стоять тихо, и сами охотники не издавали ни звука. Они лежали молча, и если переговаривались, то только шепотом.

То были голоса самой природы, какие обычно раздаются в этом диком краю: захрапит бурый медведь в своей берлоге среди скал, завоет, залает койот, ухнет сова, порой пронзительно пискнет летучая мышь или крикнет козодой. Некоторое время ушей спрятавшихся охотников достигали лишь эти звуки.

Прошло полчаса, но ни мгновение Мануэль и Пепе не дали отдыха зрению и слуху. Они смотрели то на ущелье, то в сторону долины. Очень может быть, что их жертвы нет в пещере и днем не было, а такие люди, как они, предвидят и взвешивают всякую возможность. Если это так и если Карлос сейчас должен возвратиться в пещеру, то их план нельзя осуществить. Но Мануэль предусмотрел и такой случай: надо дать Карлосу пройти, а потом, ночью, подкрасться поближе к пещере, хорошо бы на расстояние выстрела, дожидаться утра, когда белоголовый появится снова, и прострелить ему руку из ружья – этим оружием желтолицый охотник владел мастерски. Можно застрелить лошадь – и это неплохой план. Карлоса почти наверняка удастся

поймать, если они убьют или ранят его коня. И приятели решили при первом же удобном случае покончить с благородным животным.

Знали они и совсем верный способ убить или захватить Карлоса, тут вряд ли возможна неудача, – конечно, если точно знать, что их жертва сейчас в пещере. Но у них были свои основания не воспользоваться этим планом.

Ничего не стоило провести отряд улан по плоскогорью и оставить его наверху, у тропки, ведущей из ущелья. Другой отряд тем временем вошел бы в ущелье из долины; а так как скалистые стены ущелья почти отвесны, Карлосу был бы отрезан путь к бегству с обоих концов. Правда, как мы уже знаем, если бы солдаты вошли только в ущелье, все дело сорвалось бы; а чтобы провести их на плоскогорье, минуя ущелье, пришлось бы затратить целый день. Но, конечно, Вискаarra и Робладо ради верного успеха не пожалели бы ни времени, ни людей.

Мулат и его темнолицый приятель все это великолепно знали, однако меньше всего они думали о том, чтобы воспользоваться таким планом. Его можно было осуществить, почти не подвергая себя опасности, зато невелика была бы и плата: ведь каждый солдат потребовал бы себе равную долю обещанной награды. А Мануэлю и Пепе вовсе не хотелось с кем-то делиться наградой, если они благодаря своему опыту и смекалке поймают Карлоса. Нет, они и не думали прибегнуть к этому способу. Оба не сомневались, что добьются своего и без посторонней помощи.

Они недолго ждали в своей засаде на скале. Через каких-нибудь полчаса и тот и другой чутким ухом уловили звук, доносившийся из ущелья: кто-то приближался к выходу в долину. Стучали лошадиные копыта по камню, осыпалась мелкая галька.

Дно ущелья устилало осколки камней, нанесенные сюда во время ливней. По этой каменистой дороге ущельем ехал всадник.

– Белоголовый, – пробормотал Мануэль. – Наверняка он.

– Верно, брат, ты угадал. Ты все его следы разгадал сразу. В пещере-то он и прячется. Мы наверняка его застукаем, когда придет обратно... А, черт! Вот он!

Не успел Пепе договорить, как на склоне появилась высокая тень. В лунном свете охотники разглядели всадника и коня. Можно было не сомневаться: это и была намеченная жертва.

– Слушай, брат, прошептал Пепе, а вдруг он пройдет близко? Может, уложить коня? При таком свете не промахнешься, будем целиться в коня. Уложим его – легко захватим белоголового.

– Не годится, сынок. Его не так-то легко захватить и пешего. Уйдет в скалы, будет прятаться день за днем, все время будет начеку – намучаемся мы с ним. Старый план лучше. Пускай его едет – вернее захватим, когда вернется. Тогда наверняка его захватим.

– Но, Мануэль...

– К черту! Чего там «но»? Всегда ты спешишь. Наберись терпения, не пьтсь, не трусь! Вон, гляди!

Этот возглас означал, что предложение Пепе, хотя и разумное, неосуществимо: всадник проезжал так далеко, что был недосыгаем для их ружей.

Он ехал посередине ущелья, держась на равном расстоянии от его откосов, и ясно было, что он выедет на открытое пространство ярдов за двести от того места, где прятались в засаде охотники.

Так оно и вышло. Через несколько минут он оказался против их укрытия и действительно не менее чем в двухстах ярдах от них. Его не настиг бы выстрел из охотничьего ружья Мануэля; столь же ненадежным посланцем была бы пуля Пепе. Охотники лежали, затаив дыхание, не помышляя о стрельбе; они силой удерживали своих собак в расселине скалы, поглаживая их, чтобы успокоить.

Всадник приближался медленным шагом, с большой осторожностью. В ярком свете луны искрились блестящие части сбруи и оружия. Можно было отчетливо разглядеть и белую кожу, и статную фигуру всадника, и его великолепного коня.

– Белоголовый! – пробормотал Мануэль. – Удачно, сынок!

- А что это там, впереди? – спросил Пепе.
- Ага! Я и не заметил. Будь он проклят! Это пес. Ну конечно, пес!
- Верно, пес, провались он!
- К черту в пекло этого пса! Я уже про него слышал. Редкостный пес. Дьявольщина!

Задаст он нам хлопот! Хорошо еще, что ветер не в ту сторону. Сейчас неопасно... А, черт! Гляди!

Всадник вдруг остановился и подозрительно посмотрел на вершину скалы, где скрывались охотники. Что-то в поведении собаки беспокоило его.

– Будь он проклят! – опять пробормотал Мануэль. – Этот пес еще задаст нам хлопот! Наше счастье, что ветер не в ту сторону.

Ветер был совсем слабый, дул он и в самом деле со стороны всадника прямо в лицо охотникам, и это было для них удачей, не то Бизон, конечно, почувал бы их.

Их засаду и так чуть не обнаружили. Какой-то еле уловимый звук – быть может, одна из лошадей переступила ногами в траве – возбудил подозрение собаки, хотя всадник ничего не услышал. Да и собака, видимо, сразу успокоилась – она опустила морду и снова побежала вперед. Всадник последовал за ней. Через несколько минут они скрылись из виду.

– Теперь, сынок, в пещеру!

– Пошли!

Охотники спустились вниз, сели на коней и, пробравшись среди скал, въехали в ущелье. Держась в тени откоса, они поехали в дальний, узкий конец ущелья, к той тропе, по которой недавно спустился всадник. Поднимаясь по ней, они внимательно смотрели на утес справа, так как знали, что пещера должна быть на этой стороне.

Они не опасались, что оставят след и Карлос распознает его, даже если будет возвращаться днем: тропа вела по камням, и на них уже были отметины, оставленные копытами его собственной лошади. И все же Мануэль не был спокоен; время от времени он твердил не то про себя, не то обращаясь к своему приятелю:

– Будь он проклят! Задаст нам хлопот этот пес, наверняка задаст! Будь он проклят!

Наконец в каменной стене ущелья, словно черное пятно, показалось жерло пещеры. Мануэль бесшумно спешил и, оставив своего коня с Пепе, взобрался на уступ и стал внимательно разглядывать вход в пещеру. Хитрый охотник был осторожен на случай, если вдруг ктонибудь оказался внутри, – он не упустил из виду и такую возможность.

Некоторое время он прислушивался у входа, потом послал в пещеру собак; они не залаяли, не заворчали, и Мануэль наконец успокоился. Он заполз туда сам, все же держась в тени скал, потом высек огонь, заслонив свет, чтобы отблеск его не падал наружу, быстро огляделся и, окончательно убедившись, что никого нет, вышел и велел товарищу привести коней.

Теперь в пещеру вошли оба охотника вместе со своими лошадьми. Они обшарили все кругом и на сухом уступе обнаружили несложное хозяйство Карлоса. Серапе, небольшой топорик, чтобы колоть щепки для очага, котелок для варки пищи, две-три чашки, несколько кусков вяленого мяса и немного хлеба – вот и все, что было в пещере.

Непрошенные гости присвоили себе все то, что им пришлось по вкусу, привязали лошадей в глубине и тщательно осмотрели каждый уголок, чтобы уже совсем освоиться в этом каменном жилище; потом они погасили огонь и, словно хищные звери, залегли, подкарауливая свою ничего не подозревающую жертву.

Глава LV

Покинув пещеру, Карлос ехал с осторожностью, вполне естественной для человека в его положении. Однако этой ночью он был особенно осмотрителен. Он зорко вглядывался в каждый кустик на пути, в каждый камень, за которым мог бы притаиться враг. Почему же сегодня он более осторожен, чем обычно? Да оттого, что в душу его закралось подозрение, и подозревал он, что на его след могли напасть те самые люди, которые так близко от него

лежали сейчас в засаде.

В последние дни он часто думал об этих людях. Он хорошо знал их и знал, что оба они, а Мануэль в особенности, ненавидят его. Их могут послать на розыски, думал он, и, несомненно, они способны его выследить. Вот почему Карлос тревожился сейчас куда больше, чем прежде, когда его преследовали отряды улан с их неопытными начальниками. Если на поиски его двинутся хитрый мулат и его не менее проницательный дружок, то, конечно, пещера недолго будет служить ему убежищем, и он уже не сможет так легко получать вести из Сан-Ильдефонсо.

От этих мыслей Карлосу было не по себе и стало бы еще тревожнее, не будь он уверен, что приятели охотятся сейчас далеко на плоскогорье. Он надеялся, что сумеет уладить все свои дела и уехать из этих краев до того, как вернутся Мануэль и Пепе. Но в это утро его надежды рухнули.

Он возвращался в свое убежище, когда уже рассвело. На этот раз Антонио, за которым неотступно следовали шпионы, не удалось вовремя прийти в условное место, и поэтому Карлос задержался. Возвращаясь в ущелье, он натолкнулся на свежий след, который шел с северного края плоскогорья. Здесь прошли лошади, мулы и собаки, и по следам Карлос быстро посчитал, сколько их было. Оказалось – как раз столько, сколько лошадей, мулов и собак у желтолицего охотника и его дружка. И Карлос понял: это их следы! Они вернулись с охоты в прериях.

Он внимательно рассмотрел следы и убедился, что его опасения справедливы. Отпечатки, оставленные одной из собак, разнились от других. Это не был след волкодава местной породы, хотя и такой же крупный. Карлос слышал, что Мануэль не так давно приобрел огромную ищейку. Конечно, это и есть отпечатки ее лап.

Карлос проехал по следам охотников до того места, где они пересекали его собственную старую тропу, ведущую к ущелью. Как же он удивился, когда обнаружил, что один из всадников вместе с собаками свернул и отправился в ту сторону, куда вели следы его коня! Сомнений не могло быть: человек этот выслеживал именно его, Карлоса! Вскоре, однако, этот человек повернул обратно и продолжал прежний путь.

Карлос знал теперь, что накануне вечером здесь проезжали охотники. Он выследил бы их дальше, но наступило утро, и так как они явно направлялись к городу, он не отважился ехать в ту сторону, а вернулся в свое убежище.

Весь день его не покидали тревожные мысли, навеянные этим открытием; о том же он думал и сейчас, покинув пещеру; вот почему он соблюдал такую осторожность.

Итак, пес Бизон, выскочив из ущелья, неожиданно обернулся к скалам и зарычал. Тогда и Карлос остановился и внимательно посмотрел в ту сторону. Но он не увидел ничего подозрительного; к тому же Бизон, видимо, успокоился и снова побежал вперед.

«Дикий зверь какой-нибудь», – подумал Карлос и поехал дальше.

Он выбрался на открытое место и, проскакав миль шесть-семь галопом, достиг берегов Пекоса. Здесь он свернул вниз по течению и, снова соблюдая осторожность, направился к роще на берегу. Эта роща и была местом свидания.

Не доехав ярдов сто, Карлос остановился. Вперед бросилась собака; порыскав в зарослях, она возвратилась к своему хозяину. После этого он смело въехал в тень рощи, спешил там и стал под деревом, поджидая прихода вестника.

Ему не пришлось долго ждать. Через несколько минут в долине показался человек; пригнувшись, он быстро шел к роще. Ярдов за триста он остановился и тихонько свистнул. Карлос ответил на сигнал, и человек, все так же пригибаясь, подошел к нему под деревьями. Человек этот был Антонио.

– За тобой следили, друг? – спросил Карлос.

– Как всегда, хозяин, но я скоро от них отделался.

– Да, теперь это будет не так легко.

– Отчего же, хозяин?

– Я знаю, что у тебя за новости: ведь желтолицый охотник вернулся?

– Черт побери! Так оно и есть! Кто же вам сказал, хозяин?

- Утром, когда ты ушел, я наткнулся на след – их след, не иначе.
- Их и есть, хозяин. Они вернулись вчера вечером. Но у меня есть новости похуже.
- Похуже? Что такое?
- Они выслеживают вас!
- Ага, уже! Я этого ждал, но не так скоро. Откуда ты знаешь, Антонио?

– Хосефа сказала. Ее братишка прислуживает отцу Хоакину. Утром падре взял его с собой в крепость, а потом послал проводить капитана Робладо к хижине желтолицего охотника. Падре страдал мальчишку, чтобы никому не говорил про это. Да только, когда он вернулся в миссию, он пошел к матери. А Хосефа уже подозревала, что его посылали за каким-то нечистым делом, потому что он показал ей серебряную монету. Ну, она все у него и выпытала. Он не знает, про что разговаривали Робладо и охотники, только ему кажется, они куда-то собирались. Так вот, я прикинул все это вместе и подумал: наверно, они отправились по вашему следу, хозяин.

– Конечно, друг. Я ничуть не сомневаюсь в этом. Значит, выживут меня теперь из пещеры. Они, конечно, догадываются, где я скрываюсь. Ничего не поделаешь, придется искать себе другое убежище. Хорошо, что я вовремя почуял негодяев и они не схватят меня, когда я буду спать. Они-то, наверно, как раз на это рассчитывают... А еще что нового?

– Да ничего такого нет. Вчера вечером Хосефа видела Висенсу с Хосе. А с сеньоритой ей так и не удалось перекинуться словечком: уж больно крепко сторожат сеньориту. Но у Хосефы есть дело к жене привратника. Завтра она ее увидит – может, что-нибудь у нее и выведает.

– Мой добрый Антонио, – сказал Карлос, кладя ему в руку монету, – отдай это Хосефе и скажи, чтобы действовала. На нее вся наша надежда.

– Не бойтесь, хозяин, – ответил Антонио усмехаясь.

– Хосефа старается изо всех сил. У нее-то, я так думаю, вся надежда на меня!

Карлос засмеялся простодушным словам своего верного слуги и товарища, но тут же стал расспрашивать о другом – о своей матери и сестре, о солдатах, шпионах, о доне Хуане.

Антонио ничего нового не знал о доне Хуане. Его арестовали на следующий день после происшествия в крепости, и с тех пор он сидел за решеткой. Его обвиняли в пособничестве Карлосу и должны были судить, как только поймают охотника на бизонов.

За полчаса они обо всем переговорили. Карлос взял у Антонио свертки с едой и собрался возвратиться в свое убежище.

– Завтра приходи опять, Антонио, – сказал он на прощанье.

– Если мне что-нибудь помешает прийти, жди меня послезавтра и потом в следующую ночь. Доброй ночи, друг!

– Доброй ночи, хозяин!

С этими словами друзья – ибо они были настоящими друзьями

– расстались.

Антонио, низко пригнувшись, отправился в сторону долины, а Карлос, вскочив в седло, поскакал к хмурым утесам Льяно Эстакадо.

Глава LVI

Новость, которую сообщил Антонио, не могла не вызвать у Карлоса самых серьезных опасений, можно было бы сказать – страха, если бы Карлосу было знакомо такое чувство. Он стал еще осторожнее и напряженно думал о том, как же ему оградить себя от преследователей.

Если бы ему предстояло сразиться лицом к лицу с двумя сильными людьми, которые хотели поймать его, он бы не так беспокоился. Но он знал, что эти два негодяя хоть и сильны, а нападут на него лишь тогда, когда у них будут какие-нибудь преимущества перед ним. Они непременно постараются нагрянуть, когда он будет спать, или попробуют еще как-то застать его врасплох. Он должен остерегаться их уловок!

Карлос медленно ехал к ущелью, всецело поглощенный мыслями о желтолицем охотнике и его приятеле.

«Они, конечно, знают эту пещеру, – подумал он. – Раз они пошли вчера по моему следу, значит, подозревают, что я скрываюсь где-то в ущелье. О том, что вышло тогда в крепости, они, уж конечно, тоже слышали. Наверно, им рассказал какой-нибудь пастух там, на плоскогорье. Так... Но что же дальше? Они поспешили в миссию. Ага! Отец Хоакин взял мальчишку с собой в крепость. Понимаю, понимаю... Падре ведь покровитель этих негодяев. Они сказали ему что-то, иначе зачем бы он в такую рань пошел в крепость? Они принесли новости, и Робладо тут же отправился к ним. Ясно, ясно: они обнаружили мое убежище!.. Может быть, они добрались до ущелья, пока меня не было? – думал он. – Посмотрим! Что ж, времени им хватило бы, если только они отправились сразу же после разговора с Робладо. Мальчишка так и подумал. Да, надо глядеть в оба! Пора! «Едва эта мысль промелькнула в его сознании, Карлос остановил вороного, пригнулся к самой шее коня и стал всматриваться во тьму впереди. Он подъехал уже к входу в ущелье и почти той же дорогой, по какой недавно уехал отсюда. Но теперь луна скрылась за тяжелыми облаками, и ее свет не рассеивал сумрака в ущелье.

«Они могут залезть поглубже в ущелье, где узко, – рассуждал он, – и дожидаться, чтобы я вышел из пещеры, это очень на них похоже. Подстеречь меня там

– сущий пустяк. Может быть, сейчас они уже в ущелье».

Он задумался на минуту. Да, это вполне возможно.

«Что ж, пусть даже так, – сказал он себе. – Все равно я поеду. Бизон obeжит скалы на выстрел впереди меня. Если они там залегли и он их не обнаружит, – значит, эти бестии еще хитрее, чем я думаю, а я ведь знаю – они не простачки! Ну, а если он их спугнет, я успею ускакать».

– Эй, Бизон!

Собака, остановившаяся впереди, в нескольких шагах, подбежала и помотрела в лицо хозяину. Он подал ей знак и произнес только одно слово:

– Ищи!

– Собака ринулась в ущелье. Теперь она бежала далеко впереди, обнюхивая землю. Всадник следовал за ней.

Так он подъехал к месту, где отвесные стены сходились совсем близко, их разделяли всего лишь какие-нибудь сто ярдов. По обе стороны у подножия утесов лежали большие глыбы, за которыми свободно могли притаиться люди; за ними можно было спрятать даже лошадей.

«Вот самое подходящее место для трусливого нападения, – подумал Карлос. – Здесь можно с любой стороны нанести предательский удар, даже не очень целясь. Но Бизон не подает сигнала».

– Ага!

Это короткое восклицание было ответом на чуть слышный лай собаки. Бизон наскочил на след там, где мулат и его сообщник свернули к середине ущелья. Из-за облаков выглянула луна, и Карлос увидел, что собака мчится по ущелью ко входу в пещеру.

Хозяин позвал бы ее обратно, но ведь она не искала еще, нет ли кого за обломками скал, а без этого Карлос не решался ехать дальше. Но Бизон слишком стремительно несся вперед – он явно напал на свежий след, и Карлосу пришло на ум, что его враги сейчас в пещере.

Как только он подумал об этом, Бизон снова залаял. Его больше не было видно, но хозяин знал, что пес уже недалеко от входа в пещеру и бежит по свежему следу.

Карлос сдержал коня и прислушался. Ехать дальше он не решался. Не решался и позвать собаку. Если поблизости кто-нибудь есть, его голос услышат. Оставалось только ждать возвращения собаки или ждать до тех пор, пока он поймет, за кем Бизон погнался. В конце концов, это может быть и медведь или какой-нибудь другой дикий зверь.

Неподвижно сидел Карлос на коне, однако внезапное нападение не застигло бы его врасплох. Его верное ружье лежало поперек седла, а заряд и запал он проверил раньше. Он прислушивался к малейшему шороху, впивался взглядом в каждое темное углубление в скалах впереди и по сторонам.

Он недолго оставался в неизвестности: откуда-то из глубины ущелья донесся звук, заставивший всадника привскочить в седле. Казалось, сцепились собаки, и на мгновение

Карлосу представилось, что Бизон напал на медведя. Но заблуждение тут же рассеялось: острый слух охотника уловил голоса нескольких собак, и в неистовом шуме драки он различил хриплый лай ищейки.

Ему сразу все стало ясно. Враги подстерегали его в пещере. Теперь он был уверен, что шум доносился оттуда.

Первым его побуждением было повернуть коня и скакать прочь из ущелья. Однако он остался на месте и прислушался.

Шум драки не прекращался, но теперь среди рычания и лая собак Карлос различил голоса людей, что-то глухо и торопливо говоривших собакам и друг другу.

Вдруг все как будто успокоилось, собаки замолкли, только изредка глухо лаяла ищейка. Но вот замолкла и она.

Тишина подсказала Карлосу, что Бизон либо убит, либо убежал куда-нибудь от нападавших на него людей. Ждать его больше не имело смысла. Карлос знал: если Бизон жив, он догонит хозяина. Уже не раздумывая, он повернул коня и поскакал вниз по ущелью.

Глава LVII

Карлос подъехал к выходу из ущелья и остановился, но не на открытом месте, а в тени скал, тех самых скал, за которыми еще совсем недавно скрывались в засаде его преследователи. Сидя в седле, он смотрел назад, в ущелье, и прислушивался, не гонятся ли за ним.

Вскоре он заметил, что к нему приближается какая-то тень. С радостью он узнал Бизона. И вот уже собака у стремени его лошади. Наклонившись, Карлос разглядел, что пес жестоко изранен и истекает кровью. Несколько глубоких ран зияло на боках, с плеча свисал клоч шкуры, по нему сочилась красная струйка. Бизон едва ковылял; видно было, что он ослабел от потери крови.

– Друг! – сказал Карлос. – Ты спас мне сегодня жизнь, теперь мой черед – попробую спасти твою.

С этими словами он спешился, взял собаку на руки и снова взобрался в седло.

Он сидел, раздумывая, что же ему теперь делать, и зорко смотрел в ту сторону, откуда ждал преследователей.

Теперь он твердо знал, кто занял его пещеру. Лай ищейки сказал ему яснее слов: там желтолицый охотник, и с ним, разумеется, самбо. Во всей долине нет другой ищейки – значит, то лаяла собака Мануэля.

Минуты шли, а Карлос стоял неподвижно в тени скал и все раздумывал, куда бы ему направиться.

«Поеду к роще и подожду там Антонио. Они не выследят меня сегодня – ночь будет совсем темная. Все небо затянуло облаками, луна уже не выглянет. Если они меня не найдут, я завтра смогу там скрываться весь день. Ну, а выследят – что ж, я еще издали их увижу, успею ускакать... Бедный мой Бизон, ты истекаешь кровью. Ох, какая рана! Потерпи, дружище! Вот сделаем привал, тогда подлечим тебя... Ладно, поеду к роще. Они не подумают, что я туда двинулся, ведь в этой стороне город. Да и не найдут они мой след в темноте... Ого! Что же это я? Не найдут след в темноте, как же! А про ищейку я забыл? Храни меня господь! Эти дьяволы разыщут меня, даже если ночь будет черна, как сажа. Храни меня господь! « Лицо его омрачила тревога. Видно, тяжела была и ноша в его руках, и тяжкие мысли давили: Карлос согнулся и, казалось, впал в глубокое уныние. Впервые он, беглец, преследуемый людьми и законом, проявил признаки отчаяния.

Долго сидел он, не поднимая головы, склонившись над шеей коня. И все же он не поддался отчаянию.

Он вдруг выпрямился, словно неожиданная мысль пробудила в нем надежду. Казалось, он принял новое решение.

– Да, – сказал он себе, – я поеду туда, к роще! Мы еще проверим твою хваленую ловкость, кровопийца Мануэль! Посмотрим, посмотрим!.. Может, ты и получишь по заслугам, да только

не той награды тебе хочется! Не так-то легко тебе достанется мой скальп!

С этими словами Карлос повернул коня и, устроив поудобнее Бизона, поскакал по долине.

Он ехал быстро и ни разу не оглянулся. Казалось, он спешил, хотя ему нечего было бояться, что его настигнут. Его коня никто не мог догнать, когда он несся во весь опор.

Карлос молчал; лишь изредка он обращался с ласковым словом к собаке; ее кровь стекала по ногам Карлоса, по бокам вороного. Бедный Бизон совсем ослабел и не мог бы ступить ни шагу.

– Потерпи, друг, потерпи еще немного! Скоро ты отдохнешь от этой тряски.

Уже через час Карлос достиг уединенной рощи на берегу Пекоса, той самой, где недавно они встретились с Антонио. Здесь он остановился. Он решил провести в роще остаток ночи и весь следующий день, если только ему не помешают.

В этом месте Пекос течет меж невысоких, но крутых берегов, да и на много миль вверх и вниз они все такие же. По обе стороны тоже на многие мили раскинулась ровная низина. Растительности здесь немного. Поодаль друг от друга разбросаны редкие островки деревьев, а вдоль берегов тянется узкая бахромка ив. То тут, то там она разрывается, и в просвет между деревьями видна гладь воды. В крохотных рощицах растут тополя и виргинские дубы с подлеском из акаций, иной раз по соседству стоят и кактусы.

Эти рощицы так малы и настолько отдалены одна от другой, что не мешают обозревать долину, и тот, кто скроется в любой из них, издали увидит всадника или какой-нибудь другой крупный предмет. При свете дня враг не сможет подойти к нему незаметно

–разумеется, если не спать и быть начеку. Другое дело

– ночью; тогда безопасность будет зависеть от того, насколько темная настанет ночь.

Зеленый оазис, куда въехал Карлос, находился далеко от других рощиц. Отсюда больше чем на милю открывался вид на низину по обе стороны реки. Роща занимала всего лишь несколько акров, но благодаря ивам, окаймлявшим реку, казалась больше. Она была расположена у самого берега, и кромка ив словно примыкала к ней. Ивы отступили от края воды лишь на несколько футов, а роща врезалась в равнину на несколько сот ярдов.

У этой рощи была одна особенность. По самой середине деревья как бы расступились, открытое пространство покрывала ровная мурава. Полянка эта была почти круглая, ярдов сто в поперечнике. Неподалеку от одного ее края по касательной проходил берег реки. Здесь был просвет меж деревьями, и с полянки открывался вид на луга, раскинувшиеся на другом берегу. А с противоположной стороны к прилегающей низине, словно аллея, вел еще один просвет меж деревьями; таким образом, полоска открытого пространства как бы рассекала рощу на две, почти одинаковые по величине. Однако с низины, лежащей по обе стороны реки, можно было увидеть этот просвет лишь в том случае, если оказаться против него.

Поляна, просвет между деревьями, протянувшийся ярдов на десять-двенадцать, и самая низина были совершенно ровные и гладкие; росла здесь только невысокая трава, и любой движущийся предмет был бы замечен издали.

В роще густо разросся подлесок, преимущественно низкорослая акация. Частая сеть плюща и тянущихся вверх лиан оплела ветви могучих дубов, которые возвышались над всеми остальными деревьями. Взор не проникал в подлесок, хотя охотник, преследуя дичь, мог бы пробраться сквозь эти заросли. А ночью, даже при лунном свете, они казались сумрачными и непроходимыми.

По одну сторону полянки на сухой песчаной почве росли кактусы. Их было здесь не больше десятка, но два-три крупных, с вытянувшимися вверх мягкими, мясистыми отростками, казались почти такими же высокими, как виргинские дубы. Массивные колонны этих кактусов, так непохожих на окружающие деревья, придавали этому уголку причудливый вид. Непривычному человеку эти гигантские канделябры, столь отличные от обыкновенных кустов и деревьев, показались бы загадкой, и он не знал бы, к какому царству природы их отнести. Здесь, в этом уголке, преследуемый законом беглец рассчитывал найти себе убежище на ночь.

Глава LVIII

Карлос не ошибся, сказав, что собака сохранила ему жизнь,

– во всяком случае, она сохранила ему свободу, а это, в конце концов, одно и то же. Ведь если бы умный пес не отправился вперед, Карлос пошел бы в пещеру, и его, конечно, схватили бы.

Хитрые противники предусмотрели все для того, чтобы его поймать. Лошадей они спрятали в глубине пещеры. Сами расположились за уступами скал по обе стороны от входа и, точно два тигра, готовы были прыгнуть на Карлоса, как только он покажется.

Им помогли бы и собаки: припав к земле, они вместе со своими хозяевами приготовились броситься на ничего не подозревающую жертву.

Засада была тщательно обдумана, и пока все шло неплохо. Охотники покинули Сан-Ильдефонсо украдкой, так что их не могли увидеть; они приехали к ущелью окольным путем, с примерным терпением выждали, чтобы Карлос уехал, и лишь тогда забрались в пещеру. Все это было сделано мастерски.

Мог ли Карлос знать или хотя бы заподозрить, что они скрываются там? Им и в голову не приходило, что он узнал об их возвращении с охоты. Они прошли через долину к миссии темной ночью, выложили привезенную дичь, когда никто этого не видел, и больше в городе не показывались. Отец Хоакин велел им ждать, пока он не известит их. О том, что они вернулись, знали лишь несколько слуг в миссии, но никому из тех людей, кто мог бы сказать об этом Карлосу, ничего не было известно. Если так, рассуждали они, с чего бы ему подозревать, что они засели в его пещере? А след, оставленный ими, когда они шли по ущелью вверх, он, возвращаясь, не заметит. Он может увидеть след лишь в том месте, где дорога усеяна галькой, но на ней и днем ничего не разглядишь.

Можно ли лучше расставить ловушку? Карлос войдет в пещеру, ничего не опасаясь и, возможно, ведя своего коня на поводу. Они оба, а вместе с ними и собаки кинутся на него и свяжут, прежде чем он успеет взяться за пистолет или нож. Судьба его предрешена.

Но судьба его не была предрешена. Мануэль прекрасно это знал, вот почему он бормотал снова и снова:

– Проклятый пес! Задаст он нам хлопот, Пепе...

А Пепе в ответ злобно чертыхался: мысль о собаке беспокоила и его. До них давно дошла молва о Бизоне, но они еще не знали, какую великолепную выучку прошел этот умный пес.

Приятели понимали, что, если первой в пещеру войдет собака, она их обнаружит и предостережет хозяина. Если в ту минуту Карлос еще не подъедет близко, засада обречена на неудачу. А вот если пес останется позади, тогда все сойдет гладко. Даже если он прибежит одновременно с хозяином, а значит, не предупредит его заранее, они успеют выскочить и подстрелить коня или седока.

Вот как рассуждали эти два мерзких негодяя, поджидая Карлоса.

Они еще не засели у входа в пещеру. Они успеют занять намеченные места, когда почуют опасность. А пока они стоят в тени скал, глядя вниз, в ущелье. Возможно, что ждать им придется долго, поэтому они подкрепились – уничтожили весь скромный запас провизии, оставленной Карлосом в пещере. Чтобы не озябнуть, мулат накинул себе на плечи только что присвоенное одеяло. Тыквенная фляга с вином, которую они принесли с собой, помогла им не скучать в ожидании. Лишь мысль о Бизоне, мелькая порой в сознании желтолицего охотника и его темнокожего приятеля, омрачала их веселье.

Они ждали свою жертву совсем не так долго, как рассчитывали.

Им почему-то казалось, что Карлос ускакал далеко, к самому Сан-Ильдефонсо, а там, пожалуй, его задержат какие-нибудь дела, и он вернется лишь перед рассветом.

Но задолго до полуночи, пока они строили эти предположения, Мануэль, не сводящий глаз с ущелья, вдруг привскочил и дернул приятеля за рукав:

– Гляди, Пепе, вон! Вон он, белоголовый!

И мулат показал на тень, которая приближалась со стороны равнины к узкому концу ущелья. В полутьме она была едва видна, но все же можно было различить очертания человека

верхом на лошади.

– Черт бы его побрал! Он самый... Ч-черт! – ответил Пепе, взглядевшись в темноту.

– Прячься, сынок! Придержи собак... Назад! Прячься! Я подстерегу снаружи... Тише!

Они еще раньше уговорились, кому где стоять, и Пепе тотчас занял свое место. Мануэль, ухватив ищейку за загривок, остался у входа в пещеру, но через минуту приподнялся, явно встревоженный.

– Дьявол! – пробормотал он. – Дьявол!.. Говорил я

– все пропало... Держись, Пепе! Пес напал на наш след!

– А, черт! Что же делать?

– В пещеру... Скорей!.. Там его и прикончим.

Оба кинулись в пещеру и замерли в ожидании. Наспех они составили новый план действий: они схватят собаку Карлоса, как только она вбежит к ним, и постараются придушить.

Но им это не удалось. Подойдя ко входу в пещеру, Бизон остановился у выступа и принялся громко лаять.

Раздосадованный Мануэль вскрикнул и, выпустив ищейку, с ножом в руке ринулся на Бизона. Тут же прыгнула вперед и ищейка, и псы сцепились в отчаянной схватке. Он плохо кончилась бы для ищейки, но в следующее мгновение все четверо – Мануэль, Пепе, ищейка и волкодав – напали на Бизона, пустив в ход ножи и зубы. Ему нанесли несколько тяжелых ран, и бедный пес, чувствуя, что ему не справиться сразу с четырьмя противниками, благоразумно отступил за скалы.

Его не стали преследовать: негодяи все еще надеялись, что Карлос ни о чем не догадается и подойдет к пещере. Но надежды их быстро рассеялись. В полумраке они увидели, как всадник повернул коня и поскакал прочь из ущелья.

Несколько минут под сводами пещеры гулко звучали возгласы досады, богохульства, непристойная брань.

Наконец негодяи немного поостыли; ошупью добрались они до своих лошадей и вывели их из пещеры. Здесь они остановились и опять дали волю злобной досаде; потом принялись обдумывать, как же действовать дальше.

Гнаться тут же за Карлосом не имело смысла: пока они выберутся на равнину, он, конечно, ускачет от них на много миль.

Долго еще охотники ругались и осыпали Бизона проклятиями. Наконец это утомило их, и они опять задумались над тем, как быть.

Пепе считал, что ночью идти дальше бесполезно: до наступлени утра им все равно не нагнать Карлоса; а вот станет светло, тогда будет легче его выследить.

– Дурак ты, Пепе! – ответил Мануэль на эти рассуждения. – Станет светло – он увидит нас... Так мы все дело испортим. Эх, ты!

– Как же теперь?

– Дьявол! А ищейка на что? Она и ночью поскачет по следу. Не уйдет белоголовый.

– Так ведь он когда остановится? Миль за десять, не ближе! Значит, ночью нам его не догнать.

– Опять ты дурак, Пепе! Миль за десять? Нет, ближе! Про ищейку-то он не знает, не думает, что мы его выследим. Наверняка ближе остановится. Только вот пес у него суций дьявол! Кабы не пес...

– Черта с два! Пес теперь нам не помеха.

– Почему это?

– Почему? Да потому, что я пырнул его его ножом. Уж ты мне поверь, он свое отбежал.

– Дьявол! Хорошо бы так... Хорошо бы... За это и двух золотых не жалко. Кабы не этот пес, белоголовый уже был бы наш. Кабы не пес, мы бы его до рассвета захватили. Скоро он остановится. Про нас-то он не знает и про ищейку не знает... Остановится, вот увидишь. Клянусь Богом, дело верное!

– Как так, Мануэль? Думаешь, он не уйдет далеко?

– Нипочем не уйдет! Никуда он не уйдет!.. Скоро мы его выследим. Дождемся, чтобы

заснул, подберемся к нему... Только вот этот пес... Ничего, подберемся.

– Про пса не думай, он нам не помеха. Я так пырнул его ножом – дай Бог ему двадцать минут прожить, а уж больше где там! Когда найдем белоголового, так одного, без собаки, уж ты мне поверь.

– Хорошо бы... Что ж, попробуем, сынок. Поехали!

Мануэль тронул поводья и начал спускаться со скалы в ущелье. Пепе и собаки двинулись за ним.

Глава LIX

Подъехав к месту, где они в последний раз видели всадника, Мануэль спешил и подозвал ищейку. Он сказал собаке несколько слов и знаком послал ее по следу. Ищейка поняла, что от нее требуется, опустила морду к земле и бесшумно побежала вперед. Мануэль опять взобрался в седло, и оба охотника прищипорили коней и поскакали вперед, чтобы не отстать от собаки.

Они видели ее, хотя луна скрылась. Светло-рыжая шерсть ищейки выделялась на темном фоне зелени, к тому же здесь не росли ни кусты, ни высокая трава, в которой собаки не было бы видно. Притом, как и приказал хозяин, она шла по следу не торопясь, хотя запах был еще совсем свежий и она могла бы бежать намного быстрее. Ищейка была обучена ночью выслеживать медленно и не поднимать шума, поэтому не раздавалось характерного для этой породы глухого отрывистого лая.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем впереди показалась роща, где укрылся Карлос. Едва увидев ее, Мануэль пробормотал:

– Гляди, сынок! Собака ведет в лес, гляди! Ставлю монету, что белоголовый там, будь он проклят! Наверняка там!

Когда они подъехали к роще ярдов на пятьсот-шестьсот – она все еще лишь смутно виднелась во мраке ночи, – желтолицый охотник окликнул ищейку и велел ей держаться позади. Он был уверен, что Карлос либо в самой роще, либо где-то по-соседству. В любом случае ничего не стоит снова напасть на его след. Если их жертва в роще, – а судя по возбуждению собаки, так оно и было, – тогда не нужна больше сноровка ищейки. Настало время принять другие меры.

Отклонившись от прямого пути, Мануэль поехал по кругу, неизменно держась на одном и том же расстоянии от опушки рощи. Спутник ехал позади, с ним были собаки.

Так они оказались напротив естественной аллейки, рассекавшей рощу, и вдруг им в глаза ударил яркий свет. Изумленные охотники остановились. Они достигли того места, откуда была видна лужайка. Посреди нее горел большой костер!

– Говорил я тебе! – воскликнул Мануэль. – Вон он спит, дурак! И не думал, что его ночью выследят... Холода-то не любит

– какой развел огонь! Не ждет беды... Знаю я эту прогалину – хитрое место, только с двух концов костер видно. Ага, вон и лошадь!

В отсвете костра был ясно виден стоявший неподалеку вороной.

– Черт побери! – продолжал охотник. – Не думал я, что белоголовый такой дурак. Гляди! Ведь это он спит там! Наверняка он!

Там, куда показывал Мануэль, у костра виднелось что-то темное. Похоже было, что это вытянулся спящий.

– Святая дева, так и есть! – подтвердил Пепе. – Разлежся у самого костра. Вот дурак! Ясно, что он думал – в такую темень мы его не выследим.

– Тише ты! Пса нет, белоголовый – наш! Хватит болтать, Пепе! За мной!

Мануэль двинулся не прямо к роще, а несколько ниже, к берегу реки. И охотники, не обмениваясь больше ни словом, пустили коней вскачь.

Их жертва была теперь в таком месте, что лучшего и пожелать нельзя, и они торопились воспользоваться случаем. Оба хорошо знали эту рощу, так как не раз, укрываясь в ней, стреляли

олений.

Охотники выехали на берег, спешили и, привязав лошадей и собак к ивам, направились в сторону рощи.

Теперь они не были так осторожны, как раньше. Они не сомневались, что жертва спит, растянувшись у костра. Дурень! – думали они. Но как он мог подозревать, что они здесь появятся? Самый прозорливый человек считал бы себя здесь в безопасности. Ничего удивительного, что он лег спать, – уж наверно, он устал. И неудивительно, что он разложил костер: ночью сильно похолодало, в такую погоду без огня не уснешь. Все казалось совершенно естественным.

Они подошли к опушке рощи и, не раздумывая, заползли в кустарник.

Ночь была тихая, ветерок едва касался листвы – малейший шорох в кустах можно было услышать с любого края полянки. Тихое журчание воды далеко на быстрине, легкая зыбь и плеск у берега, порою вой степного волка да унылый зов ночной птицы – вот и все звуки, которые доносились до слуха.

И все же, хотя эти двое продирались сквозь густой подлесок, ни один звук не выдал их приближения. Лист не шелохнулся, не подогнулась ветка, не хрустнул сучок под рукой или коленом – ничто не выдало присутствия человека в темном кустарнике. Эти люди знали, как пролезть сквозь заросли. Они приближались неслышно, точно змеи, скользящие в траве.

На полянке царила глубокая тишина. На самой середине пылал костер, ярким пламенем озарявший все вокруг. Неподалеку стоял великолепный конь, славный вороной охотника на бизонов; в отсвете костра его нетрудно было узнать. А еще ближе к огню виднелось расprostертое тело самого охотника, который, должно быть, спал. Так и есть – это его дорожная сумка, сомбреро, сапоги и шпоры. С шеи лошади свешивается лассо, и конец его, наверно, обмотан вокруг руки спящего. Все это можно было заметить с первого взгляда.

Лошадь вздрогнула, ударила копытом оземь, но вот она снова стоит спокойно.

Что же ей почудилось? Не подкрадывается ли дикий зверь?

Нет, не дикий зверь; тот, кто появился, опаснее зверя.

Из кустов, растущих вдоль южного края поляны, выглянуло лицо – лицо человека. Оно показалось на мгновение, и сразу же скрылось в листве. Его нетрудно узнать. Тот, кто увидел бы это лицо в сиянии пылающего костра, заметив, что оно желтое, мигом догадался бы, чье оно. Это лицо мулата Мануэля.

Недолго оно прячется в листве, потом появляется снова, и рядом с ним показывается еще одно лицо, более темное. Оба обращены в одну сторону. Две пары глаз устремлены на простертую у костра фигуру: человек, видимо, все еще безмятежно спит. В их глазах сверкает злобное торжество. Ну, теперь победа обеспечена! Наконец-то жертва в их власти!

И опять лица исчезают. Минуту не видно и не слышно, что в кустах люди. Но вот снова высунулась голова мулата, только уже в другом месте, ниже, у самой земли, там, где кустарник не так густ.

А еще через мгновение из зарослей появляется и туловище, оно медленно выползает на поляну. Потом выползает и второй охотник. Вот уже оба они неслышно подбираются по траве к спящему. Распластавшись на животе, они движутся, словно две огромные ящерицы, один по следу другого.

Впереди Мануэль. В правой руке его зажат длинный нож, в левой он держит ружье.

Они движутся медленно, с величайшей осторожностью, но готовы мгновенно ринуться вперед, если жертва проснется и заметит их.

Спящий невозмутимо лежит между ними и пламенем. Тело его отбрасывает длинную тень на траву. Для большей безопасности, охотники заползают в эту тень и, скрытые ею, движутся дальше.

Вот Мануэль уже в трехстах футах от расprostертого тела; он весь подобрался и встал на колени, готовясь прыгнуть вперед. Яркий свет падает на его лицо, и он весь на виду. Его час настал.

Точно бич, щелкает выстрел, яркая вспышка пронизывает пышную крону виргинского

дуба, растущего у прогалины. Мануэль внезапно вскакивает на ноги, с диким криком протягивает руки вперед, шатаясь, делает шаг-другой и, выронив нож и ружье, падает прямо в костер.

Вскочил и Пепе. Он уверен, что стрелял человек, прикинувшийся спящим. Стремительно бросается он распростертому телу и с отчаянной решимостью вонзает ему в бок лезвие ножа.

И тотчас с воплем ужаса он отскакивает назад. Не задерживаясь, чтобы помочь упавшему приятелю, он мчится через полянку и скрывается в кустах, а тот, что лежит у костра, по-прежнему недвижим.

Но вот по ветвям дуба, откуда раздался выстрел, спускается темная фигура; над лужайкой звучит пронзительный свист, и конь, волоча по земле лассо, бросается к дереву.

Прямо с дуба на спину лошади прыгает полуголый человек с длинным ружьем в руке. Еще мгновение – и человек и лошадь исчезают в прогалине меж деревьев. Всадник во весь опор мчится по долине.

Глава LX

Кто же все-таки лежал у костра? Это был не Карлос, охотник на бизонов. Но ведь это его одежда – его плащ и шляпа, его сапоги со шпорами!

И, однако, сам Карлос не лежал у костра. Нет, это он, полуголый, соскочил с дерева и усакал на вороном коне. Загадка!

Мы расстались с ним два часа назад, когда он подъехал к опушке рощи. Чем же он был занят это время? Вот тут-то и кроется разгадка.

Достигнув рощи, Карлос проехал вглубь на полянку; там он остановил коня и спешился. Поглядев с состраданием на Бизона, он осторожно положил его на мягкую траву, но раны собаки так и остались неперевязанными. Сейчас у хозяина не было времени: ему предстояло заниматься другими делами.

Карлос ослабил уздечку и оставил коня пастись, а сам принялся за выполнение замысла, который созрел у него в голове, пока он сюда ехал.

Прежде всего нужно было разжечь костер – в такую холодную ночь он вполне уместен. В подлеске нашлись сухие ветви и сучья; Карлос притащил их, сложил на середину полянки, и вот уже разгорелось пламя, освещающая все вокруг. В красных отсветах гигантские кактусы казались колоннами, высеченными из камня; на них теперь был обращен взгляд Карлоса.

Он подшел к ним и принялся ножом срезать самый крупный кактус; скоро великан рухнул наземь. Тогда Карлос рассек ствол и большие отростки на части различной длины и оттащил их к костру. Неужели он собирается бросить их в огонь? Ведь эта сочная зеленая груда только притушит пламя, а не сделает его ярче.

Но у Карлоса вовсе не было такого намерения. Напротив, он разложил эти куски на траве в нескольких футах от костра, разложил хитро, обдуманно; получилось нечто, величиной и очертаниями похожее на человеческое тело. Два цилиндрических кусагодились для бедер, два других – для рук, вытянутых, точно у спящего; изогнутый отросток зеленого канделябра заменил приподнятое плечо. И когда Карлос покрыл эту фигуру своим широким плащом, она стала удивительно напоминать отдыхающего или спящего на боку человека.

Однако произведение – ибо это, конечно, произведение искусства – еще не завершено: недостает головы и ног ниже колен. Но скоро и они оказались на месте. Карлос сделал из травы шар и положил его над плечами; с помощью шарфа и шляпы этот ком стал похож на то, что он должен был заменить, – на человеческую голову. Нахлобученная на него шляпа почти закрывала его; можно было подумать, что спящий надел ее так, чтобы уберечь лицо от сырости или москитов.

Оставалось лишь доделать ноги, но с этим пришлось повозиться. Ведь охотники обычно спят, вытянув ноги к огню, – значит, они должны оказаться на самом виду и выглядеть так, чтобы никто не заподозрил подделки.

Все эти подробности Карлос обдумал раньше, поэтому он, не теряя ни минуты, продолжал

работу. Он снял свои кожаные сапоги и пристроил их под небольшим углом к ляжкам из кактуса так, что край широкого плаща их немного прикрыл. Огромные шпоры он оставил на сапогах – они блестели в ярком пламени костра и были видны издалека.

Еще несколько штрихов – и чучело готово.

Тот, кто его смастерил, отошел на самый край полянки и, обходя ее вокруг, разглядывал чучело со всех сторон. Он остался доволен. В самом деле, никто не усомнился бы: это спит путник, который так устал, что улегся, даже не сняв шпор.

Карлос вернулся к костру и тихим свистом позвал коня. Он вывел его ближе к огню и привязал повод к луке седла. Прекрасно обученный конь тотчас перестал щипать траву: он знал, что теперь надо тихо стоять на месте, пока его не освободит рука хозяина или знакомый сигнал, которому он привык повиноваться. Потом Карлос развернул привязанное к кольцу на удилах лассо. Свободный конец веревки он протянул к лежащей у костра фигуре и спрятал под край плаща, чтобы казалось, будто спящий держит ее в руке.

И опять охотник на бизонов обошел вокруг полянки, разглядывая фигуру посередине, и снова, по-видимому, остался доволен. Затем он притащил из кустов новую охапку сухого валежника и бросил в огонь.

Но вот он поднял глаза вверх, точно изучая деревья, растущие вокруг полянки. Взгляд его задержался на огромном дубе. Дуб рос у самой прогалины, и его длинные горизонтальные ветви протянулись над поляной. Это дерево с пышной вечнозеленой кроной, увитое лианами и поросшее длинным густым мхом, стояло, как огромный тенистый шатер, самое высокое из всех и самое развесистое. Это был поистине патриарх рощи.

– Как раз то, что нужно, – глядя на него, пробормотал Карлос. – В тридцати шагах – расстояние подходящее. Через прогалину они не войдут, конечно, этого можно не опасаться. Ну, а если войдут... Но нет, они пойдут берегом, под ивами. Да, наверняка... Ну, теперь займемся Бизоном.

Он посмотрел на собаку, все еще лежавшую там, где он ее оставил.

– Бедняга! – огорченно сказал он. – Досталось ему... Рубцы от их подлых ножей останутся на всю жизнь. Что ж, может быть, он доживет еще до того часа, когда будет отомщен. Очень может быть! Но куда же мне его девать?

После минутного раздумья он продолжал:

– Черт возьми! Я теряю время. Прошло полчаса, не меньше. Если они погнались за мной, они уже близко. Этот длинноухий зверь, конечно, способен выследить меня – надеюсь, он не ошибется. Но куда девать Бизона? Если я привяжу его к дереву, он будет лежать спокойно, бедное животное! Ну, а вдруг они пойдут прогалиной? Навряд ли, конечно. Я бы не пошел на их месте. Но, допустим, они все-таки пойдут с той стороны. Тогда они увидят собаку и заподозрят неладное. Им еще взбредет в голову посмотреть наверх, и тогда... Нет, нет, это не годится! Надо придумать что-нибудь другое.

Он подошел к дубу и стал внимательно разглядывать нижние ветви. Видимо, он нашел то, что искал. Теперь он знал, как поступить.

– Вот это годится, – пробормотал он. – Я положу собаку на лозы. Переплету их еще немного и покрою мхом.

Ухватившись за ветви, он вскочил на дерево.

Он сдернул несколько лиан и соединил ими развилину сучьев, так что получилось подобие площадки, потом набрал несколько охапок мха и устлал им эту площадку, сплетенную из лиан.

Когда все было готово, Карлос соскочил с дерева, поднял Бизона и осторожно положил на мох; собака лежала не шевелясь.

Теперь пора подумать о том, как пристроиться самому. Сделать это нетрудно: нужно лишь сесть прочно и удобно, укрыться поглубже в листве и держать наготове ружье.

И Карлос стал устраиваться: уселся на толстом суку, ноги поставил на другой, на третью ветвь оперся локтями. В развилине лежал ствол ружья, руки охотника крепко сжимали приклад.

Карлос тщательно осмотрел ружье. Разумеется, оно было заряжено. Ну, а вдруг от ночной

росы отсырела затравка? Он отвинтил крышку полки, ногтем большого пальца выковырял порох и всыпал новый запас из своей пороховницы. Потом разровнял его, позаботившись, чтобы часть пороха попала в канал и дошла до заряда. Затем он занялся кремнем – проверил, крепок ли он, осмотрел края. Видимо, все было в порядке, и Карлос снова пристроил ружье в развилке сука.

Охотник на бизонов был не из тех, кто полагается на слепой случай, – люди его ремесла верят в мудрость предусмотрительности. Надо ли удивляться тому, что сейчас он был особенно осмотрителен! Пренебрежение даже к мелочам могло оказаться роковым. Осечка ружья могла стоить ему жизни. Неудивительно, что он заботливо осмотрел кремень и проверил, сухой ли порох.

Позицию он выбрал удачно. Отсюда открывалась взору вся полянка. Появись на ней хотя бы кошка – и ту нельзя было бы не заметить.

Чуть ли не целый час сидел Карлос в немой тревоге, глядя на окруженную кустами зеленую полянку.

И наконец он был вознагражден за терпеливое ожидание. Он увидел желтое лицо, выглянувшее из кустов, и чуть было сразу не выстрелил в него. Он даже прицелился, но тут лицо снова скрылось.

Он подождал еще немного – и вот яркий свет костра озарил лицо Мануэля, поднявшегося на колени. Тогда палец нажал на курок, и меткая пуля Карлоса пробила голову его коварного врага.

Глава LXI

Пепе скрылся в зарослях почти в ту же секунду, когда Карлос вскочил на коня и ускакал по прогалине. На поляне не осталось ни живой души.

Громадное тело лежало с вытянутыми вперед руками, одна – прямо на пылающих угольях костра. Своей тяжестью она примяла хворост и заслонила свет. Но все же света было достаточно, чтобы озарить страшное лицо, испещренное багровыми пятнами. Туловище, ноги, руки недвижимы – столь же недвижимы, как чучело, лежащее рядом. Желтолицый охотник мертв! Жаркое пламя лижет его руку, готово пожрать ее, но он не ощущает боли. Огонь не страшен мертвецам!

Но где же остальные? Они ведь бросились в разные стороны. Не бегут ли они друг от друга?

Пепе направился туда, откуда появился. Скрывшись за завесой листвы, он не остановился – он неслся так, словно совсем обезумел от страха. Трещат и ломаются сучья, громко шуршат листья, он бежит через рощу напролом, не разбирая дороги. Но вот уже и эти звуки стихли, замер вдалеке и топот лошади Карлоса.

Где же они теперь, Пепе и Карлос? Удрили они друг от друга? Казалось бы, так оно и есть – ведь они разошлись в разные стороны.

Но нет, это не так, Пепе, по всей вероятности, жаждал как можно скорее убраться подальше от этого места; его противник хотел другого. Правда, он ускакал из рощи, но это не было бегством.

Зная Пепе, Карлос несколько не сомневался в том, что от его храбрости и следа не осталось. Безмерный ужас охватил чернокожего охотника, когда он неожиданно, да еще при таких загадочных обстоятельствах, лишился друга. Не скоро он оправится от этого ужаса. Он будет думать только об одном – как бы ему удрать. Это Карлос знал.

Он тотчас сообразил, откуда подошли враги, – разумеется, с южной стороны рощи. Оттуда он и ждал их, и когда он вглядывался в чащу кустарника, его внимание привлекал больше всего именно тот край рощи. Они думали, что оттуда всего безопаснее подойти к нему, – так предположил Карлос, и он оказался прав.

Из опасения, что стук копыт может его спугнуть, они, конечно, оставили своих коней где-нибудь в стороне, подумал затем Карлос и тоже не ошибся. Верным оказалось и еще одно

его предположение: Пепе мчится сейчас к лошадям. Карлос понял это, увидев, что его враг ринулся в заросли.

Так оно и было. После таинственной гибели своего приятеля и вожака Пепе и не помышлял о поединке с Карлосом. Скорее к лошадям, пуститься наутек – только этого он хотел! Быть может, Карлос не погонится за ним тотчас же и под покровом темной ночи он успеет скрыться.

Но он ошибся: Карлос для того и поскакал вперед, чтобы помешать ему удрать. Он тоже решил добраться до лошадей.

Выехав из рощи, Карлос повернул направо и поскакал по опушке, а когда доехал до места, откуда видна была река, осадил вороного – ему надо было перезарядить ружье.

Подняв ружье вертикально, он потянулся за пороховницей. К его удивлению, рука не нащупала ее. Он осмотрелся

– пороховница пропала! Не было и перевязи, на которой она висела у него через плечо. Видимо, когда он прыгал с дерева, тесьма зацепилась за ветку, и пороховница там и осталась.

Раздосадованный неудачей, Карлос хотел было повернуть коня и скакать обратно, как вдруг увидел на равнине темную фигуру, скользящую вдоль ив, окаймлявших речку. Конечно, это удирает Пепе, кто же еще!

Карлос в нерешительности остановился. Пока он съездит за пороховницей и перезарядит ружье, противник может ускользнуть. Лошади, должно быть, недалеко, и он ускачет. Днем Карлос без труда догнал бы его и конного, но в такую темную ночь, пожалуй, не догонишь. Если Пепе ускачет на пятьсот ярдов вперед, его уже не будет видно.

Это очень встревожило Карлоса. У него были веские причины желать смерти Пепе. Не одно лишь вполне естественное желание отомстить, но и благоразумие подсказывало: от этого человека надо избавиться. Эти наемные убийцы преследовали Карлоса так предательски, что пробудили в нем жажду мести. К тому же беглец знал: у него будет опасный враг, пока жив хоть один из этих негодяев. Нет, Пепе не должен убежать!

Карлос колебался недолго. Возвращаться за пороховницей – значит, упустить противника. Эта мысль заставила его решиться. Он бросил ружье на землю и, прищипорив коня, во весь опор понесся по равнине в сторону реки. А через несколько секунд он уже настиг удирающего врага.

Увидев, что он отрезан от лошадей, Пепе остановился, словно готовясь к бою. Но Карлос не успел еще спешиться, как Пепе снова пал духом; прорвавшись сквозь заросли ивняка, он бросился в воду.

На это Карлос не рассчитывал. Он уже соскочил с коня и теперь стоял растерянный и огорченный. Неужели враг ускользнет? Как быть: снова сесть на коня или догонять его пешком?

Карлос быстро решил: конечно, пешком! Он кинулся в густой ивняк следом за Пепе, выбрался на берег и на мгновение остановился у самой воды. Как раз в эту минуту враг вылез на противоположный берег и сломя голову побежал по низине. И снова Карлос подумал: не лучше ли погнаться за ним верхом? Но берега здесь высокие, коню, пожалуй, не взобраться, в этом месте реку не перейти вброд. Некогда и пробовать, дорога каждая минута.

– Уж наверно, он бежит не быстрее меня, – прошептал Карлос. – Значит, в погоню! – И он бросился в воду.

В несколько взмахов он переплыл речку, тотчас взобрался на берег и помчался вслед за врагом.

К этому времени Пепе опередил его ярдов на двести, но когда он пробежал следующие двести, Карлоса отделяло от него уже не больше ста ярдов. Где там было Пепе тягаться с белоголовым! Карлос бежал чуть ли не вдвое быстрее, чем его охваченный ужасом враг, хотя тот напрягал все силы, понимая, что дело идет о жизни и смерти.

Погоня не длилась и десяти минут.

Вот Карлос совсем близко. Пепе слышит за спиной его шаги. Бежать дальше – напрасный труд. Как и прежде, Пепе остановился, готовый отчаянно защищаться.

Еще мгновение – и они оказались лицом к лицу в каких-нибудь десяти футах друг от

друга.

Оба вооружены длинными ножами – это их единственное оружие. Даже в тусклом свете видно, как сверкают лезвия.

Враги не успели даже передохнуть. Обменявшись гневными возгласами, они ринулись друг на друга и сцепились в ожесточенной схватке.

Это была очень недолгая схватка. Она завершилась в несколько секунд. Тела противников переплелись, закружились в единоборстве – и вот уже один тяжело опрокинулся наземь. Раздался стон. Это голос Пепе. Это он упал!

Поверженное тело минуту извивалось на земле, приподнялось, упало снова, еще несколько раз передернулось и застыло неподвижно, скованное смертью.

Карлос наклонился, вглядываясь. На свирепое и злобное лицо его врага смерть уже наложила свою печать. Все было кончено. У победителя не оставалось больше сомнений.

Он отвернулся от неподвижного тела и пошел обратно к реке.

Потом Карлос нашел пороховницу, поднял ружье и, перезарядив его, отправился на поиски лошадей.

Вскоре он отыскал их. Пуля была послана в голову ищейки, вторая – в другую собаку, больше похожую на волка, лошади отвязаны и отпущены на свободу.

Покончив с этим, Карлос снова возвратился на полянку. Он снял Бизона с дерева, подошел к костру и остановился у тела Мануэля. Огонь пылал особенно ярко – его питала человеческая плоть.

С омерзением отвернувшись от этого зрелища, Карлос собрал свою одежду, опять сел в седло и поскакал к ущелью.

Глава LXII

Прошло уже три дня с тех пор, как желтолицый охотник и его приятель отправились на розыски Карлоса. Те, кто их послал, с нетерпением ждали вестей. Они нисколько не сомневались в ретивости своих наемников

– обещанная награда была залогом успеха, и они были уверены, что Карлос будет пойман. Все трое – Робладо, Вискаarra и иезуит – считали, что при такой награде иначе и быть не может. И все же им не терпелось получить от охотников известие

– если не о том, что беглец уже схвачен, то хотя бы, что его видели или напали на его след.

Однако, поразмыслив, святой отец и офицеры стали думать, что вряд ли они получат какие-нибудь вести от охотников. Надо ждать, пока те возвратятся сами – с жертвой или без нее.

– Конечно, охотники гонятся за ним по пятам, – заметил монах, – и пока они этого негодяя еретика не схватят, мы о них ничего не услышим.

Как же потрясла эту милую троицу новость, принесенная в Сан-Ильдефонсо одним пастухом! Он нашел два мертвых тела и узнал в них Мануэля и Пепе.

Пастух рассказал, что видел эти тела, растерзанные волками и стервятниками, неподалеку от рощи у Пекоса, и так как он хорошо знал этих людей, то по остаткам их одежды и снаряжения догадался, кто они такие.

Он нисколько не сомневался, что это были мулат и самбо – охотники миссии.

Сперва это «таинственное убийство», как его называли, казалось необъяснимым, если только не предположить, что его совершили дикие индейцы. Жителям долины не было известно, что охотников послали на розыски Карлоса. Их обоих здесь знали, но мало кто интересовался, куда и зачем они ездят. Они жили и охотились далеко от поселения, там, куда никто не заглядывал. Местные жители полагали, что они, как всегда, отправились на охоту и на них напали кочующие индейцы.

В рощу снарядили отряд улан, их повел туда пастух, и они вернулись с совершенно иным объяснением случившегося.

Охотники, утверждали они, убиты совсем не стрелами индейцев, а оружием белого человека. Притом их лошади остались целы, а собак прикончили – на берегу лежат их скелеты.

Ясно, что индейцы тут ни при чем. Индейцы увели бы с собой и лошадей, и, уж конечно, сняли бы с мертвецов все, что представляет хоть какую-нибудь ценность. Индейцы? Нет, это не их рук дело.

Кто же все-таки совершил убийство? Об этом можно было легко догадаться. Там, где нашли скелеты собак, земля была мягкая, и на ней остались следы копыт еще одной лошади, кроме лошадей убитых охотников. Нашлись люди, которые распознали, чьи это следы. То были следы хорошо известного всем вороного коня, принадлежащего Карлосу, охотнику на бизонов.

Итак, преступление совершил Карлос. Многие знали, что он не в ладах с Мануэлем. Наверно, они встретились и повздорили, а может быть, – это еще вероятнее, – Карлос набрел на Мануэля и Пепе, когда они спали у костра, незаметно подкрался и расправился с ними. Мануэля он застрелил на месте, и тот упал в огонь – труп его наполовину сгорел. Второй охотник пытался скрыться, но кровожадный преступник настиг его и прикончил.

На голову всеми осужденного Карлоса посыпались новые проклятия. При упоминании его имени люди крестились и произносили либо молитву, либо ругательства; матери пугали им непослушных детей. Имя Карлоса, охотника на бизонов, вселяло больший ужас, чем слух о нашествии индейцев.

Среди жителей Сан-Ильдефонсо усилилась вера в сверхъестественное. Теперь почти никто уже не сомневался, что мать Карлоса колдунья и, конечно, все эти дела ее сын совершал при ее помощи и по ее наущению.

Никто не надеялся больше, что его схватят или убьют. Разве это возможно? Кто сумеет связать этого дьявола и передать его в руки правосудия? Да, никто больше не верил, что его удастся поймать.

Нашлись даже такие, которые всерьез советовали схватить его мать-колдунью и сжечь ее на костре. Пока она жива, доказывали они, никакая погоня Карлосу нипочем. Вот если ее отправить на тот свет, тогда удастся наказать и убийцу.

Весьма вероятно, что эти советчики и одержали бы верх

– на их стороне было большинство, и к тому же их открыто поддерживали отцы иезуиты. Однако, прежде чем общественное мнение окончательно созрело для того, чтобы могло совершиться такое страшное жертвоприношение, новое событие круто изменило ход дела.

В воскресенье утром, когда люди выходили из церкви, на площадь прискакал, весь в пыли и в поту, всадник. На нем был мундир сержанта улан, и все сразу узнали сержанта Гомеса.

В несколько минут его окружила толпа зевак. Несмотря на воскресный день, со всех сторон раздались громкие возгласы ликования. Вверх полетели шляпы, крики «viva» потрясли воздух.

Что же за новость возвестил Гомес? Новость и впрямь необычайная: преступник пойман!

Да, это правда. Карлоса схватили, и теперь он в руках солдат. Его захватили не силой и не хитростью. Всею виною предательство. Его предал один из его же людей.

А случилось это вот как. Отчаявшись получить известие от Каталины, Карлос решил увезти из Сан-Ильдефонсо мать и сестру. Он приготовил для них временное жилище в глуши, далеко от поселения, там, где его враги не смогут их настичь, а сам хотел вернуться в долину, как только позволят обстоятельства.

Он знал, что за его матерью и сестрой неусыпно следят и увезти их отсюда совсем не просто. Но он все же сумел бы добиться своего, если бы его не предали. Один из пеонов, сопровождавших его в последний раз на охоту, теперь выдал его врагам.

Карлос был на ранчо и торопливо собирался в далекий путь. Своего коня он оставил неподалеку, в зарослях. К несчастью, с ним не было Бизона. Верный пес еще не оправился от ран, полученных в схватке в ущелье, иначе он караулил бы возле ранчо. Теперь Карлосу пришлось поручить это пеону.

Робладо и Вискаarra еще раньше подкупили этого негодяя. И он, вместо того, чтобы охранять своего хозяина, поспешил с доносом к его врагам. Дом окружили солдаты. Карлос

отчаянно сопротивлялся, несколько человек убил, но в конце концов враги одолели его и захватили.

Почти тотчас же после появления Гомеса звук трубы возвестил о приближении отряда улан, и вскоре они вступили на площадь. Среди них, под удвоенной охраной, надежно связанный, ехал верхом на муле пленник.

Слух о таком необычайном событии распространился очень быстро, и площадь заполнила любопытная толпа, жаждущая увидеть знаменитого охотника на бизонов.

Но Карлос был здесь не единственный, на кого люди смотрели с любопытством. За ним через площадь провели еще двух пленниц, и одна из них вызывала не меньшее любопытство зевак, чем сам преступник. Эта пленница – его мать. Сотни глаз смотрели на нее со злобой и страхом, ее провожали к тюрьме градом насмешек и угроз.

– Смерть колдунье! Смерть! – кричали изверги, когда она проходила мимо.

Даже рассыпавшиеся по плечам волосы и полные слез глаза ее молоденькой спутницы, ее дочери, не тронули сердца фанатичной толпы. Нашлись и такие, которые кричали:

– Смерть обеим – смерти матери и дочери!

Страже пришлось поспешно втолкнуть пленниц в дверь тюрьмы, чтобы разъяренная толпа не накинута на них.

По счастью, Карлос этого не видел. Ему даже не было известно, что они арестованы. Он надеялся, что мать и сестру оставили на ранчо, не причинив им вреда, и враги мстят лишь ему одному. Он не знал еще о дьявольских замыслах своих преследователей.

Глава LXIII

Пленниц заключили в городскую тюрьму, Карлоса же для верности увели в крепость и посадили на гауптвахту.

Ночью к нему явились гости. Комендант и Робладо не могли устоять перед подлым желанием насладиться местью.

Осушив свои стаканы, они вместе с компанией веселых собутыльников вошли в камеру и стали издеваться над связанным узником. Полупьяные посетители осыпали его ругательствами и оскорблениями, какие только могла изобрести их фантазия.

Карлос долго терпел все это молча. Наконец, выведенный из себя очередной грубой остротой Вискарры, он не сдержался и сказал что-то насчет перемен в лице коменданта. Это привело негодя в бешенство, и он бросился на связанного пленника с кинжалом в руке. Он, конечно, убил бы Карлоса, если бы Робладо и остальные его не удержали. Приятели напомнили ему, что, убив Карлоса, он лишит их обещанного развлечения. Только это и обуздало Вискарру, однако он утихомирился лишь тогда, когда ударил беззащитного пленника несколько раз кулаком по лицу.

– Пусть мерзавец живет! – сказал Робладо. – Завтра мы ему устроим веселенькое представление.

Пьяные головорезы, пошатываясь, вышли из камеры, предоставив узнику размышлять над тем, что за «представление» ему обещано.

Больше ему ничего и не оставалось делать. Карлос прекрасно понимал, что с ним расправятся. Он не надеялся на милость военных или гражданских судей. Его смерть и будет представлением, думал он. Всю ночь он терзался мучительной тревогой – не за себя, а за тех, кто был ему дороже собственной жизни.

В узенькую бойницу мрачной камеры заглянуло утро. И больше никого пленник не видел. Свирепые тюремщики не сказали ему ни слова утешения, не бросили сочувственного взгляда, не принесли ни воды, ни пищи. Друг не справился о нем. Казалось, во всем мире нет сердца, которое тревожно забилося бы при мысли о нем.

Настал полдень. Карлоса вывели, вернее – выволокли из крепости. Его окружили солдаты. Куда они его поведут? На казнь?

Глаза ему не завязали. Он видел, что его ведут через город на площадь. Там необычайное

скопление народу. Толпа запрудила и площадь и все асотеи, откуда она видна. Казалось, в городе собрались все жители долины. Тут и владельцы асиенд, и скотоводы, и рудокопы, и кого только нет! Но почему они здесь? Их привлекло, должно быть, из ряда вон выходящее событие. По всему видно – они ждут какого-то необычайного зрелища. Быть может, представления, которое обещал Робладо? Но что это за представление? Уж не хотят ли его попытать в присутствии всего этого сборища? Очень может быть...

Он шел, и огромная толпа глумилась над ним. Его провели через площадь и втокнули в городскую тюрьму.

В камере на грубой скамье, стоящей у стены, можно было отдохнуть. Несчастный повалился на скамью – сидеть выпрямившись ему не позволяли связанные руки и ноги.

Он остался один. Сопровождавшие его солдаты вышли из камеры и заперли ее на замок. Он знал, что несколько человек остались за дверью – слышны были их голоса и бряцанье сабель. Действительно, двоих оставили на страже. Остальные разбрелись и смешались с толпой, заполнившей площадь.

Несколько минут Карлос лежал без движения, без мысли. Душа его оцепенела от горя. Впервые в жизни он поддался отчаянию.

Это чувство было мимолетным, и снова мысль его заработала, но надежда не вернулась. Говорят, надежда уходит только вместе с жизнью – нет, это неверно. Он все еще жил, а надежда умерла. Он не мог надеяться, что ему удастся бежать: его слишком хорошо стерегли. Озлобленные враги, убедившись на опыте, что его нелегко поймать, не оставили ему ни малейшей возможности ускользнуть. А надеяться на помилование или сострадание Карлосу и в голову не приходило.

Но мысль его снова работала.

Как только ключ поворачивается в замке и узник остается один, он прежде всего обводит взглядом стены своей темницы, словно проверяя, правда ли, что он в заточении. Повинуясь этому вполне естественному побуждению, Карлос поглядел на стены. Небольшое оконце

– вернее, амбразура пропускала свет: камера была не в подземелье. Оконце находилось высоко, но, став на скамью, можно было посмотреть, куда оно выходит. Карлос, однако, не проявил любопытства и по-прежнему лежал неподвижно. Он видел, что стены его темницы не каменные, они сложены из необожженного кирпича и при этом не толстые – это видно по амбразуре. Такие стены не слишком прочны. Решительный человек, будь у него острый инструмент и время, без особого труда мог бы пробить стену и выбраться отсюда. Так размышлял Карлос. Но он подумал и о том, что у него нет ни острого инструмента, ни времени. Через несколько часов, а может быть, и через несколько минут его, конечно, поведут из этой тюрьмы на эшафот.

Смерть его не страшила, не страшила даже пытка – он ждал, что ему уготовано именно это. Для него была пыткой мысль о вечной разлуке с матерью и сестрой, с гордой, благородной девушкой, которую он любил; его терзала мысль, что никогда больше он их не увидит.

Неужели никак нельзя дать им знать о себе? Неужели нет у него друга, который передал бы им его последнее слово, его предсмертную мысль? Нет, никого!

Временами косой луч, прорезавший камеру, пропадал, и в камере становилось темно – что-то снаружи заслоняло амбразуру. То было лицо какого-нибудь любопытного зеваки, забравшегося на плечи приятелей, чтобы взглянуть на узника.

Амбразура была над головами толпы. С площади доносились грубая брань и оскорбления, и притом обращенные не к одному Карлосу, но и к тем, кто был ему дорог, – к его матери и сестре. Он прислушивался с горечью и с тревогой. Почему о них так много говорят? Слов он не мог разобрать, но в гуле голосов снова и снова различал имена матери и сестры.

Так он пролежал на скамье около часа. Потом дверь отворилась, и в камеру вошли Вискаarra и Робладо. Их сопровождал Гомес.

Узник подумал, что час его настал. Теперь его поведут на казнь. Но он ошибся. Сейчас у них была другая цель. Они пришли насладиться его душевной мукой.

Офицеры недолго задержались в камере.

– Ну, приятель, – начал Робладо, – мы обещали устроить тебе сегодня представление. Слово мы держать умеем. Так вот, все готово, представление скоро начнется. Взбирайся на скамью и посмотри в окошко. Площадь хорошо видна отсюда – не беспокойся, бинокль тебе не понадобится. Вставай! Не теряй времени! Увидишь кое-что занятное.

Робладо разразился хриплым смехом, ему вторили комендант и Гомес. Не дожидаясь ответа, все трое вышли из камеры и приказали караульному снова запереть дверь.

Их приход и слова Робладо озадачили Карлоса. Что все это значит? Представление, и при этом он – зритель? Какое еще может быть представление, если не его казнь? Что же это значит?

Некоторое время он пытался понять, о чем же это говорил Робладо, и наконец ему показалось, что он нашел ключ.

– Ага! – пробормотал он. – Дон Хуан... Вот оно что! Мой бедный друг! Они и его приговорили к смерти, и он должен умереть раньше меня. Они хотят, чтобы я видел его казнь. Изверги! Нет, не доставлю им такого удовольствия – не буду смотреть! Останусь здесь.

И он снова опустился на скамью, решив, что не встанет с места. Порой он шептал:

– Бедный дон Хуан! Верный друг... Друг до гроба. Да, до гроба. Ведь он за меня умирает, за меня... Дорогой друг, дорогой!..

Размышления узника внезапно прервались. Чье-то лицо заслонило амбразуру, и грубый голос крикнул:

– Эй ты Карлос, бизоний палач! Погляди-ка сюда! Черт побери, зрелище того стоит! Гляди на свою мамашу, на колдунью! Вот она красуется! Ха-ха!

Если бы его ужалила ядовитая змея, ударил враг, Карлос не вскочил бы так стремительно. Он забыл о том, что руки и ноги у него связаны, и упал на пол; с трудом поднялся он на колени.

Теперь он был осторожнее; хоть и не сразу, но ему удалось встать на ноги. Он взобрался на скамью и, прильнув лицом к амбразуре, выглянул наружу.

Кровь застыла у него в жилах и крупные капли пота выступили на лбу, когда он увидел, что происходит на площади. Душа его исполнилась ужасом, и ему показалось, что чья-то рука сжала его сердце и давит железными пальцами.

Глава LXIV

Середина площади опустела – ее оцепили солдаты. Толпы людей, прижатые к стенам домов, стояли по сторонам, запрудили балконы и асотеи. Ближе к середине площади расположились офицеры, алькальд, должностные лица и местная знать. Почти все они были в мундирах, и при других обстоятельствах именно они привлекли бы к себе взоры толпы. Но сейчас куда больший интерес вызывала другая группа, и на нее-то с напряженным вниманием были обращены все взгляды.

Она занимала угол площади напротив тюрьмы, как раз напротив оконца, в которое смотрел Карлос. На этой группе сразу же остановился его взгляд. Больше ничего он уже не видел – ни толпы, ни сдерживающих ее солдат, ни важного начальства и разряженной знати, – он видел лишь тех, что стояли напротив его окна. Он не мог отвести от них глаз. ли раньше. Надо полагать, прежде всего он отправится в погоню попонами из черной саржи, свисающими до самых ног. На каждом осле волосяной недоуздки; конец его держит темнокожий погонщик в причудливой одежде из той же самой черной материи. За спиной каждого еще один погонщик, так же странно одетый, с плетью из бизоньей кожи. Подле каждого осла стоит еще и один из отцов иезуитов, держа в руках неотъемлемые принадлежности своего ремесла – молитвенник, четки и распятие. Вид у них деловитый: они находятся при исполнении служебных обязанностей. Но каких? Слушайте же!

Ослы оседланы. На каждом из них живое существо – человек. Всадники сидят не свободно, нет – они связаны. Ноги их стянуты веревками, обмотанными вокруг щиколоток, а чтобы спина оставалась согнутой, руки привязаны к деревянному ярму, надетому на шею осла. Головы их опущены, и лица обращены к стене, – толпа их пока еще не видит.

Они обнажены. Достаточно одного взгляда, чтобы понять

– это женщины. Последние сомнения рассеются при виде их длинных рапущенных волос; седые у одной, золотистые у другой, они закрывают щеки пленниц и свисают на шеи ослов. Но одну из них нетрудно узнать и без этого. Она сложена, как Венера. Даже взгляд скульптора признал бы ее безупречной. На другую наложили печать годы. Она сморщена, костлява, худа, и на нее неприятно смотреть.

О Боже! Что за зрелище для Карлоса, охотника на бизонов! Эти всадницы поневоле – его мать и сестра! Он узнал их мгновенно, с первого взгляда.

Если бы сердце его пронзила стрела, боль не была бы острее. С уст его сорвался сдавленный стон – единственный звук, который выдал его страдания. Потом он умолк. Лишь судорожное, отрывистое дыхание говорило о том, что он жив. Он не упал, не лишился чувств. Он не отступил от окна. Точно изваяние, стоял он, как стал с самого начала, прижавшись грудью к стене, чтобы тверже держаться на ногах. Глаза его, застывшие, неподвижные, прикованы к несчастным женщинам.

На середине площади Робладо и Вискаarra – наконец они торжествуют! Они увидели его в амбразуре. Он их не видел: в эти минуты он забыл об их существовании.

На церковной башне ударил колокол и смолк. Это был сигнал, возвестивший начало гнусной церемонии.

Погонщики отвели ослов от стены и остановились друг за другом, боком к площади. Теперь лица женщин были частично обращены к толпе, но их почти закрывали распущенные волосы. Приблизились иезуиты. Каждый избрал себе жертву. Они пробормотали над пленницами какие-то непонятные слова, помахали перед их лицами распятием и, отойдя на шаг, шепнули что-то негодяям, стоявшим сзади.

Те с готовностью отозвались на сигнал. Взявшись поудобнее за рукоятку, каждый полоснул плетью по обнаженной спине женщины.

Плети опускались неторопливо и размеренно, ударам велся счет. Каждый удар оставлял свой рубец на коже. На молодой женщине они были заметнее; не то чтобы их наносили с большей силой, но алые полосы отчетливее выделялись на белой, мягкой и нежной коже.

Как ни странно, женщины не кричали. Девушка вся сжалась и тихонько всхлипывала, но ни один стон не сорвался с ее губ. А старуха даже не шелохнулась, ничто не выдало ее мук.

Когда каждая получила по десять ударов, с середины площади раздался голос:

– С девушки хватит!

Толпа подхватила возглас, и тот, на обязанности которого было наносить удары младшей жертве, свернул свою плеть и отступил. Второй продолжал свое дело до тех пор, пока не отсчитали двадцать пять ударов.

Потом грянул оркестр. Ослов провели по краю площади и остановили на следующем углу.

Музыка смолкла. Святые отцы снова забормотали и замахали распятием. Настал черед палачей, но на этот раз только один из них выполнял свою роль. Толпа потребовала, чтобы девушку избавили от плетей, однако она все еще сидела на осле в той же униженной, позорной позе.

Старухе отсчитали еще двадцать пять ударов. Снова заиграла музыка, и процессия направилась к третьему углу площади. Ужасная пытка возобновилась. Потом двинулись к четвертому, последнему углу площади. Здесь казнь завершилась: старуха получила сто ударов – все положенное число.

Церемония окончена. Толпа окружила несчастных. Их стражи ушли, и они предоставлены самим себе.

Но на лицах людей нет сострадания, одно лишь любопытство. То, что произошло у них перед глазами, почти не вызвало сочувствия в сердцах этого сброда. Фанатизм сильнее жалости. Кто станет заботиться о колдунье и еретичке!

И все же нашлись такие, что позаботились о них. Нашлись руки, которые развязали веревки, растерли мученицам лбы, накинули на плечи шали, смочили водой губы этих безмолвных жертв – безмолвных потому, что обе они были без сознания.

Здесь оказалась и простая повозка. Как она сюда попала, никто не знал и никто не

интересовался этим. Надвигались сумерки, и люди, удовлетворив любопытство и к тому же проголодавшись, стали расходиться по домам. Дюжий возница и два темнокожих индейца, которыми распоряжалась какая-то молодая девушка, уложили несчастных в повозку; потом возница взобрался на свое место, и повозка тронулась. Девушка и помогавшие ей индейцы пошли сзади.

Они миновали предместье и по окольной дороге, пересекавшей заросли, подъехали к уединенному ранчо, тому самому, куда однажды уже привозили Роситу. Ее и на этот раз увезла Хосефа.

Страдалиц внесли в дом. Вскоре заметили, что одна больше уже не страдает. Дочь привели в сознание, и она увидела, что ее мать мертва.

Старухе растирали виски, смачивали губы, терли руки – все было напрасно. Мать не слышала отчаянного крика дочери. Смерть унесла ее в иной мир.

Глава LXV

Карлос смотрел на страшное зрелище из оконца в камере. Мы сказали, что он смотрел молча. Это не совсем так. Время от времени, когда окровавленная плоть тяжелее опускалась на спину жертвы, из груди его вырывался сдавленный стон – невольное выражение безмерной муки.

Вид Карлоса явственней, чем голос, выдавал сжигавшее его нестерпимое пламя. Лицо его приводило в ужас тех, кто случайно или из любопытства бросал взгляд на оконце. Мускулы окаменели, остановившиеся глаза обведены темными кругами, за сжатыми губами стиснуты зубы, на лбу блестят крупные капли пота. Казалось, он больше не дышит и в лице его не осталось ни кровинки. Оно было бледно, как смерть, и недвижимо, словно высеченное из мрамора.

Со своего места Карлос мог видеть только два угла площади

– тот, где чудовищное истязание началось, и тот, где были отсчитаны следующие двадцать пять ударов. Затем процессия скрылась из виду, но, хотя страшное зрелище уже не терзало его взор, Карлос не почувствовал облегчения. Он знал, что истязание продолжается.

Он отошел от окошка. Теперь он принял решение – он решил покончить с собой. Чаша страдания переполнилась, больше он не в силах вынести. Смерть избавит его от мучений. Надо умереть.

Но как лишиться себя жизни?

У него нет оружия, а если бы даже и было, со связанными руками он все равно не смог бы им воспользоваться.

Что, если разmozжить голову о стену?

Взглянув на глинобитные стены, он понял, что не достигнет цели. Он лишь оглушит себя, но не убьет. А потом снова пробудится для страшной жизни.

В поисках способа покончить с собой он обвел глазами камеру.

Ее пересекала балка. Она проходила так высоко, что на ней мог бы повеситься самый рослый человек. Будь у него свободны руки и найдись тут веревка, он мог бы это сделать. Впрочем, веревка есть, и достаточно длинная: его руки связаны обмотанной несколько раз полосой сыромятной кожи.

Карлос подумал об узлах. Как же он удивился и обрадовался, когда обнаружил, что они растянулись и ослабли! Горячий пот, проступивший на руках, размочил сыромятную кожу, и она стала мягкой и податливой. Не помня себя, едва не обезумев от того, что ему пришлось увидеть, Карлос безотчетными резкими движениями растянул ремни на несколько дюймов. Теперь он сразу почувствовал, что их можно развязать, и принялся за это со всей силой и энергией человека, которому терять нечего. Если бы ему связали руки впереди, он бы перегрыз ремень зубами, но руки были крепко связаны за спиной. Он стал их тянуть и дергать изо всех сил.

Нет в мире людей, которые обращались бы с веревками и ремнями так ловко, как

испанцы. Индейцы не могут тягаться с ними в этом искусстве; узел, завязанный даже самым ловким моряком, покажется неуклюжим в сравнении с тем, который сделают они. Никто не умеет так надежно сковать узника без помощи железа. И Карлос был связан превосходно.

Но человека, обретшего сверхъестественную силу и полного решимости, не удержат веревками из пеньки или из кожи. Дайте такому человеку достаточно времени

– и он освободится. Карлос знал, что ему нужно только время.

Благодаря тому, что сыромятная кожа размокла, много времени не потребовалось. Не прошло и десяти минут, как ремни соскользнули с запястий, и руки узника оказались на свободе.

Он стал перебирать пальцами ремень, чтобы его распутать. На одном конце он сделал петлю и, взобравшись на скамью, второй конец привязал к балке. Затем накинул петлю на обнаженную шею, рассчитал длину, на какой она должна висеть, когда затянется под тяжестью тела, и став на край скамьи, уже готов был прыгнуть...

«Взгляну на них еще раз – и умру, – подумал Карлос. – Бедные мои... в последний раз! « Он стоял почти напротив оконца. Чтобы увидеть площадь, нужно было лишь слегка наклониться, и Карлос наклонился.

Он не увидел их; но толпа теперь смотрела в тот угол площади, что примыкал к тюрьме. Скоро ужасная казнь кончится. Может быть, когда их поведут отсюда, он их увидит. Он подождет

– это будет его последняя минута...

Что же это такое? Боже, это...

Он услышал свист плети, прорезавшей воздух. Он услышал или вообразил, что слышит тихий стон. Толпа молчала, до него доносился малейший звук.

«Боже милосердный, неужели нет милосердия? Бог отмщения. Услышь меня!.. Ага, отмщение! Что же это я, глупец этакий, задумал самоубийство? Да ведь руки мои свободны – разве я не могу выбить дверь, сломать замок? Мне грозит всего лишь смерть от их оружия, а может быть... « Он сорвал с шеи петлю и хотел было отойти от окна, как вдруг что-то тяжелое ударило его по лбу, чуть не оглушив.

Сперва Карлос подумал, что это камень, брошенный снизу каким-нибудь негодяем, но непонятный предмет, упав на скамью, глухо звякнул.

Карлос посмотрел вниз и при тусклом свете разглядел что-то продолговатое. Он быстро нагнулся и поднял аккуратно перевязанный, завернутый в шелковый шарф пакетик.

Карлос поспешно развязал сверток и поднес к свету. Тут были кошелек, полный золотых монет, нож и сложенный листок бумаги.

Карлос прежде всего взял бумагу. Солнце село, и в камере стало темно, но у окошка было еще достаточно света, чтобы прочитать записку. Он развернул ее и стал читать:

«Вас должны казнить завтра. Мне не удалось узнать, оставят ли вас на ночь здесь или уведут обратно в крепость. Если вы останетесь в тюрьме, тогда все хорошо. Посылаю вам два оружия. Воспользуйтесь любым или обоими. Стены можно пробить. На воле вас будет ждать верный человек. Если же вас поведут в крепость, попытайтесь бежать по дороге – другой возможности не будет. Мне незачем советовать вам быть мужественным и решительным, вам – воплощению решимости и мужества. Бегите к ранчо Хосефы. Там вы встретите ту, что готова теперь разделить с вами и опасности и вашу свободу. До свидания! Друг сердца моего, до свидания! « Подписи не оказалось.

Но Карлосу она и не была нужна – он прекрасно знал, кем написана записка.

– Отважная, благородная девушка! – прошептал он, пряча записку на груди, под охотничьей рубашкой. – Я буду жить для тебя! Эта мысль возвращает мне надежду, дает новые силы для борьбы. Если я умру, то не от руки палачей. Нет, мои руки свободны. Пока я жив, их больше не свяжут! Только смерть заставит меня сдаться!

Узник сел на скамью и торопливо развязал ремни, которые все еще стягивали его ноги. Потом снова вскочил и, зажав в руке нож, принялся шагать по камере, при каждом повороте кидая угрожающий взгляд на дверь. Он решил прорваться мимо стражей, и видно было, что он

готов наброситься на первого, кто войдет к нему.

Несколько минут он метался по камере, словно тигр в клетке.

И вдруг он остановился, захваченный какой-то новой мыслью. Подобрал только что сброшенные ремни и, сев на скамью, снова замотал их вокруг лодыжек, но так ловко и хитро, что замысловатый узел мог развязаться от одного рывка. Нож спрятал за пазуху, куда раньше положил кошелек. Потом он снял с балки веревку из сыромятной кожи и, скрестив руки за спиной, так обмотал запястья, что, казалось, они накрепко связаны. После этого он улегся на скамью. Лицо его было обращено к двери, и он лежал неподвижно, словно крепко спал.

Глава LXVI

В нашей стране холодных чувств, любви расчетливой и корыстной мы не можем понять и, пожалуй, даже не верим в возможность безрассудно отважных поступков, какие в других краях порождает сильная страсть.

У испанских женщин любовь нередко обретает глубину и величие, каких не знают и никогда не испытывают народы, у которых к этому чувству примешивается торгашество. У этих возвышенных натур она часто превращается в истинную страсть, беззаветную, безудержную, глубокую, которая поглощает все другие чувства, заполняет душу. Дочерняя преданность, привязанность к родному дому, моральный и общественный долг отступают перед ней. Любовь торжествует над всем.

Такова была природа и сила любви, горевшей в сердце Каталины де Крусес.

Против нее восстала дочерняя привязанность, на чашу весов были брошены положение в обществе, богатство и многое другое, но любовь перевесила. Повинуясь ей, Каталина решила оставить все.

Приближалась полночь, и в доме дона Амбросио было темно и тихо. Хозяин отсутствовал. Вискарра и Робладо устроили в крепости грандиозное пиршество, и сливки общества были приглашены туда. Среди гостей был и дон Амбросио. В этот час он пировал и веселился в крепости.

Это был праздник не для дам, вот почему там не было Каталины. Его устроили без подготовки, наспех — надо же отметить события истекшего дня! Офицеры и священники пребывали в наилучшем расположении духа и не пожалели усилий, чтобы пирушка удалась на славу.

В городе царила тишина, и в доме дона Амбросио, казалось, все замерло. Привратник в ожидании хозяина задержался у входа, но он сидел в подворотне и, видимо, дремал.

За ним следили те, кому было на руку, чтобы он спал.

Широкие двери конюшни распахнуты. В проеме можно разглядеть силуэт человека. Это конюх Андрес.

В конюшне нет света. Но если бы горел свет, в стойлах видны были бы четыре оседланные и взнузданные лошади. И еще одно странное обстоятельство: у всех лошадей копыта плотно обмотаны грубой шерстяной тканью. Конечно, это сделано не зря!

От ворот не виден вход в конюшню. Но конюх порой выходит вперед и украдкой выглядывает из-за угла. Должно быть, он наблюдает за привратником. Некоторое время он прислушивается, затем возвращается на прежнее место, к темному входу конюшни.

Тонкий луч света прорывается сквозь занавеси на дверях одной из комнат — из спальни сеньориты. Но вот свет внезапно погас. Вскоре дверь бесшумно отворилась, и за порог скользнула женщина. Держась тени, падавшей от стены, она направилась к конюшне, подошла к открытым дверям и вполголоса окликнула:

— Андрес!

— Я здесь, сеньорита, — ответил конюх, шагнув ближе к свету.

— Все оседланы?

— Да, сеньорита.

— И копыта обмотаны?

– Все до одного, сеньорита.

– Что же нам делать с ним? – кивнув в сторону ворот, с беспокойством продолжала сеньорита. – Пока не вернется отец, он не уйдет, а потом будет уже слишком поздно. Святая дева!

– А может быть, и привратника убрать, как девушку? Я с ним справлюсь.

– Да, Висенса... Как ты от нее избавился?

– Связал ее, заткнул ей рот, да и запер в саду, в сторожке. Уж поверьте, сеньорита, она оттуда не выберется, пока ее кто-нибудь не найдет. Ее можно не бояться. Только скажите, я и привратника так же упрячу.

– Нет, нет, нет! Кто откроет папе ворота? Нет, это не годится. – Она задумалась. – А вдруг он выйдет из тюрьмы, а лошадей еще не будет? Его хватятся, погонятся за ним, поймают... Он выйдет оттуда, я уверена, что выйдет! Сколько же ему понадобится времени? Наверно, немного. Он быстро развяжет веревки. Я знаю, он умеет, он мне как-то говорил... Пресвятая дева! Может быть, он уже на свободе и ждет меня! Надо торопиться!.. Да, привратник... Ага!

Она вскрикнула и порывисто обернулась к Андресу. Видимо, ее осенила какая-то мысль.

– Андрес! Добрый Андрес, слушай! Мы все устроим.

– Слушаю, сеньорита.

– Так вот. Ты проведешь лошадей кружной дорогой, через сад. Сможешь ты переправить их через реку?

– Дело нехитрое, сеньорита.

– Вот и хорошо! Веди их через сад... Постой!

Она взглянула на длинную аллею, ведущую через сад; аллея протянулся как раз напротив ворот и была оттуда видна. Если привратник не будет спать, он непременно увидит, что по ней ведут четырех лошадей, хоть ночь и темная.

Но вот Каталина снова оживилась – наверно, она придумала, как обойти это препятствие.

– Вот что, Андрес! Иди к воротам и посмотри, не спит ли привратник. Иди смело. Если он спит, очень хорошо. А если нет, заведи с ним разговор. Попроси его выпустить тебя через калитку. Вымани его на улицу, а там как-нибудь задержи его. Я сама выведу лошадей.

Этот план годился, и конюх приготовился к дипломатической встрече с привратником.

– А немного погодя проберись вслед за мной в сад. Смотри не оплошай, Андрес! Я удвою твою награду

– ты ведь поедешь со мной, чего тебе бояться?

– Сеньорита, да я для вас жизни не пожалею!

Золото всемогуще. Золото заставило стойкого Андреса изменить старой дружбе, лишь бы угодить госпоже. За золото он готов был задушить привратника на месте.

А тот не спал; по обычаю испанских привратников, он лишь дремал. Андрес пустил в ход свой стратегический план – угостил привратника сигарой, а через несколько минут тот, ничего не подозревая, вышел вместе с ним за ворота, и оба они стояли на улице и покуривали.

По гудению их голосов Каталина поняла, что все в порядке. Она вошла в темную конюшню и, проскользнув к одному из коней, взяла его под уздцы и вывела. Она быстро отвела его в сад и привязала к дереву. Потом она возвратилась и вывела из конюшни второго коня и третьего; и вот наконец и четвертый привязан в саду.

Каталина опять вернулась во двор. Она закрыла конюшню, заперла дверь своей комнаты и, бросив взгляд в сторону ворот, проскользнула обратно, в глубь сада. Ей осталось лишь сесть на свою лошадь и, держа в поводу вторую, ждать Андреса.

Она ждала недолго. Андрес точно рассчитал время. Через несколько минут он появился в саду; закрыв за собой калитку, он присоединился к своей хозяйке.

Их уловка великолепно удалась. Привратник ничего не заподозрил. Андрес пожелал ему спокойной ночи, пробормотав, что собирается лечь спать.

Теперь дон Амбросио может возвращаться, когда ему вздумается. Как обычно, он пройдет к себе в спальню. Только утром он узнает, чего лишился.

Сняли материю, обмотанную вокруг копыт лошадей, и, без лишнего шума войдя в воду,

переправили всех четырех через реку. Выбравшись на другой берег, всадники сначала поехали по направлению к скалам, но вскоре свернули на тропку в зарослях, ведущую к низине. Этой дорогой они придут к ранчо Хосефы.

Глава LXVII

Лежа на скамье, Карлос внимательно оглядел свою темницу, выискивая место, где легче всего можно бы пробить стену. Он уже знал, что стены сложены из необожженного кирпича, и, хотя они достаточно крепки, чтобы держать здесь обыкновенного злоумышленника, человек, вооруженный подходящим оружием и решимостью выйти на свободу, без особого труда может их пробить. Для этого хватило бы двух часов. Но как работать два часа, чтобы никто не заметил этого и не помешал? Вот над чем пришлось поразмыслить узнику.

Одно ясно: сейчас начинать нельзя, надо подождать смены часовых.

Карлос рассудил верно. До тех пор, пока не сменится стража, он будет по-прежнему лежать на скамье, словно крепко связанный. Он знал, что часовые должны сдать его смене, а новые обязаны проверить, в камере ли он, и, следовательно, они заглянут сюда. По его расчетам, смены караула не придется долго ждать – новые часовые скоро явятся.

Одно тревожило Карлоса: оставят ли его на ночь в тюрьме или же для большей безопасности уведут обратно в крепость? Если его поведут туда, то не останется ничего другого, – так советовала и Каталина, – как сделать отчаянную попытку бежать дорогой. В крепости, на гауптвахте, его будут окружать каменные стены. О том, чтобы пробить такую стену, нечего и думать.

Конечно, его могут увести туда. Но почему, собственно, им беспокоиться, что он удерет из тюрьмы, крепко связанный, как они полагают, безоружный, охраняемый бдительными стражами? Нет. Никому и в голову не придет, что он может бежать. Наконец, гораздо удобнее продержать его эту ночь здесь, в тюрьме. Она рядом с площадью, где его должны казнить, и казнь, без сомнения, назначена на завтра. Вон как раз перед тюрьмой уже возведена виселица.

Отчасти из этих соображений, отчасти потому, что они были заняты более приятными делами, офицеры действительно решили оставить его в городской тюрьме, но Карлос об этом не знал.

Впрочем, он был готов ко всему. Если его поведут обратно в крепость, он при первом же удобном случае, рискуя жизнью, попытается бежать. Если же его оставят в тюрьме, он дождется прихода караульных, а когда они уйдут, начнет пробивать стену. Допустим, его застанут за работой – что ж, тогда остается одно: он бросится на часовых и прорвется сквозь их строй.

Его побег не был делом безнадежным. Совсем не так легко удержать под стражей человека, полного решимости и к тому же вооруженного ножом, человека, которого может остановить только смерть. Такой человек порой вырывается на свободу, даже если он окружен легионом врагов. А у Карлоса было куда больше надежды на успех. Ведь он силен и отважен, большинство его врагов пигмеи в сравнении с ним. Да и храбростью они не отличаются. Карлос знал, стоит им увидеть, что руки у него развязаны и он вооружен, как они тут же кинутся в стороны. Надо, конечно, опасаться, что они начнут стрелять из карабинов. Однако он надеялся, что и в этом случае ему повезет, ибо солдаты не могли похвастать меткостью в стрельбе; к тому же темная ночь укроет его.

Больше часа пролежал он на скамье, мысленно перебирая все возможности обрести свободу. Его размышления прервал шум на площади. Это к тюрьме подошла новая группа солдат.

Сердце Карлоса тревожно забилося. Не затем ли они пришли, чтобы отвести его в крепость? Очень возможно. Он ждал, с мучительным нетерпением прислушиваясь к каждому слову.

К его большой радости, оказалось, что это смена караула. Из их разговора он узнал, что приказано держать его всю ночь в тюрьме. Именно это ему и хотелось услышать.

Вскоре дверь отперли, и вошли несколько улан. У одного был в руке фонарь; при свете его они оглядели Карлоса, не покусившись при этом на оскорбительную брань. Они увидели, что он надежно связан. Потом все ушли, предоставив его самому себе. Конечно, дверь снова заперли, и камера погрузилась во мрак.

Карлос лежал неподвижно, пока не удостоверился, что солдаты удалились. Он слышал, как у двери располагаются новые часовые, потом голоса остальных замерли вдалеке.

Теперь можно было приступить к делу. Он поспешно сорвал с рук и с ног веревки, достал спрятанный на груди нож и принялся долбить стену.

Место он выбрал в самом дальнем углу от двери, в задней стене камеры. Он не знал, куда она выходит, однако можно было предполагать, что за ней начинается равнина.

То была не крепостная тюрьма, а обыкновенная легкая постройка, куда городские власти заключали незначительных преступников. Что ж, тем скорее он может рассчитывать на то, что пробьет стену.

Она легко поддавалась под ножом. Ведь это была всего лишь глина с примесью соломы, и, хотя кирпичи были уложены толщиной не меньше чем в двадцать дюймов, Карлосу удалось за час продолбить дыру, через которую можно было вылезть. Он, наверно, сделал бы это еще быстрее, но ему пришлось работать осторожно и как можно тише. Дважды ему почудилось, что караульные собираются войти в камеру, и оба раза он вскакивал и стоял с ножом в руке, готовый броситься на них. К счастью, воображение обманывало его – в камеру никто не входил. Вот уже все готово, и узник с удовольствием ощутил холодный воздух, ворвавшийся через отверстие.

Он прекратил работу и прислушался. С этой стороны тюрьмы не доносилось ни звука. Кругом было темно и тихо. Карлос просунул голову в отверстие и выглянул. Хотя ночь была темная, он разглядел бурьян и кактусы, росшие у самой стены. Вот удача

– нигде ни души!

Карлос расширил отверстие и с ножом в руке выполз наружу. Осторожно, неслышно он поднялся на ноги. Кроме высокого, густо разросшегося бурьяна, кактусов и алоэ, ничего не было видно. Он оказался далеко от жилья, на выгоне. Он был на свободе!

Укрываясь за кустами, Карлос стал красться к равнине. Словно из-под земли перед ним выросла чья-то тень, и тихий голос произнес его имя. Он узнал Хосефу. Они перекинулись несколькими словами, и девушка неслышно пошла вперед; Карлос последовал за нею.

Они вошли в заросли и по узкой тропке обогнули город. Ранчо Хосефы было на окраине с противоположной стороны; через полчаса они уже входили в это скромное жилище.

Еще мгновение – и Карлос склонился над бездыханным телом матери.

Смерть матери не была для него неожиданностью. Такой конец он предвидел. Нервы его были уже напряжены до предела после того, что он видел утром. Бывает так, что одно несчастье заслоняет другое и вытесняет его из сердца. Но перенесенное Карлосом страдание не могло потускнеть перед еще большим. Горе поразило его так жестоко, что он словно окаменел.

Теперь перед ним была рядом та, которая хотела облегчить ему горе, – его самоотверженная спасительница.

Но не время было предаваться скорби. Карлос поцеловал холодные губы матери, поспешно обнял сестру и любимую.

– Лошади есть?

– Они здесь, за деревьями.

– Идем! Нельзя терять ни минуты, надо уходить отсюда. Идем!

С этими словами он закутал тело матери в серапе и, взяв его на руки, вышел из дома.

Его спутницы уже ждали там, где спрятаны были лошади.

Карлос увидел, что коней пять. Радость блеснула в его глазах, когда он узнал своего вороного. Его разыскал Антонио. Он и сам тоже был здесь.

Вот уже все на лошадях: Росита и Каталина, Антонио и конюх Андрес. А сам Карлос со своей ношей на верном скакуне.

– Вниз по долине, хозяин? – спросил Антонио.

Карлос в раздумье помолчал.

– Нет, – сказал он наконец. – Той дорогой они погонятся за нами. Поедем мимо Утеса загубленной девушки. Им не придет в голову, что мы станем взбираться по скалам. Ты поведешь нас через заросли, Антонио, – ты лучше всех знаешь ту тропу. Вперед!

И всадники тронулись в путь. Скоро они были уже за пределами города и ехали по извилистой тропе, которая вела к утесу. Лошади шли гуськом через заросли; седоки не проронили ни слова, не переговаривались даже шепотом.

Спустя час они достигли крутого подъема среди скал и, не задерживаясь, все так же молча, гуськом поехали дальше, пока не выбрались наверх. Карлос велел Антонио вести остальных на плоскогорье, а сам остался позади.

Когда они отъехали, Карлос поворотил коня и поскакал к утесу. На самом краю он остановился – перед ним как на ладони лежал Сан-Ильдефонсо. Во мраке ночи долина казалась огромным кратером потухшего вулкана. Внизу, в городе и в крепости, словно последние вспышки еще не остывшей лавы, мерцали огни.

Конь стоял неподвижно. Всадник понял на руках тело матери, открыл бледное лицо ее, словно хотел, чтобы и она увидела эти огни.

– Матушка! Матушка! – крикнул он голосом, хриплым от скорби. – О, если бы хоть на мгновение, на одно короткое мгновение эти глаза могли видеть, эти уши слышать, ты была бы свидетельницей моей клятвы! Клянусь, я отомщу за тебя! С этого часа все свои силы, все время, душу и тело я отдаю мести. Отомстить!.. Нет, это не то слово! Это не месть, а правосудие, это суд над преступниками, над гнуснейшими убийцами, каких видел мир! Но они не уйдут от кары. Дух моей матери, услышь меня! Они не уйдут от кары! Я отомщу за твою смерть, полной мерой воздам за твои муки! Празднуйте, банда негодяев! Пируйте и веселитесь! Час расплаты близок – ближе, чем вы думаете. Я уйду, но я вернусь! Немного терпения – и вы еще увидите меня. Да! Вы еще будете стоять лицом к лицу с Карлосом, охотником на бизонов!

Карлос поднял правую руку и угрожающе протянул ее вперед, лицо его загорелось огнем мстительного торжества.

Словно движимый тем же порывом, конь его дико заржал, потом по знаку хозяина круто повернул и ускакал с утеса.

Глава LXVIII

Досмотрев до конца позорную церемонию на площади, Вискаarra и Робладо возвратились в крепость.

Как уже сказано, возвратились они не одни – они пригласили на обед именитых людей города: священника, отцов иезуитов, алькальда и прочих. Офицеров поздравляли с поимкой Карлоса, это событие надо было отпраздновать. Комендант и его капитан, главный виновник торжества, решили веселиться. Вот почему в крепости шел пир горой.

Стоит ли переводить Карлоса на гауптвахту? Пускай останется на ночь в городской тюрьме. Чего бояться? Не удерет же он! Ведь он так крепко связан и находится под надежной охраной.

Завтра наступит последний день его жизни. Завтра его враги с удовольствием увидят, как он будет умирать. Завтра комендант и Робладо насладятся местью.

Впрочем, Вискаarra наслаждался уже и сегодня. Он отомстил за презрение, с каким отнеслась к нему сестра Карлоса, хотя это он крикнул на площади палачу: «Хватит! « Не сострадание побудило его вмешаться. Нет, его слова были вызваны отнюдь не гуманными чувствами.

Намерения Вискаarry были коварны и гнусны. Завтра брата Роситы уберут с дороги, и тогда...

Но ни вино, ни музыка, ни громкий смех и шутки не могли отвлечь коменданта от одной горькой мысли. Ведь зеркало на стене снова и снова отражало его обезображенное лицо. Да, победа Вискаarry была куплена дорогой ценой, жалким было его торжество.

Робладо – тот блаженствовал. Среди гостей был дон Антонио, и сидели они рядом.

Вино сделало сговорчивым владельца рудников. Он был любезен и щедр на обещания. Его дочь, сказал он, раскаивается в своем опрометчивом поступке, теперь она безучастна к судьбе Карлоса. Пусть Робладо не теряет надежды.

Возможно, у дона Амбросио были основания верить в свои слова. Быть может, Каталина, чтобы лучше скрыть свой отчаянный замысел, дала ему для этого повод.

Вино лилось рекой, и гости коменданта пировали вовсю. Пели песни, произносили тосты и патриотические речи. Было уже за полночь, а веселье не утихало.

В разгар пирушки кто-то предложил, чтобы привели узника. Эта нелепая затея пришлась по вкусу полупьяной компании. Многим любопытно было поближе увидеть охотника на бизонов, который стал так знаменит.

Предложение поддержали сразу несколько человек, и комендант согласился. Почему бы не доставить удовольствие гостям? Да и самому Вискаarre, так же как и Робладо, понравилась эта мысль. Сейчас они лишний раз надругаются над ненавистным врагом.

Итак, позвали сержанта Гомеса, послали его за Карлосом, и пирушка продолжалась.

Однако, против всяких ожиданий, кончилась она очень скоро. В комнату ворвался сержант Гомес и громко объявил:

– Пленник исчез!

Если бы среди гостей взорвался снаряд, они не бросились бы врассыпную с такой быстротой. Переполох произошел невообразимый; все повскакивали с мест, опрокидывая столы и стулья; стаканы и бутылки полетели на пол.

Через минуту в комнате не осталось ни одного человека. Одни кинулись по домам проверять, целы ли их семьи, другие побежали к тюрьме, чтобы воочию убедиться, что сержант сказал правду.

Вискаarre и Робладо едва не лишились рассудка. Они бушевали и проклинали все на свете. Всему гарнизону тотчас приказали стать под ружье.

Через несколько минут чуть ли не все солдаты крепости вскочили на коней и помчались к городу.

Тюрьму окружили.

Вот дыра, через которую удрал узник. Но как он развязал веревки? Кто передал ему оружие?

Караульных допрашивали и пороли, пороли и допрашивали, но ничего от них не добились. Они ведь только тогда узнали, что узник сбежал, когда за ним пришел Гомес с солдатами.

На поиски во все стороны разослали небольшие отряды, но что они могли сделать ночью? Едва ли охотник остался в городе. Конечно, он снова умчался куданибудь на Равнины!

Ночные поиски ни к чему не привели; отряд, посланный вниз по долине, возвратился наутро, не обнаружив никаких следов Карлоса или хотя бы его сестры и матери. О том, что еретичка умерла этой ночью, в городе уже знали, но куда девалось ее тело? Уж не ожила ли она и помогла узнику бежать? Что же, очень возможно!

Утром, попозже, на это загадочное событие пролился какой-то свет. Дон Амбросио, который накануне отправился на покой, не потревожив дочери, ждал ее к завтраку. Что же это она не является в положенный час? Отец рассердился, потом забеспокоился и наконец послал за нею. Но на стук в дверь ее спальни не последовало ответа.

Взломали дверь, вошли в комнату – и что же? Никого нет, постель не смята: сеньорита сбежала!

Ее надо найти! Где конюх? Где лошади? Догнать ее и вернуть!

Бросились к конюшне, открыли ее. Нет конюха, нет лошадей

– они тоже исчезли!

Святые угодники! Какой скандал! Мало того, что дочь дона Амбросио помогла преступнику удрать, она бежала и сама, и теперь они вместе! «Неслыханно!» – говорили все в один голос.

Наконец напали на след лошадей. По следу отправился большой отряд улан, и с ними конные жители долины. Отпечатки копыт вели на плоскогорье, затем к Пекосу. Беглецы переправились через реку. Дальше след терялся. Всадники разъехались в разные стороны по сухой гальке, и следов уже нельзя было различить.

После нескольких дней бесплодных поисков преследователи возвратились. Послали новый отряд, но и этот вернулся ни с чем. Обыскали каждый уголок, где Карлос мог бы найти себе убежище: старое ранчо, рощи на берегу Пекоса, нагрянули даже в ущелье, обшарили пещеру – нигде никаких признаков беглеца и его спутников! Оставалось лишь предположить, что они покинули СанИльдефонсо.

Это предположение подтвердилось, и все перестали наконец теряться в догадках. Дружественные команчи, заглянувшие в долину, рассказали, что Карлос встретился им на плоскогорье. Его сопровождали две женщины и несколько слуг с мулами, навьюченными продовольствием. Охотник на бизонов сказал команчам, что он отправляется в далекое путешествие – на другую сторону Великих Равнин.

Эти сведения были точны, и никто в них не усомнился. Карлос нередко говорил о своем намерении уехать в страну американцев. Туда-то он и направился и, вероятнее всего, оседет там на берегах Миссисипи. Теперь его никто не нагонит. Больше его здесь не увидят – вряд ли он когда-нибудь опять покажется в поселениях Новой Мексики.

Прошли месяцы. Кроме того, что рассказали команчи, о Карлосе и его близких ничего не было слышно. И хотя ни его, ни тех, кто ушел с ним, не позабыли, о них перестали повсюду говорить. У жителей СанИльдефонсо были и другие дела; а в последнее время произошли события столь значительные, что они почти вытеснили память о знаменитом беглеце.

Поселению грозил набег ютов. Этого не миновать бы, но тут на ютов, в свою очередь, напало другое воинственное племя и разбило их. Поражение ютов предотвратило набег на долину в этом году, но опасность на будущее осталась.

А затем над Сан-Ильдефонсо нависла еще одна угроза: ждали мятежа тагносов – мирных индейцев, составляющих здесь большинство населения. Во многих поселениях их братья восстали, и им удалось сбросить испанское иго. Могли ли и тагносы Сан-Ильдефонсо не мечтать о восстании, о свободе?

Однако благодаря предусмотрительности властей заговор в Сан-Ильдефонсо был пресечен в корне. Вожаков схватили, допросили с пристрастием, осудили и расстреляли. Скальпы убитых вывесили на воротах крепости в назидание их темнокожим соотечественникам, которым ничего больше не оставалось, как смириться.

Эти трагические события во многом способствовали тому, что охотник на бизонов и его дела были преданы забвению. Конечно, кое у кого в Сан-Ильдефонсо были веские основания его помнить, но большинство перестало думать о нем и его близких. Все слышали и поверили, что беглец давным-давно пересек Великие Равнины и теперь находится под защитой своего народа на берегах Миссисипи.

Глава LXIX

Что же все-таки случилось с Карлосом? Правда ли, что он пересек Великие Равнины? Неужели он так и не вернулся? Что случилось с поселением Сан-Ильдефонсо?

Эти вопросы пришлось задать, так как человек, рассказывавший легенду, замолк. Взор его блуждал по долине, порой устремлялся на Утес загубленной девушки, порой останавливался на поросших сорной травой руинах. Глубокое волнение охватило рассказчика – вот почему он умолк.

Его слушатели начали догадываться о судьбе, постигшей Сан-Ильдефонсо, и с нетерпением ждали конца. Спустя некоторое время рассказчик продолжал:

– Да, Карлос вернулся. Что произошло с СанИльдефонсо? Вот те руины вам ответят. Сан-Ильдефонсо пал. Хотите знать, как это случилось? Эта страшная повесть – повесть о крови и мести. Карлос отомстил.

Охотник на бизонов вернулся в долину Сан-Ильдефонсо, но вернулся не один. Он привел с собою пятьсот воинов, краснокожих воинов, которые избрали его своим предводителем, своим белым вождем. Это были непокоренные индейцы племени вако. Они знали, какое зло причинили ему враги, и поклялись отомстить за него.

Стояла осень, поздняя осень – самая прекрасная пора на американских равнинах, когда раздумываются дикие леса и природа словно отдыхает от ежегодных тяжких трудов, и все живое, насладившись роскошным пиром, который она так щедро приготовила для своих детей, кажется умиротворенным и счастливым.

Была ночь, ярко светила осенняя луна, та самая луна, чей круглый диск и серебряные лучи прославлены в песнях жатвы по всей земле.

Лучи ее не менее ослепительно падали на дикие просторы Льяно Эстакадо, хотя там жатвы никогда и не ведали. Предостерегающее рычание овчарки разбудило одинокого пастуха, дремавшего возле затихшего стада. Приподнявшись, он настороженно огляделся. Что там – волк или медведь, или, может быть, рыжая пума? Нет, это не зверь. Нечто совсем иное увидел пастух, окинув взором прерию... Увидел – и содрогнулся.

По прерии двигалась длинная цепь темных силуэтов. То были силуэты лошадей с их седоками. Лошади шли гуськом – морда одной касалась крупа другой. Направлялись они с востока на запад. Голова колонны была уже совсем близко, а конец терялся вдалеке, и пастух его не видел.

Вскоре войско приблизилось. Всадники проходили в двухстах шагах от того места, где лежал пастух. Они скользили плавно и бесшумно. Не звякали удила, не звенели шпоры, не бряцали сабли. Слышались лишь глухие удары о землю неподкованных копыт да порой ржанье нетерпеливого коня, который тут же умолкал, сдерживаемый седоком. Они проходили неслышно – неслышно, как тени. Озаренные полной луной, они казались призраками.

Пастух дрожал от страха, хотя и знал, что это не призраки. Он прекрасно знал, кто они, и понимал, что означает это нескончаемое шествие. Индейские воины двинулись в поход. В ярком свете луны он хорошо разглядел их. Он видел, что здесь одни мужчины. До пояса и ниже бедер они обнажены, грудь и руки их раскрашены, и при них лишь луки, колчаны и стрелы. Сомнений не оставалось: это дикие индейцы вступили на тропу войны.

Но удивительнее всего показался пастуху вождь, который ехал впереди этого молчаливого отряда. Он не походил на остальных ни одеждой, ни снаряжением, ни цветом кожи. Пастух увидел, что вождь – белый!

Впрочем, изумление пастуха быстро прошло. Он был человек смысленный. Это он нашел когда-то трупы желтолицего охотника и его друга. Ему припомнились события того времени. После недолгого раздумья он решил, что этот белый вождь не кто иной, как Карлос, охотник на бизонов. И пастух не ошибся.

Прежде всего он подумал о спасении собственной жизни и замер, боясь шелохнуться. Но не успели воины пройти мимо, как у него возникли другие мысли. Индейцы на тропе войны! Они идут к городу, и ведет их Карлос, охотник на бизонов! Ему пришла на ум история изгнанника, он вспомнил все подробности. Ну конечно, Карлос возвращается в Сан-Ильдефонсо для того, чтобы отомстить своим врагам!

Отчасти из чувства патриотизма, отчасти в надежде на вознаграждение пастух решил помешать Карлосу. Он поспешит в долину и предупредит гарнизон!

Едва всадники проехали мимо, он вскочил на ноги и готов был мчаться в крепость. Но он просчитался. Разведчики, которых предусмотрительно разослал белый предводитель, давно уже заметили и окружили пастуха вместе с его стадом, и его тут же схватили. Половина стада пошла на ужин тем самым людям, которых он собирался выдать.

До того места, где им встретился пастух, белый вождь и его спутники ехали хорошо знакомой дорогой – дорогой торговцев с индейцами. Здесь предводитель свернул и, не сказав ни слова, повел воинов наперерез по прерии. Бесшумно и послушно следовала за ним бесконечная цепь всадников, словно ползла, извиваясь, гигантская змея.

Еще через час они достигли края Великой Равнины – места, так хорошо знакомого их

вождю. Оно возвышалось над ущельем, в котором он не раз укрывался от врагов. Луна, по-прежнему сиявшая ослепительно ярко, была теперь низко над горизонтом, и свет ее не достигал дна ущелья. Оно лежало в глубокой тени. Спуск был труден, но только не для таких людей, да еще с таким проводником.

Сказав несколько слов ближайшему воину, белый вождь направил коня в расселину и исчез в тени скал.

Воин передал приказ следующему и вслед за Карлосом скрылся во мраке. Так, одного за другим, бездна поглотила пятьсот всадников.

Некоторое время до слуха доносился непрерывный частый топот

– удары двух тысяч копыт о скалы и мелкие камни. Но шум этот постепенно замирал, и наконец все стихло. Люди и лошади ничем не выдавали своего присутствия в ущелье. Слышались одни лишь голоса диких зверей и птиц, в чье убежище вторглись непрошенные гости, – жалобный плач козодоя, вой волка да пронзительный крик орла.

Прошел еще день. Снова возшла луна, и гигантская змея, что весь день пролежала свернувшись в ущелье, неслышно выскользнула из его устья и потянулась через долину реки Пекос.

Вот она уже достигла реки и переправляется на другой берег. Среди всплесков и брызг лошади одна за другой идут бродом, затем колонна скользит дальше.

Из долины Пекоса она поднялась на ту часть плоскогорья, с которой открывается вся долина СанИльдефонсо.

Небольшой привал, вперед посланы разведчики, и колонна снова движется.

А когда луна снова скрылась за снежной вершиной Сьерра-Бланки, голова колонны достигла Утеса загубленной девушки. Последний час предводитель ехал медленно, словно ждал, пока зайдет луна. Свет ее теперь не нужен. Для того, что должно свершиться, больше подходит тьма.

Разведчики, посланные осмотреть дорогу, возвратились. Узким проходом среди скал белый вождь ведет свой отряд вниз. Еще полчаса – и пятьсот всадников неслышно скрываются в зарослях.

Посреди чащи метис Антонио отыскивает поляну. Здесь воины соскакивают с коней и привязывают их к деревьям. Они нападут на врагов пешие.

Час ночи. Луна скрылась, и перистые облака, отражавшие ее свет, с каждой минутой становятся темнее. Теперь уже ничего не разглядишь в двадцати шагах. Черной и мрачной кажется громада крепости на фоне свинцового неба. Не виден на башне часовой; лишь время от времени разносится его пронзительный окрик: «Слушай! « – значит, он на своем посту. На окрик отвечает часовой у ворот, и снова воцаряется тишина. Гарнизон спит крепко, безмятежно спят и стражи у ворот, растянувшись на каменной скамье.

В крепости не опасаются внезапного нападения: ведь нет никаких слухов о набегах индейцев, с соседними племенами отношения мирные, заговорщики-тагносы уничтожены. К чему излишняя предосторожность? Для обычной охраны гарнизона вполне хватит одного часового у ворот и другого – на асотее. Еще бы! Обитателям крепости и не мерещится, что враг близок.

«Слушай! « – снова пронзительно кричит страж на стене. «Слушай! « – отвечает ему другой, у ворот.

Но оба они беспечны и не слишком чутко прислушиваются; они не замечают, как к стенам, распластавшись по земле, словно огромные ящерицы, ползут какие-то темные тени. Медленно и неслышно движутся они в траве, неуклонно приближаясь к воротам крепости. Возле часового горит фонарь, он отбрасывает свет на некоторое расстояние. Но что толку – часовой их не видит!

Наконец какой-то шорох достигает его слуха. С губ его готовы слететь слова: «Кто идет? « – но смерть останавливает их. Разом натянуты шесть луков, шесть стрел впиваются в грудь часового. Сердце его пронзено, и он падает, не издав даже стога. Поток темных тел вливается в открытые ворота. Захваченная врасплох стража умирает, не успев схватиться за оружие.

Гремит боевой клич вако, сотни темнокожих воинов бурным потоком хлынули во внутренний двор.

Они заполняют патио, осаждают двери казарм. Солдаты, охваченные паникой, выбегают в одних рубашках и падают, пронзенные стрелами своих темнокожих противников. Со всех сторон раздается треск карабинов и пистолетов, но те, кто стрелял, умирают, не успев перезарядить свое оружие.

Это была страшная битва, хоть длилась она и недолго. Все смешалось: крики, стоны, выстрелы; звучный голос мстителя-вожака и дикий боевой клич его соратников; треск дерева, когда взламывали или срывали с петель двери, лязг мечей, свист стрел, грохот карабинов... Да, это была поистине страшная битва!

Но вот она кончилась. Наступила почти полная тишина. Воины больше не оглашают воздух своим устрашающим кличем. Их враги, солдаты, уничтожены. Все казармы очищены, не забыли ни одной, а их недавние обитатели, все в крови, лежат кучами среди двора или у дверей. Все они убиты на месте.

Впрочем, нет, не все. Двое остались в живых, двоих пощадили. Вискаarra и Роблаго все еще живы.

Теперь к деревянным дверям здания сваливают груды щепок и поджигают их. К небу вздымаются клубы дыма и полотнища багрового пламени. Огонь подбирается к массивным еловым балкам асотеи; они загораются, трещат и падают во двор. Вскоре от крепости остаются лишь дымящиеся развалины...

Но краснокожие воины не стали ждать, пока стгорит крепость. Месть их вождя еще не завершена. Он должен отомстить не только солдатам. Он поклялся отомстить и жителям долины. Поселение Сан-Ильдефонсо должно быть уничтожено!

И Карлос сдержал свою клятву. Прежде чем взошло солнце, город был охвачен пламенем. Стрелы, копья и томагавки совершили свое дело: мужчины, женщины, дети сотнями гибли под крышами своих пылающих домов.

Кроме индейцев-тагносов, лишь немногие остались в живых, они и рассказали о страшной бойне. Лишь немногим белым, в их числе злополучному отцу Каталины, позволили уйти в другие поселения и взять с собой остатки имущества.

За какие-нибудь двенадцать часов все поселение Сан-Ильдефонсо – город, крепость, миссия, асиенды и ранчо – перестало существовать. Не стало и жителей этой прекрасной долины.

Всего только полдень. Развалины Сан-Ильдефонсо еще дымятся. Его обитатели мертвы, но здесь есть люди. На площади сотни темнокожих воинов, они выстроены квадратом. Перед ними посреди площади разыгрывается необычная сцена, еще одно действие драмы: завершается месть их вождя.

На ослах, связанные, сидят два человека. С них сняли одежду, и их обнаженные спины выставлены напоказ перед молчаливыми зрителями. Но хотя на этих двоих больше нет развевающихся сутан, их нетрудно узнать по коротко остриженным волосам и выбритым тонзурам.

Это отцы иезуиты из миссии.

Глубоко врежется плеть в обнаженные тела, иезуиты громко стонут и извиваются от боли и страха. Они горячо просят и молят своих мучителей прекратить жестокую порку, но никто их не слушает.

На эту казнь смотрят двое белых. Один из них Карлос, охотник на бизонов, другой – скотовод дон Хуан.

Напрасно стараются святые отцы вызвать в них жалость. Им не растрогать этих двух людей – их сердца окаменели.

– Вспомните мою мать, вспомните мою сестру! – сквозь зубы отвечает Карлос.

– Да, недостойные священники, вспомните! – добавляет дон Хуан.

Снова взлетает плеть и снова опускается на спины, и так до тех пор, пока все четыре угла площади не стали свидетелями наказания.

Ослов подводят к церкви – она почернела от копоти, крыша обрушилась, – связывают их голова к голове; зрителям видны только спины седоков.

В стороне протянулась цепочка воинов, их луки натянуты, и по сигналу град стрел со свистом прорезает воздух. Страданиям святых отцов настал конец: обоих нет больше в живых.

Я подхожу к последнему действию страшной драмы; нет слов, чтобы его описать. Все предыдущее тускнеет перед ужасом этой сцены. Она разыгрывается на вершине Утеса загубленной девушки. В этом месте часть плоскогорья узким, длинным мысом врезается в долину, здесь Карлос столь блестяще выдержал испытание в день святого Иоанна.

И сейчас будет снова показано искусство верховой езды. Но как не похожи на прежних участники, как не похожи зрители!

На лошадях сидят два человека. Это всадники поневоле

– они привязаны к седлам. Их руки не сжимают поводья – они связаны за спиной, а ноги стянуты сыромятным ремнем, проходящим под брюхом лошади. Для того, чтобы всадники прочно и неподвижно держались в седле, их привязали еще и другими ремнями, идущими от крепких кожаных поясов к передней луке и к крупу лошади. Таким образом, лошадь не может сбросить седока, не скинув и седла, а этому помешает прочная подпруга. Все предусмотрено: эти всадники не вылетят из седел, не показав своего искусства.

Но не по доброй воле они это сделают. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть на их лица. Ужасны чувства, явственно написанные на этих лицах: самое низкое, трусливое малодушие, самое беспросветное отчаяние.

Люди эти – средних лет, оба офицеры в полной парадной форме. Но и без того нетрудно узнать в них смертельных врагов Карлоса – Вискару и Робладо. Только теперь они уже не противники Карлоса – они его пленники.

Но для чего же их посадили на лошадей таким странным образом? Что за комедия должна здесь разыграться?... Комедия? Как бы не так!

Смотрите: лошади под этими седоками – дикие мустанги. Смотрите: голова каждого мустанга обмотана куском грубой ткани, и он ничего не видит.

Для чего? Сейчас вы это узнаете.

Каждого коня с трудом удерживает индеец-тагнос. Мустанги стоят на Утесе загубленной девушки, перед выступом, который выдвигается вперед.

В ту же сторону обращены и лица выстроившихся в ряд воинов-индейцев. Они безмолвны. Ничем не нарушается зловещая тишина. Впереди на вороном коне – вождь, и к нему прикованы все взоры, словно люди ждут от него сигнала. Лицо его бледно, но сурово и непоколебимо. Месть еще не завершилась.

Он и его жертвы не обмениваются ни единым словом. Все уже сказано. Они знают свою участь.

Они сидят к нему спиной, они его не видят; но в устремленном на него взоре обоих тагносов, удерживающих лошадей, какое-то странное выражение. Чего они ждут? Ждут знака.

Взмахом руки, в молчании подан знак. Тагносы, отпустив мустангов, отскакивают в сторону. Еще знак – и воины, пришпорив своих коней, с диким криком несутся вперед.

Вот уже их копыта вонзаются в крупы мустангов, и ничего не видящие лошади скачут к выступу утеса...

Вопль смертельного ужаса, вырвавшийся у седоков, тонет в криках преследователей. Еще мгновение – и все кончено. Перепуганные мустанги сорвались с утеса, увлекая своих седоков в вечность.

Темнокожие воины сгрудились у края обрыва и безмолвно смотрят друг на друга.

Вперед метнулся всадник; сдержав коня у самого края, он посмотрел вниз, в пропасть. Это белый вождь.

Он глядит на бесформенную груду, лежащую внизу. Люди и лошади недвижимы – они мертвы, смяты, раздроблены, разбиты... Страшное зрелище!

Карлос глубоко вздохнул, словно огромная тяжесть свалилась наконец с его сердца. Потом обернулся к другу.

– Дон Хуан! – произнес он. – Я сдержал слово: она отомщена!

Заходящее солнце видело длинную цепь воинов-индейцев: один за другим они выезжали из долины и направлялись к Льяно Эстакадо. Но они уходили не так, как пришли. Они возвращались из Сан-Ильдефонсо в родные края с награбленным добром, которое они считали своей законной военной добычей.

Впереди по-прежнему ехал охотник на бизонов, и рядом с ним – скотовод дон Хуан. Только что разыгравшиеся страшные события омрачили их лица, но эти тени рассеивались, когда всадники мысленно уносились в будущее. В конце пути обоих ждали радостные встречи.

Карлос недолго оставался со своими друзьями-индейцами. Взяв золото, которое они ему когда-то обещали, он двинулся дальше на восток и там, в Луизиане, на РедРивер, развел плантацию. С ним были красавица-жена, сестра, дон Хуан и несколько старых слуг, и он прожил многие годы в мире и благоденствии.

Время от времени он отправлялся на охоту в страну своих старых друзей вако, которые неизменно были ему рады и по-прежнему называли его своим белым вождем.

А о Сан-Ильдефонсо с тех пор ничего больше не было слышно. В этой прекрасной долине так и не основали новых поселений. Тагносы, освобожденные от сетей рабства, которыми опутали их отцы иезуиты, с великой радостью отказались от навязанной им полукцивилизации. Иные обосновались в других поселениях, большинство же возвратились к прежним обычаям – они снова стали охотниками прерий.

Возможно, что в другие времена судьба Сан-Ильдефонсо вызвала бы больший интерес, но описанные нами события произошли в исключительный период испаноамериканской истории. Как раз в ту пору на всем Американском континенте владычество Испании быстро клонилось к упадку, и падение Сан-Ильдефонсо было всего лишь эпизодом среди многих не менее драматических событий. Примерно в то же время пали Гран-Квивира, Або, Чилили и сотни других поселений и городов. У каждого из них своя история, своя кровавая повесть – быть может, куда более интересная, чем та, которую мы здесь рассказали.

Лишь случай привел нас к прекрасной долине Сан-Ильдефонсо, случай столкнул нас с человеком, который помнил ее легенду – легенду о белом вожде.